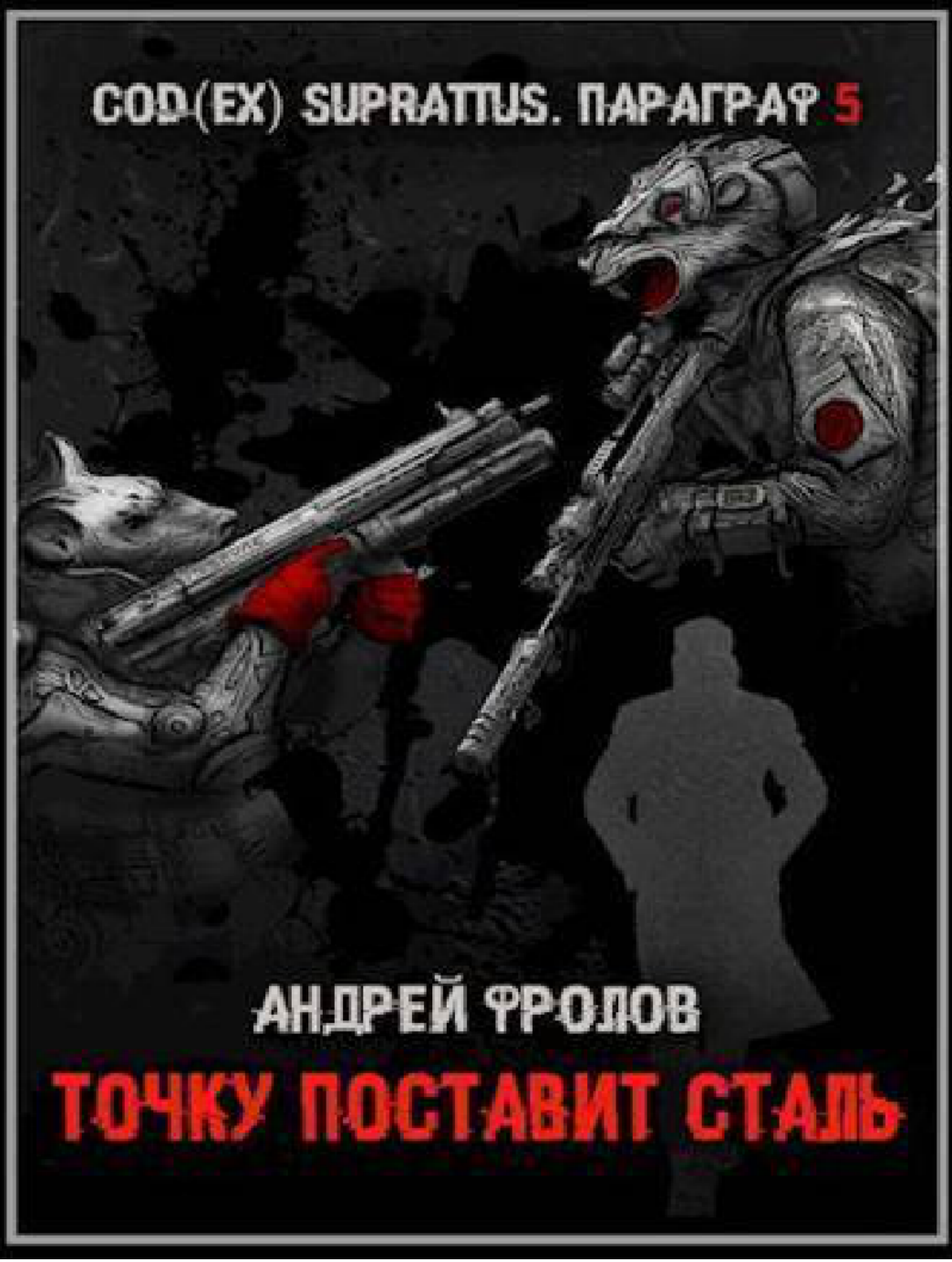
COD(EX) SUPRATTUS. ПАРАГРАФ 5



АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ТОЧКУ ПОСТАВИТ СТАЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Открывшаяся правда рушится на Ланса фер Скичиру грудой разрозненных осколков, которые только предстоит собрать в цельное полотно. Тем временем Юдайна-Сити закипает, как лапшичный чан в закусочной черношкурого Щупа. Сойдутся ли в открытой схватке Шири-Кегарета и Хадекин фер вис Кри, утопят ли Бонжур в пламени и горе? Покажет время… Но беда близко, это осознаёт и сам «специалист по решению деликатных проблем», и его союзники. А тут ещё совершенно некстати подворачивается старый знакомец с совершенно нелепым поручением… История становится всё более запутанной, асимметричной, рваной и непредсказуемой… как джаз, так любимый Лансом фер Скичирой… как и сама его жизнь, стремительно катящаяся в бездну Бансури…

- Андрей Фролов
  - Словарь
  - Disclaimer
  - Глава 1
  - п.5.; г.1; ч.2
  - мицелиумный шум
  - Глава 2
  - п.5.; г.2; ч.2
  - praeteritum
  - literarum
  - Глава 3
  - п.5.; г.3; ч.2
  - п.5.; г.3; ч.3
  - мицелиумный шум
  - Глава 4
  - п.5.; г.4; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 5
  - п.5.; г.5; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 6
  - п.5.; г.6; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - praeteritum
  - Глава 7
  - literarum
  - Глава 8

- п.5.; г.8; ч.2
- praeteritum
- Глава 9
- п.5.; г.9; ч.2
- praeteritum
- Глава 10
- п.5.; г.10; ч.2
- literarum
- Глава 11

Андрей Фролов
Точку поставит сталь (Ланс Скичира 5)

Словарь

Все использованные ниже термины и определения в тексте дублируются сносками, а здесь опубликованы для потенциального удобства читателей.

На этот раз новый термин снова всего один:

НИРМААТА. Продюсер.

Далее традиционно следует основной словарь, уже знакомый читателям романов **«Огню плевать»**, **«Точите ножи!»**, **«Конечно, кровь»** и **«Огибая свет»**. Термины выставлены по алфавиту, рекомендую освежить в памяти:

АССОЛТЕР. Ручное индивидуальное автоматическое оружие для ведения длительного и/или дистанционного боя.

БАЙШИ. Негативное определение личности, неразборчивой в интимных связях и вступающей в них с любым желающим.

БАШЕР. Ручное стрелковое оружие, чаще всего одноствольное и компактное, но бывают и исключения.

БОЛЛАРДЫ. Выдвижные противотаранные столбы.

БОРФ. Оскорбительный термин в отношении представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

ВИСТАР. Представитель высшего слоя привилегированного класса чу-ха.

ГАППИ. Она же «болтушка», повсеместно распространенное портативное устройство с широким набором функций.

ГЕДЖЕКОНДУ. Трущобные районы гнезда, возникшие в результате взрывной урбанизации.

ГЕНДО. Двухколесное транспортное средство с маломощным электродвигателем.

ГЛАБЕР. Он же «лысый землекоп», калибровщик устройств входа в Мицелиум, а также специалист по решению на его просторах задач (зачастую незаконных) любого уровня. Г. нередко объединяются в псевдорелигиозные ячейки и не стесняются демонстрировать принадлежность к цеху уникальных ремесленников.

ДАЙЗУ. Также известное, как «карамель», легализованное психоактивное вещество.

ДЖИНКИНА-ТАМ. Мифологическое определение суррогатного сознания.

КАЗОКУ. Ячейка преступного сообщества.

КАЗОКУ-ЙОДДА. Боец ячейки.

КАЗОКУ-ХЕТТО. Безусловный лидер ячейки.

КАЗОКУ-ШИН. База криминального сообщества.

КАСТУРА. Он же «Моллюск», легкий антропоморфный танк.

КИЗО-ДАРИДРАТА. Буквально «благородная нищета», философское течение, образ мысли и существования, пронзающий множественные слои гнезд; предполагает уважительно-пренебрежительное отношение к материальным ценностям и образу существования.

КИУААМ-ПУДЖА. Старинный ритуал жестокого самоистязания в раскаяниях за совершенный проступок или серьёзную ошибку.

КУКУГА. Синтосексуал высшего уровня.

КУРАНПУ. Зажим или силок на мелких животных (устаревший диалект нихонинди).

МАНДЖАФОКО. Операторы, инженеры-проектировщики, отладчики и разработчики новых моделей синтосексуалов.

МИЦЕЛИУМ. Единый информационный туман, пронизывающий все слои общества чу-ха.

МИЦЕЛИ-ЙОДДА. Глабер-радикал, боец Мицелиума.

МОННГО. Азартная игра с использованием специальных фишек-костей для 2–4 участников.

ОНСЭН. Специалист по оказанию интимных услуг за деньги.

ОПИАНИН. Полулегальный синтетический наркотик.

ПАЙМА. Алкогольный напиток крепостью 40–60 градусов.

РАКШАК. Чу-ха, обученный воинскому искусству и отдавший гражданский долг несением службы.

САДУ. Служитель религиозного культа Благодетельной Когане Но и прочих представителей ее пантеона.

СТРИХ. Сильнодействующий синтетический наркотик с ярко выраженным действием, быстро вызывает психологическую и физическую зависимости.

ТАЙЧО. Невероятно популярная игра на специальном столе с воротцами по бортам, с применением шаров-битков и специальной тычковой биты.

ФАНГА. Игловидный поражающий снаряд стрелкового оружия.

ХАТЬЯРА. Наемный убийца.

ЧИБИТО. Устаревший термин, означающий «уже мертвый внутри, но еще живой».

ЧИНГА. Вареный тонизирующий напиток из полусинтетической смеси, вызывающий легкое привыкание.

ШКУРА-КОТОКАГЕ. Костюм, оснащенный специальными средствами блокировки или обмана средств визуального, радиолокационного или инфракрасного (и других областей спектра) слежения.

ЮНМУ. Информационный накопитель.

Disclaimer

В очередной раз считаю необходимым начать с предостережения.

Как и в предыдущих книгах цикла COD(EX) SUPRATTUS, часть глав параграфа **«Точку поставит сталь»** будет открыта для бесплатного ознакомления. Посему хочу предупредить всех, ещё не знакомых с предыдущими похождениями Ланса фер Скичиры — вы листаете эти «открытые» страницы на свой страх и риск, так как в них могут обитать хищные спойлеры, способные основательно подпортить впечатление от чтения (если затем вдруг надумаете-таки начать в хронологическом порядке).

Поэтому если вам действительно интересно познакомиться с историей приключений единственного человека в хвостатом мире Юдайна-Сити, автор прозрачно намекает — начните с «Огню плевать», первого романа цикла.

Ну а уже знакомым с развитием событий и содержанием четырех предыдущих параграфов традиционное: добро пожаловать, присаживайтесь, вот вам пиала паймы или чашка чинги на выбор, поехали!

Глава 1
ПРИБЛИЖАЕТСЯ БУРЯ

Однажды мне уже довелось испытать подобное…

Во время скитаний со Стиб-Уиирта, за считанные недели до судьбоносного похода в Юдайна-Сити, торга на Витрине Милашек и всего прочего, невероятно увлекательного и укрепляющего нервы.

Воспоминания о том жутковатом природном ударе оказались яркими и сейчас, а ещё — на удивление наполненными непрошенной теплотой. Вот я увидел в памяти бесхвостых, возившихся в привычном жизнеритме длительной стоянки, латавших одёжку, дрессировавших детёнышей или чинивших влагосборники.

Но вот внезапно всё стихло: и стрёкот насекомых, и шёпот ветра. Даже ссыпающийся с серповидных барханов песок перестал бормотать своё бесконечное заклинание.

Я оторвался от плетения кожаной верёвки и, разумеется, ничего не понял.

А вот чу-ха-хойя засуетились.

Без писков и ожидаемых воплей, но лихорадочно — самцы разбились на пары и начали очень спешно рыть норы в глинистых склонах, самки кинулись разбирать переносные лачуги. В потеплевшем воздухе ощутимо запахло сладким, заставлявшим бродячих манксов то и дело морщить носы.

Уже через треть часа племя сидело в дюжине ям под надёжным укрытием каркасов от хижин, поверх которых были расстелены шкуры и занавеси, дополнительно утяжелённые попавшимся под лапу скарбом.

Меня впустили одним из последних. Что ж, на этом этапе воспоминание спотыкалось-таки об изнанку уютной бесконечности пустынной жизни — я всё ещё отлично помнил, с каким фонтанирующим энтузиазмом набившиеся в землянку собрались поделиться местом с почти бесполезным бледношкурым и чуть не отхватили мне пальцы. Однако Джу-бир-Амрат оскалил огромные резцы и так выразительно зашипел на жён, что те мгновенно подвинулись и уступили.

И совсем скоро после этого на стоянку налетел Пунч-ки-лат, знаменитый и жестокосердный Удар Хвостом, завывавший так, что детёныши ходили под себя.

Короткий, пронзительный и безжалостный; иссекающий кристалликами песка, будто бритвами, ураган пронёсся над нами,

расшвырял пожитки племени изрядным пятном, и лишь через десять минут вернул в мир привычные звуки…

И вот сейчас, уже не в пустыне, а в злой реальности огромного сверкающего гнезда, я ловил себя на о-очень похожих ощущениях. Будто бы в зловещем беззвучии перед приходом яростного Пунч-ки-лата.

Только вместо стен спешно вырытой норы бледношкурого окружали всё ещё неприступные Пузыри, а под боком вместо сварливых жён Джу-бир-Амрата находилась сводящая с ума Ч'айя.

Ещё одним отличием стало ожидание. Ведь если пустынный шторм навалился стремительно, то обманчивое затишье с момента окончания операции «Вторая дверь открывается дуновением» кончилось только утром на третьи сутки…

Чем были наполнены пролетевшие дни? В первую очередь, зализыванием ран. И сном, разумеется. Во всяком случае, у меня, потому что Ч'айя-то практически прикипела к консоли. Агрегат оказался мощнейшим, с сотней степеней защиты, но иного бы Кри в нашей текущей ситуации и не выдал. К нему-то подруга и прирастала с раннего утра и до позднего вечера, когда всё-таки падала в короткий сон.

Дорвавшись до свободы насыщения, девчонка впитывала информацию с жадностью на грани помешательства. Больше не опасаясь визитов в «мицуху», вылавливала там не просто новости или факты о жизни или прошлом Тиама, но также всё, связанное с системотворчеством.

Куранпу, к моему разочарованию (или к счастью?), не появлялась. Иногда я замечал лёгкую тень на дне карих глаз — мимолётный вихрь, отблеск, будто по высокой траве скользнул опасный хищник, — но бросаться в атаку та явно не спешила.

Впрочем, если это была тактика изматывания и заманивания, то и она свои плоды принесла. Потому что на второй день, когда усталость отступила, ко мне пожаловало невыносимое желание.

Байши, до чего же это оказалось мучительным: находиться с ней в тесной норе, ощущать запах и лишь изредка, будто ненароком, прикасаться… к вечеру я стал ловить себя на скрежетании зубами.

Однако (и тут найдётся настоящий повод для гордости) показать мучений не мог. И мужественно справлялся с поставленной задачей. Больше никакой слабины, и с этих пор девчонка будет видеть своего защитника исключительно сильным и невозмутимым!

Врать не стану, было непросто. Хотя ледяная малообщительность Ч'айи мне весьма и весьма помогла в выполнении этой нелёгкой задачи.

В общем, девчонка всё впитывала и впитывала с перерывами на гигиенические процедуры и перекус. А я отсыпался. С блаженством, которого не испытывал уже очень давно. И пусть на границе сознания бился тревожный пульс, а виртуа-Лансы наперебой возмущались, их вожак предпочитал пока лишнего в голову не тащить.

Ну да, ещё я ел. Не скажу, что много, но с вернувшимся аппетитом. Ведь угощали нас, разумеется, просто шикарно, и посиди я на такой кормёжке не пару дней, а месяцок, точно бы прибавил килограммов пять. Так что, да, ещё я ел. А потом снова возвращался в горизонтальное положение.

Разумеется, за эти два дня я всё-таки покидал кровать. Изредка, но всё же. К сожалению (или снова к счастью?) — одну единственную кровать, ошибочно предоставленную Пятым Когтем «Диктата» терюнаши и его «жене».

На мою радость в комнате также нашёлся диван, выручавший ночью… но вообще Ч'айя спала так мало, что чередовать захват полноценного лежбища труда для нас не составило.

Так прошли сутки. Так наступили вторые: умыться, набить пузо, забраться в врачевательную капсулу, почистить башеры, поспать и провести инвентаризацию прихваченного из родной норы барахла. Повторить через несколько часов. Ещё паймы глотнуть, но это совсем чуть-чуть, чтобы не мучили кошмары. Впрочем, не особенно помогало…

Ч'айя ныряла и поглощала, почти не раздражаясь на частые сбои соединения с «миц-блицем». Я же с опаской шерстил новости, за целых сорок часов не обнаружив в «мицухе» ни единого упоминания о сбое сорока синтосексуалов.

Молчали официальные новостные ресурсы, молчали прокламаторские станции и каналы; мне не удалось отыскать ни слухов, ни возмущений о пропажах, ни тихого зашифрованного шипения в профильных сообществах манджафоко.

Словно и не было их, четырёх десятков спятивших кукуга, вскрывших арсеналы и напавших на Пузыри Хадекина фер вис Кри, чтобы схватить терюнаши за его бледную безволосую задницу.

Кри, кстати (к моему облегчению), после Самого Важного Разговора тоже не наседал. Не торопил, не выпытывал, будто в лучшей гостинице Пиркивелля предоставив нам все необходимые удобства, еду и обслуживание. И медикаменты, конечно же, благодаря которым шрам на моей скуле окончательно рассосался, а сломанные рёбра больше не пытались проковыряться в лёгкое.

Вывалив на нас кузов гранитной правды, Диктатион будто и вправду понял, что мне нужно элементарно отоспаться, а Ч'айе…

переварить услышанное, осознать его значимость и… окончательно примерить новую роль.

Излишне упоминать, но внешних контактов за прошедшую пару суток мы тоже не имели. Несмотря на включённый гаппи, со мной не пытались связаться ни Нискирич, ни Магда, ни Сапфир, хотя ждать последнего и не стоило. Если за прошедшие после штурма часы Данав фер Шири-Кегарета и возвращал себе стержневое присутствие, то на меня выйти тоже не пытался.

Впрочем, не буду лукавить и отвечать за обоих — один раз кареглазка всё же с кем-то поговорила. Через ту самую «болтушку», что получила в уютном доме Чёрных Юбок. Я, только вышедший в комнату из омывательной кабины и уловивший лишь обрывок беседы, сделал вид, что ничего не заметил.

Но кто ещё мог связаться с девчонкой?

Ответ был очевиден, хоть я и не лез уточнить.

Ч'айя делиться тоже не спешила. Во время разговора выглядела спокойной, вовсе не раздражённой или грубой, но… на короткий миг мне показалось, что почти перед разрывом связи она отдавала приказы. Как минимум, пыталась, хотя я догадывался, что на этот счёт Песчаный Карп заблаговременно озаботился нужными блокирующими протоколами. Даже против того, кто имел полное право эти приказы отдавать…

И вот она выключила гаппи, как ни в чём не бывало посмотрела мне в глаза, чуть заметно улыбнулась, и молча вернулась к сотням системотворческих таблиц, открытых на основном дисплее консоли.

Что ж. Если именно так выглядит настоящая семейная жизнь, тогда я хорошо понимаю самцов, вечер за вечером проводящих в питейных заведениях…

Конечно, меня так и подмывало прокомментировать таинственный разговор и выведать правду. Но благоразумию подчас учит не только угодившая в жопу фанга, но и иной житейский опыт. Поэтому я смолчал, улыбнулся в ответ и деловито распечатал пакет с вычищенной и подлатанной одеждой; вынул, развесил, изучил сохранность.

Накидку Ч'айи — тёмно-синюю с толстыми кожаными вставками и просторным капюшоном, подаренную Заботливой Лоло, — кстати, тоже почистили. А мою ещё и подлатали. Обрызганный кислотой «Шутов» рукав теперь выглядел, как новенький, а собственные штаны в состоянии «ни пылинки» я не видел вообще ни разу.

Не спеша менять уютный балахон «Диктата» на привычную одёжку, я завалился на кровать и взялся листать станции прокламаторов. В очередной раз убедившись, что все ярчайшие

события последних дней словно стёрли из новейшей истории Юдайна-Сити…

Обнаружение чудовищной, набитой тряпками и ватой коллекции «скромного оператора машины по заливке бетона и по совместительству таксидермиста-любителя» Хритто Омри затерялось в вихрях новостей не менее жутких и оттого притягательных. Гнездо массово похмелялось после «Состязания единения боли и радости». Гнездо по инерции восхваляло выживших победителей и готовилось к их награждению на разогреве грандиозного концерта «8-Ра».

А вот на улицах Бонжура становилось всё более неспокойно…

Вчера днём: жестокая драка на ножах прямо за углом «Лючи Чуа», облюбованного тетронами кабака — неслыханная наглость и почти открытый вызов «полосатым рубахам». Вечером: поджог лаборатории «Детей заполночи» недалеко от «Сдержанной благодати». Ночью: затяжная перестрелка на Виривага-Да. Сегодня утром: взрыв фаэтона возле «Аркады».

Две наиболее упитанные казоку района сцеплялись несколько раз на дню. Причём открыто. И даже глупцу становилось очевидно, что скоро это варево закипит так, что у кастрюли сорвёт крышку…

Я позволил руке с «болтушкой» безвольно упасть на покрывало.

Несмотря на недавнюю стычку с Нискиричем фер Скичирой, в груди всё равно ёкнуло. Косоглазый вожак действительно справится? Сможет пережевать жирный кусок, который позарился оттяпать? И почему, в конце концов, я так переживаю за «Детей»? Байши… с этим, видимо, и вправду ничего не поделать; как и было сказано не один раз самыми разными собеседниками от Перстней до Хадекина фер вис Кри — *пунчи, ты сам выбрал сторону*…

Да, выбрал. И к чему привёл меня этот выбор? К пряткам внутри огромных белых полусфер; словно подвальные мыши, мы сидим в тишине и зализываем раны, ежесекундно ожидая нового удара судьбы. Во всяком случае, я, по девчонке так было не сказать.

Забодай меня корова, в какой же всё-таки момент случилось самое страшное?! В заброшенном парке у бронированного дешифратора? Или всего пару дней назад, когда Зикро и его стая опрокинули систему Песчаного Карпа?

Я прикрыл глаза.

Недавние воспоминания вспыхнули с незатухающей яркостью. Сначала я сопротивлялся, а затем открыл дорогу их шумному цветному потоку. Вновь попробовал на вкус, рассмотрел

с разных углов, попробовал взвесить и сравнить.

Что ж. Это действительно оказался… непростой день. Весьма непростой день, гармонично перетёкший в ещё более сумасшедшую ночку. И речь шла даже не про драку с Магдой и её красноглазой псиной, открытое противление казоку-хетто «Детей заполночи», казнь ублюдочного Пуговичника или нападение сорока бешеных кукуга.

Главным действом дня стал ночной разговор. Тот самый, непростой, шероховатый, под аккомпанемент которого двадцать семь глаберов жрали и пили в честь победы над обороной виртуального демона…

— Ланс, пунчи, ты что, расстроен? — спросил тогда Хадекин фер вис Кри.

Расстроен ли я был?

Нет, ни капельки.

Я, байши, был просто в шоке.

Ошарашен. Растоптан. Окончательно а*уевлён.

— Вийо, что-что ты только что сказал?! — должен был в гневе вопросить я. — Утверждаешь, что мне совсем не суждено спасти мир, как я полагал об этом много лет, и главной звездой шоу является вот эта замечательная стройная девчонка с короткой стрижкой?!

Но вместо этого лишь приоткрыл рот и выдавил совершенно невнятное:

— Чего-о-о?!

Диктатион вздохнул.

— Так, понятно, — протянул он. К счастью, без капли издёвки, иначе бы я за себя вообще не поручился. — Давайте-ка продолжим разговор в более комфортной обстановке. Вас, сударыня, это тоже, безусловно, касается. Идите, я расчищу дорогу туда, где нам не смогут помешать, сисадда?

Как мы под подозрительным взглядом Виниябы Шау покинули зал глаберской операции, я не особенно запомнил. Вроде бы перед нами начали открываться потайные проходы, существование которых было трудно даже предположить. Коридоры оставались предусмотрительно пусты.

И всего через пару минут, когда за спиной закрылась дверь отведённого нам с Ч'айей убежища, в настенных динамиках снова зазвучал голос Хадекина…

Ах, нет, почти соврал.

До того, как мы вышли из купола с пирующими, полными восторгов глаберами, я всё же задержался, чтобы перебросится парой слов с Зикро. Подошёл, вежливо отманив от основной группки «землекопов».

Тот приблизился, причём не очень-то доверчиво. С прищуром заглянул в глаза, наверняка весьма стеклянные в тот момент.

— Ну как, — спросил я, потому что чувствовал себя бесконечно обязанным это узнать, — стало полегче?

Кирчик нервно хмыкнул. Я думал, сейчас он снова обложит меня проклятьями, дав возможность с лёгкой совестью уйти, но вместо этого глабер вдруг кивнул.

— Знаешь, это странно… но словно глыба с плеч свалилась… даже дышать стало легче, признаю́…

— Хех, — вдох моего облегчения вышел очень искренним, — а ведь я говорил!

Но чу-ха вдруг сверкнул фиолетовым глазом, и прищурился ещё сильнее.

— Терюнаши, — негромко добавил он, оборвав и запечатав остаток моего *«хех-а»* в верхней части лёгкого, — а ты помнишь, как мы познакомились?

— Помню.

Да, конечно, я помнил… История случилась, когда начинающий Джадуга в составе уличных бригад постигал тонкости работы «Детей заполночи». Глаберы казоку тогда отловили ублюдка, попытавшегося присунуть под хвост клановой базе данных. Его вычислили в каморке парой кварталов южнее «Куска угля» и сразу нагрянули с дружественным визитом.

Он отрицал и всё топорщил усы на мешочника-перекупа. Дескать, тот его нанял, а сам глабер и знать не знал, кого именно станет подламывать. Да и работа выдалась не самая грязная или связанная с пахучими тайнами: всего-то и требовалось, что поменять несколько долговых ведомостей, переписав кредиты мешочника перед казоку на злого и завистливого конкурента.

Парни хотели пытать бритоголового. Я попросил десять минут наедине. А затем убедился, что парнишка передо мной толковый, и заставил забыть «низким писком».

Мешочник, кстати, потом всё признал. Причём уже без моей помощи. И немало пострадал. А я аннулировал штрафы бедолаги-глабера перед отчимом и стал всё чаще накоротке общаться с Зикро…

…сейчас стоявшим передо мной в казоку-шин одного из самых крупных и опасных кланов Юдайна-Сити. С тем самым Зикро, что сейчас с подозрительным интересом заглядывал бывшему спасителю в глаза.

— Не знаю, как тогда ты убедил «Детей» в честности моего признания, — наконец произнёс он и подёрнул ушами. — И до конца жизни останусь тебе благодарен за спасение шкуры в той переделке, но… Но сейчас я тебя всё равно не прощу, Ланс… Всё

это… против моей воли, все эти схватки с демоном…

— Он не демон, пунчи…

— Его первейшая задача — убедить тебя именно в этом… Поэтому… куо-куо, Ланс. Береги себя.

А затем он развернулся и молча ушёл к своим, где продолжил набивать брюхо закусками от лучших стряпчих Диктатиона.

Как я узнал чуть позже, через час два с половиной десятка мицели-йодда покинули Пузыри, выведенные так, чтобы не видеть кровищи, раскуроченных стен, многочисленных трупов и прочих последствий штурма. Как я узнал ещё чуть позже, четверо решили-таки остаться, официально присягнув клану и впечатавшись в ряды «Диктата»…

А тогда? Тогда я только помахал вслед Зикро скрещёнными пальцами.

Ведь что ещё мы можем сделать с теми, кто решает молча и безапелляционно уйти из наших жизней?

Да, точно так всё и было.

И уже после этого я послушно поплёлся за Ч'айей через цепочку секретных дверей, и заперся в гостевой норе.

Усталость, конечно, навалилась, просто жуть. Хоть подвывай и падай спать без задних лап. Но раскисать было рано, определённо рано, и я заставил себя встряхнуться. Спросил негромко, как показалось — очень спокойно и без давления:

— Значит, вот как дело обстоит? И ты почему-то решил, что я переживаю?

— В мою задачу не входило тебя оскорбить, Ланс… — Теперь фер вис Кри говорил с нами через звуковые системы комнаты. — Но анализ твоего давления, дыхания и температуры тела указали, что ты правда переживаешь.

А, вот оно что? Всевидящее око сделало выводы. Словно прочитав мои мысли и не позволив ответить, джинкина-там добавил:

— Но в дополнение могу сказать, что без тебя в реалиях Юдайна-Сити Ч'айе пришлось бы куда сложнее…

Он мог бы сказать напрямую — *не выжить*, но это вполне могло оказаться ложью…

— …поэтому я и доверил тебе её опеку… Ты же понимаешь, что реанимировать такого ценного специалиста раньше времени, да ещё и с шансом допустить ошибку… это риск настолько высокий, что оценит даже человек.

Да ну что такое?! Пусть тебя Бансури дрючит! Значит, я просто шкурохранитель… который и рядом-то не всегда… и которого Ч'айя сама уже разок спасла… Прекрасные перспективы, нечего сказать.

В тот момент я в новом приступе поразительной чёткости оценил, насколько несвеж и устал. А ещё вонял, как мусорный бак за курительным салоном.

Всемилосердная Когане Но, до чего же было неловко обсуждать девчонку при ней же самой, но меня буквально разрывало от эмоций.

— Почему ты сразу не сказал, что она — *главная*, а вовсе не подарок для утех?

Ч'айя молча изогнула бровь, но комментировать не стала. Отошла к пищевому конструктору, зарядила варку чинги.

— Чтобы ты спятил от ответственности? — Кри мог бы сказать это с сарказмом, но в голосе джи-там прозвучала удивительно правдоподобная грусть. — Кроме того, а с чего ты взял, что она вообще была прислана для утех?

п.5.; г.1; ч.2

Ага, точно, вот этого мне сейчас и не хватало. Чтобы стало ещё более неловко. Как змее, танцующей брачный танец перед садовым шлангом. Ч'айя оставалась подозрительно невозмутима, будто свето-струнный слепок Чооты Пар.

— Ты вроде упоминал, что хотел сделать приятное… — прошипел я, надеясь, что девчонка не услышит.

К слову, дальше Диктатион проявил неожиданный такт, ответив в личный заушник.

— Я имел в виду общение с представителем своего вида, — тихо сказал он, — а не обязательную череду беспорядочных соитий. Желание девушки спать с тобой — её личный выбор.

Байши, вот об этом я подумать как-то не подумал.

Хотя, опять же, а про чей выбор речь, Курапну или Ч'айи?

Та продолжала игнорировать разговор. Подставила чашки в приёмник, вынула из кармана напёрсток и ввела на клавиатоне комбайна нужную крепость. Не дождавшись, когда мы перейдём к действительно важному, с нажимом начала сама:

— И что нам делать дальше?

Да ты же моя деточка! До чего же я благодарен тебе за эту нужную смену темы!

Я хрустнул шеей, настраиваясь на мучительно-серьёзный разговор, и Диктатион не разочаровал.

— Код, расшифрованный из юнму в кулоне, откроет доступ к основным консолям «Корня», раньше это называлось базовым компьютером управления, — негромко пояснил невидимый джинкина-там, — а затем в дело вступает непосредственно Ч'айя.

Девчонка потянулась к конструктору, но нахмурилась, придвинула стул и села.

— Системотворчество? — уточнил я.

— Не совсем. В её ДНК вшит так называемый алгоритм последнего барьера. Он откроет доступ к протоколам *тиары*. Дальнейшие пояснения только запутают тебя. — О, можно не сомневаться, кому именно фер вис Кри адресовал это замечание! — Но если кратко, то на этом этапе бессознательное Ч'айи без труда справится с мыслезрительной визуализацией протоколов входа.

Меня так и подмывало уточнить, что значат эти хитромудрые слова, но тогда Диктатион оказался бы прав. Байши… Ладно, в целом мне и правда доступно: доставляем девчонку к «Корню», венчаем некой тиарой, а дальше… дальше она сама.

Та, впрочем, ряд уточнений всё же имела. Правда, как

оказалось через секунду, с нашим миленьким мероприятием связанных не напрямую.

— Интересно, как ты собирался использовать код из кулона, если не знал адреса и не имел меня в наличии? — задумчиво проговорила она.

Всё же дотянулась до кружки и отхлебнула чинги. Заметив, что та сварена на двоих, я с благодарной улыбкой (безответной) забрал вторую кружку. Пригубил, поразившись лютой крепости напитка.

— Код из кулона расшифровать стоило сразу, было бы странно поступить иначе. Как заполучить в колоду тебя, Ч'айя, я тоже придумал очень давно. — Казалось, фер вис Кри оправдывается, но я знал, что это тоже часть игры. — Не раздобудь мы координаты «Корня» сейчас, увы, пришлось бы подождать бы ещё сотню лет. Но если вам интересно, то следы ещё двух дублирующих юнму ведут в Архидополис, я уже почти простроил многоходовую схему с их поиском и добычей…

Я поперхнулся чингой.

— Ну ты и дерьмо…

— Ланс, — вздохнули динамики комнаты. — Я только имитирую человеческие эмоции, но оперирую совершенно иными категориями, сисадда?

— Никогда об этом не забывал!

Я фыркнул, отставил кружку, стянул пальто и портупею с башером, бросил на кровать. Следом полетела «Наковальня».

— Сотню лет? А сколько, скажи на милость, вообще существует Тиам? Ну, с тех пор, как вы заперли людей глубоко под землёй и задумали играться в богов?

Диктатион усмехнулся, беззлобно, почти устало:

— А это важно, друг мой? Семь тысяч лет или семьсот, какая цифра тебе нравится больше? Выбирай…

Хотелось возразить, но я не стал. Хотелось атаковать ругательствами, но я не стал. Плеснул в напиток немного паймы из фляги, взболтал, насладился едким ароматом. Ч'айя молча наблюдала, не вмешиваясь, но определённо готовя новые вопросы, чуть более актуальные, чем у её скудоумного шкурохранителя.

— Координаты получены, работу нужно закончить, — наконец произнесла она, а на лбу проступила знакомая завитушка. — Как мне попасть в «Корень»?

Ох, детка. Это же претендент на звание лучшего вопроса вечера! Но самый-самый лучший всё же: как *мне* доставить тебя туда, чтобы окончательно не потерять собственную значимость в глазах желчноголосых виртуа-Лансов? Святая корова Когане Но, и

почему мне кажется, что это будет непросто?

Я поднял голову к потолку, словно тут, как и в заброшенном здании на окраине «Хари'н'ханси», могли крыться камеры. Впрочем, они могли. И точно крылись.

— Излишне упоминать, что я не оставлю Ч'айю?!

Девчонка вдруг повернулась ко мне всем телом. Может, поражённая нарочитой жёсткостью вопроса, может, чем-то ещё. Но в карих глазах промелькнуло что-то приятное, словно прикосновение тёплой ладони к холодному лбу. Так могла бы посмотреть Куранпу, но в эту минуту ничего не выдавало присутствия оторвы.

— Ох, Ланс… — Теперь в голосе Энки звучала лёгкая улыбка. — На основе спрогнозированного ранее вектора развития отношений в этом почти не оставалось сомнений.

Я стиснул пальцы так, что чуть не отломал рукоять кружки:

— А ты всё ещё считаешь себя до*уя умным, не так ли?!

— Несомненно, — ответил Хадекин, теперь заставив стиснуть и зубы. — Над моей/нашей мыслительной архитектурой работали лучшие программисты Китая, Японии, Франции и Индии.

Ч'айя нахмурилась, будто услышала что-то знакомое, но ускользающее:

— Это названия казоку?

— Нет, не казоку, — терпеливо пояснил Диктатион. — Всё это… впрочем, можно сказать и так.

Я потёр лицо, из последних сил удержавшись от проверки времени на экране гаппи. Усталость напоминала коварного бойца-Отчаянного из «Загона», осторожно кружила, чтобы вот-вот нанести точный решительный удар в челюсть, после которого наступает стремительное завтра.

— Яри-яри, если манджафоко этих казоку такие умные ребятки, то как допустили дефект? — Мне удалось язвительно прищуриться, словно я полагал и вправду прижать вёрткого гада за причинное место. — Ты сам полчаса назад сознался в неком изъяне, не так ли?!

— И не подумаю отрицать, — подтвердил Кри.

А потом совершенно бесцветным тоном начал разговор такой глубины и сложности, что если бы я мог выбирать альтернативу, то согласился бы подработать в уютном доме для извращуг. Вру, конечно, не согласился бы. Но разговор был до того непрост, что в моём утомлённом сознании целиком уместиться не смог…

…Мы говорили больше часа. Негромко и на повышенных, постоянно перебивая друг друга и соревнуясь в болезненности колкостей. Но говорили честно, насколько вообще можно было доверять честности джинкина-там, наконец-то ответившего на

бóльшую часть вопросов.

Разговор ударил по нам обоим.

Мне пришлось сызнова испить горького пойла *«Ты ни разочка не Нагината Когане Но»*, а Ч'айе… ей, пожалуй, пришлось многим горше.

Но девчонка была сильной.

Очень сильной.

Может быть, даже крепче небезызвестного специалиста по решению деликатных вопросов. А потому вынесла услышанное с невозмутимым достоинством. А ещё я был готов спорить на миллион рупий (теперь-то он у меня мог с лёгкостью появиться, сисадда?), что поняла она куда больше моего…

И вот мы говорили и говорили, глотая пайму и чингу, и разливая их по полу во время неосторожных жестов, проваливаясь в собственные мысли и страхи, цепенея и разгораясь от злости, проклиная Диктатиона и поражаясь его уникальности…

За покатыми стенами Пузырей густела ночь, скреплённая синтетической кровью перебитых при штурме онсэн. Внутри копились тревога и страх нового дня.

Вероятно, в какой-то момент Хадекин фер вис Кри, также известный нам под именем Энки, уловил, что ещё немного, и мы с Ч'айей просто рухнем без сил. Потому что предложил окончить беседу, подготовить новые вопросы и вернуться к обсуждению, когда это будет нам удобно.

И исчез из предоставленной норы, оставив после себя похмельное послевкусие и лёгкий гул в ушах — до того пронзительной показалась долгожданная тишина…

Какое-то время девушка молча смотрела на меня поверх кружки. Почти не мигая, почти успев напугать. Затем вздохнула, поднялась на ноги и устало потёрла лицо свободной рукой.

Я мог бы попробовать ещё раз обнять её. Мог бы сказать что-то утешающее или бодрящее (байши, да меня бы на её месте просто размазало!). А вместо этого выдавил что-то вроде:

— Тяжелее разговора у меня в жизни ещё не было. — Улыбка вышла кривой и пугающей. — А ведь в прошлом я наверняка спорил с твердолобыми редакторами и нирмаата[1]… — Потоптавшись на месте, я отставил глоток остывшей чинги на прикроватную тумбу, с облегчением распустил узел трехконечного галстука. — Если ты не против, я пойду мыться…

Ч'айя не ответила. Думала. Переваривала.

Что ж, мне это ещё только предстояло, ведь такого количества информации Лансу фер Скичире за раз точно не усвоить…

И вот уже затем — относительно спокойно и без возвращения

к тяжёлым беседам, — миновали два коротких сонных дня. Пролетели, как единый миг или порыв тёплого ветра, не позволяя думать ни о чём, кроме сна и зализывания ран.

Я дрых, подруга отстранённо вгрызалась в «мицуху».

Глобальное информационное пространство гнезда всё заметнее барахлило, и мне не хотелось брать в голову ещё и мысли о том, что это из-за меня, однако…

Диктатион не торопил, и с разговорами больше не совался. Если девчонка что-то о своём прошлом и уточняла, то делала это закрыто, через внутренние системы Пузырей или когда я спал.

Однако же и без гнетущих откровений о нашем происхождении спокойствие было неполным — время от времени в моей памяти всплывал неприятный, тяжёлый сон, посетивший меня в ночь перед знакомством со Шникки и задорной перестрелкой в толпе фанатов перед входом в «Кусок угля».

Уж не знаю, что меня подтолкнуло. Но избавиться от тягости я решил не самым привычным для себя способом. Нет, не напился, ибо тогда способ был бы вполне опробованным…

Улучив момент, когда Ч'айя займёт гигиеническую кабину, я сдвинул стул в дальний угол комнаты, уселся (настороженно поглядывая на дверь), включил гаппи в режим записи, и начал диктовать.

И ощутил, что десятиминутный сеанс спонтанного изливания души помог, только когда пробормотал заключительное:

— Наверное, на этом всё, детка, конец записи. Надеюсь, всё это я наболтал не зря…

Заушник тут же откликнулся вежливым голосом джинкинатам:

— Не переживай, Ланс, я сохранил копию. И сделаю всё, чтобы адресат получил послание. Что бы с тобой ни случилось.

Очень трогательно. И тревожно. Я задумался, покусал и без того припухшую губу. И вдруг, удивив самого себя, приказал:

— Удали запись.

— Ты уверен? — Казалось, фер вис Кри немного удивлён.

— Нет… — Я пожал затёкшими плечами. Услышал, как в кабине перестала течь вода, заработали сушильные установки. — Эй, железяка, а ты вообще сумеешь понять, когда это будет нужно и нужно ли будет вообще?

— Я постараюсь, — с раздражающим спокойствием ответил Диктатион. — Просто верь.

— Верить? — Улыбка вышла кривой и недоброй. Такая у меня стала получаться всё лучше и лучше. — Может, этого и вправду будет достаточно… Хорошо, отменить удаление.

Через секунду в комнату вернулась девушка. Посмотрела на

меня, непривычно занявшего угол, чуть нахмурилась, но уточнять ничего не стала. А я, вдруг осознавший, что и вправду ощущаю прилив облегчения, только улыбнулся Ч'айе, на этот раз не натужно и вполне искренне…

…А утром второго дня (на заре привычно перебравшись с дивана в освобождённую кровать) я вдруг неожиданно осознал, что у нас двоих ещё очень долго может не сыскаться таких спокойных передышек в безопасной норе, когда мы имели бы возможность…

Вскинулся на подушке и посмотрел на неё, долго и внимательно. На красивый профиль, слипшиеся ото сна волосы, аккуратную грудь под халатом. И она — уже пересевшая на неизменный боевой пост, — вдруг отвлеклась от консоли. Словно почувствовала.

Повернулась, прищурилась в ответ, и в карих глазах промелькнуло что-то интересное, интригующее, но совершенно лишённое привычного отблеска Куранпу.

— Знаешь, — промямлил я, садясь на кровати и подтягивая покрывало так, чтобы небрежные складки скрывали утренне-отвердевшее под белоснежными одеяниями «Диктата», — быть может, мы могли бы наконец-то обсудить, что за жаркая история уже дважды происходила между мной и?..

На запястье завибрировала родная «болтушка» (с недавнего времени оставшаяся в одиночестве). Конечно же, в *этот самый* момент. Ну отлично! Ч'айя услышала трель, вскинула бровь, молча улыбнулась, с насмешливым вздохом кивнула на бренчащий гаппи и отвернулась к дисплею.

Байши!

Я вкинул запястье, абсолютно уверенный, что это Песчаный Карп наконец-то созрел до очередного метания открытыми угрозами. Впрочем, уже через миг начинающий опостылевать Диктатион в заушнике дал понять, что рычаги управления по-прежнему у него.

— Можешь ответить, Ланс, — прокомментировал он, снова вызвав гадкое чувство. Заставил чувствовать букашкой под непрерывным прицелом, жалким пленником системы, уличной псиной в ржавой клетке… — Мои ресурсы позволяют определить, что в размеченной системе вероятностей этот вызов помешать нам не способен.

Какое-то время я с недоверием разглядывал контакт незнакомой ячейки. Вспоминал, к скольким неприятностям приводили в последнее время ответы на такие вот вызовы.

И всё же принял разговор.

Уже через несколько минут осознав, что даже джи-там с их

уникальными, оглушительно мощными вычислительными данными и всеучитывающими системами вероятностей тоже могут ошибаться. Причём в самый неожиданный момент.

А ещё я понял, что мой персональный Пунч-ки-лат стремительно приближается. И на этот раз Лансу фер Скичире не укрыться в песчаной норе вместе с жёнами кочевого вожака…

[1] Продюсер.

мицелиумный шум

…рнёмся к новостям правопорядка.

Один тетрон и 24 предполагаемых члена казоку «Дикие пастухи» были убиты этим утром во время рейда в густонаселённую геджеконду Благолепие на границе Ишель-фава. Вот как описывает бойню жительница одного из домов Благолепия, согласившаяся анонимно поговорить с прокламаторами самой быстрой и правдивой станции «Ёк-бунд-12».

«Они преследовали раненого подозреваемого… он истекал кровью, да. Ввалился в наш дом рано утром, я не успела ничего сделать, не смогла преградить ему путь. Было видно, что у него в животе дырка от фанга. Затем пришли „полосатые рубашки“. Меня спросили, есть ли в норе бандиты, я кивнула головой и сказала „да“, потому что не хотела подвергать опасности свою семью. И тетроны вошли и убили парня прямо в норе моей дочери».

Как стало известно сотрудникам станции «Ёк-бунд-12», на месте краткой, но ожесточённой схватки оперативники Управления Тетронов изъяли 16 башеров, шесть ассолтеров, облегчённый супрессор и 12 метательных бомб, а также арестовали шестерых подозреваемых.

Однако отступление тетронов из геджеконду оказалось вовсе не спокойным, потому что на выезде колонне фаэтонов с маркерами Управления перекрыла дорогу стая местных жителей, возмущённых действиями силовиков.

Когда один из транспортов был подожжён бутылкой зажигательной смеси, «полосатые рубашки» мгновенно открыли огонь на поражение, вследствие чего были убиты…

…На улицах становится жарко, и дело не в температуре воздуха?

Вокруг вашей лавки, фабрики или салона всё чаще шныряют пронырливые сучки, и речь совсем не об уличных псах?

Уже не поднимаете решётки на витринах, а с клиентами говорите через узкое окно в бронированной двери?

Хватит трепать себе нервы!

Обрести безмятежность и надёжной стеной оградить любимое дело от бурь и невзгод поможет верная команда купеческой военизированной артели «Рассветное спокойствие»!

В рядах нашей КуВА состоят только самые надёжные и проверенные бойцы, большинство которых имеет за ушами

огромный опыт службы в рядах ракшак и даже кубба.

В арсенале наших парней — самый богатый инструментарий для обеспечения безопасности вашего дома или любимого дела, от нелетальных установок и шоковых ловушек до мощнейших мин, капканов, газовых установок и даже огнемётов!

Также в числе наших преимуществ уникальная система командования, железная дисциплина и безоговорочная преданность заказчику!

Действует гибкая система скидок! Для постоянных клиентов открываем оружейные ящики с сюрпризами, о которых не принято говорить на весь Мицелиум.

Зачем тратить деньги на страховку, когда можно потратить их на меткого стрелка?

Пусть улицы бурлят и скалят зубы, напряжение не будет вечным, а переждать его под надёжной защитой — посмеиваясь над неудачливыми конкурентами и не теряя прибылей, — вам поможет «Рассветное спокойствие»!

Без колебаний оставляйте своё жилище или предприятие под нашим присмотром!

Когда шум стихнет, и вы покинете безопасное убежище, вам останется только смыть с витрин и порогов кровь ваших недоброжелателей и уличной шпаны!..

Глава 2
ГРОМЧЕ КЛЯТВ

Чу-ха на другом конце гнезда говорил много, громко, визгливо и с напором, достойным лучшего применения. Его нихонинди был грязным, будто у щипача из Такакханы, да вот только никаким щипачом из Такакханы он определённо не был…

Он говорил и говорил, не позволяя вставить ни слова. Впрочем, я и не собирался перебивать. Хотя нет, вру. В середине тирады, когда над потоком путанного трёпа забрезжило понимание, мне пришлось-таки уточнить:

— Ты, пунчи, должно быть шутишь?

Самец осёкся, словно не веря ушам.

— А в твоём круге ваще такое шуткование бывает?! — рявкнул он, мигом сбивая с меня остатки обманчивой безмятежности.

— Байши… — протянул я, усаживаясь поудобнее. — Пунчи, если это сон, купи мне телёнка?

— Не-е, терюнаша, — было ответом с того хвоста барахлящего соединения. — Это совсем даже и не сон…

А затем он снова затараторил, потребовав положенного по закону.

Я дослушал до конца. Сделал пару заметок в гаппи. Наблюдая за напряжённой спиной Ч'айи, с предельной искренностью пообещал связаться с ним позже и уточнить детали.

Чу-ха таким поворотом дела обрадован не был. Но и прямого отказа не получил, а потому я выхватил возможность бросить вежливое прощание и оборвать разговор.

Лёгкий гул в голове перерастал в громогласный звон. Под его аккомпанемент я пообещал себе больше не принимать подобных вызовов. Хотя бы годик. Или пока не верну в строй верную Сапфир. Но даже в тот момент прекрасно понимал, что снова обманываюсь.

Благодетельная Когане Но, ну как чу-ха подобное только в башку приходит?! Я понимал, что он несёт натуральную ерунду, но что мог поделать? Конечно, сейчас я подставил уши под потоки отборно-пустопорожнего бреда, взращённого на чернозёме ничем не обоснованных страхов, но не имел ни единого аргумента, как это доказать… Вот же неуёмные мудаки, эти хвостатые торчки…

Конечно, я мог отказаться.

Или затянуть решение вопроса до поздней ночи, когда

просьба малознакомого чу-ха потеряет всяческий смысл. Но всё с той же кристальной прозрачностью понимал, что не имел на это ни малейшего права. Причём куда бы ни завели меня дальнейшие события…

В памяти возник образ Гвоздодёра с шейным платком на морде. И масштабы риска, на которые пошёл охранник уютного дома Заботливой Лоло лишь потому что знал цену шёпоту улицы.

А ещё мне вдруг вспомнилась одна история, рассказанная когда-то синешкуркой. В те древние счастливые времена, когда самым неприятным сюрпризом вечера становилось закончившееся на посиделках вино.

Тогда я не один год наивно полагал, что рассказанное Сапфир (ох, детка, где ты сейчас?!) — лишь жуткая байка, которой принято пугать непослушных детёнышей. Однако позже… в общем, речь в той истории шла про дальнего родственника Пияны, который дерзновенно отказался выплачивать положенный долг.

Через день после того, как об этом во всеуслышание объявили на западной границе Гариб-базара, бедолагу зажали в переулке меж торговых контейнеров. Окружили несколькими десятками совершенно незнакомых ему чу-ха. Вежливо дали пару минут связаться с близкими. Попрощаться.

А затем атаковали. Причём торжественно и молча, издырявив тушку всем, что попалось под лапу — от ножей до ржавых прутьев.

Как там сказал Гвоздодёр? *Улица шепчет громче торжественных клятв.*

Пришиби меня копытом… Как бы ни распорядилась судьба в ближайшие пару дней, отказать своему мутному знакомцу я права не имел. Никакого. Даже несмотря на нелепость просьбы и ещё большую нелепость опасений туповатого работяги. Даже если завтра на улицах гнезда останутся только двое — я и Ч'айя. Даже если завтра во всём Юдайна-Сити вообще не останется ни одного человека…

Я задумчиво уставился в стену комнаты, приятно-белую, словно насмешка над цветом моего будущего. Если девушка задумает отвлечься от выгрызания недр Мицелиума, она ни в коем случае не должна догадаться, что за планы я вынашиваю в своей бедовой голове.

Ладно.

Нужно просто сделать всё быстро.

Одна нога там, другая уже снова в Пузырях.

Желательно, причём, до вечера, чтобы не растягивать. Сбросить, отчитаться, может быть, напоследок подшутить над

мнительностью чу-ха. И навсегда распрощаться.

От одной только мысли, что мне предстоит снова оставить Ч'айю в одиночестве, у меня в груди словно стиснули когтистый кулак.

— Ты не обязан, — негромко подсказал фер вис Кри в заушнике.

Я подавил злость, вместо ответа щёлкнул по «болтушке» и погасил все видимые входящие каналы. Сука, ну почему создававшие джинкина-там могущественные казоку не обучили его хорошим манерам?!

Как только тупой набор сплавов (или из чего он там собран?!) не понимает, что я не могу отказаться? Что жизнь на улице — это тончайшая балансировка между оказанными друг другу услугами; что не помоги я в своё время «Жёлтым котелкам» найти кулон, то и Ч'айей меня бы едва ли одарили… Хотя нет, этот пример неудачный…

Всё, забудь.

Встряхнись!

Думай!

На что в подобной ситуации вообще способен сценарист мемоморфических историй? Байши, ну почему синтетический будильник вообще выбрал меня? Впрочем, чтобы ответить на вопрос, не нужно было даже пытать Энки…

Подопытные наверняка отбирались по принципу наименьшей пользы, и едва ли виртуальный разум решился бы экспериментировать с ценным учёным или что-то вроде того… А ещё я невольно задумался о тех, кто приходил в Тиам до меня. Кем они были? Представителями ещё более бесполезных профессий, если таковые вообще существуют?

Так, стоп!

Ну-ка соберись! Сосредоточься!

Подумай. Примерь чужую шкуру. Мои герои наверняка попадали и в худшие передряги, ещё более безнадёжные и тревожные, иначе зрителя не растормошить, сисадда?

Значит, нужно представить, как бы поступил настоящий герой. А для этого вспомнить, что я вообще помню из героического жанра. Что-то же неоднократно смотрели вместе с Сапфир? «Три смертоносных укола в горло», точно. Ещё «Войны дзайбацу» или «Жертву отважных». Но последнее скорее про любовь…

Так, уважаемый господин фер Скичира, силой верховного совета виртуа-Лансов вам приказано вообще больше не думать о себе в подобном ключе. Решение одобрено и обжалованию не подлежит. Допустим. Но как бы в таком случае поступил не

сочинитель, а специалист по решению деликатных проблем из не самого благонадёжного Бонжура?

Пожалуй, он бы отправился по адресу и решил вопрос. Деликатно, как умеет…

Вероятно, Ч'айя всё же что-то почувствовала. Уловила в тонких материях комнаты, как сказал бы сочинитель-Ланс… Отодвинулась от стола с консолью, неторопливо сняла и с перезвоном отложила напёрстки; обернулась.

— Всё в порядке? — тихо спросила девушка.

— В полнейшем, — я улыбнулся, почти наверняка уверенный, что сейчас моему вранью ну никак не одержать победу.

А ещё я снова увидел в её тёмных глазах что-то блестящее, мерцающее, словно отражение луны в речной волне. Мне это казалось, или девушка была готова впервые за два дня действительно со мной поговорить?

Я запахнул халат, подпоясал, выскользнул из кровати и принялся колдовать над пищевым конструктором. Меня продолжали изучать, ещё через минуту всё-таки уточнив:

— Для тебя это проблема?

Сначала показалось, что Ч'айя каким-то непостижимым образом всё же услышала состоявшийся разговор с чу-ха. Обернувшись к ней с неестественной улыбкой на лице (Когане Но, да она уже примёрзла в постоянный оскал!), я почти сразу догадался, что речь пойдёт совсем не об этом.

— Ланс, я спрашиваю про зеркало Полларда…

— Ничуть! — второй раз за утро соврал я.

Тут же вспомнив влажную от пота постель, её внезапное появление на площади Саку-Харухейфа, пальбу в Алую Вистар, и снова — хищную гримасу и крепкие пальцы на своей спине.

Если девушка и не поверила, то смолчала. Только голову наклонила, одним этим жестом заставив ощущать себя последним засранцем…

— Немного… — всё же добавил я, включая варку чинги. — Временами, которые ты отказываешься обсуждать, сисадда? — И тут же парировал, не позволяя углубиться в тему: — А ты? Ну, то есть, я хотел спросить, а для тебя это ощущается проблемой? Ты вообще что-то ощущаешь, когда… расслаиваешься?

Блики в глазах цвета корицы тут же потеряли яркость. Девчонка вздохнула, облокотилась на спинку стула и упёрлась острым подбородком в предплечье. В кружки полилась чёрная пахучая жижа из самых отборных сортов порошка.

Под её журчание Ч'айя сморщила носик, снова вздохнула. И когда мне уже казалось, что умненький Ланс испортил так и не начавшийся разговор по душам, вдруг ответила вопросом:

— Скажи, ты когда-нибудь терял управление фаэтоном?

Хмыкнув, я вынул чашки из конструктора.

— Нет, детка, только в ночных кошмарах.

— Хм, ладно, — она повела плечом, даже не отреагировав на «детку». — Но ты наверняка перебирал паймы, чтобы потом мучительно вспоминать, что делал минувшим вечером? И чего *не* делал, сисадда?

О, такое сравнение было куда ближе. Хоть и не к моей гордости.

— Такое, скажем, бывало.

Я передал ей кружку, но Ч'айя сразу отставила её к клавиатону системной консоли. Встала, почти заставив напугаться. Подошла, неожиданно вынула мою чингу из пальцев, и тоже вернула в комбайн.

— У меня всё примерно так же, — сказала она, не поднимая глаз. Стояла близко-близко, но теперь я не ощущал даже лёгкого присутствия Куранпу. Задумчиво добавила: — Наверное. С той лишь разницей, что эти «две меня» — они обе кристально трезвые. И категорически не хотят общаться друг с другом. Пока, во всяком случае. И знаешь что?

Она подняла голову и заглянула в глаза, а я пожалел, что у выданных Энки халатов такая лёгкая и почти прозрачная ткань.

— Не могу сказать за *вторую*, но я точно буду добиваться этих переговоров…

— Думаю, ты справишься… — пробормотал я, чуть не добавив настоящего имени девчонки. — Ты сильная и умная, да… — И куда только делась уверенность, с которой я только что называл её «деткой»? — Ты лучшим глаберам гнезда помогала на равных, да и бабка твоя с «зеркалом» этим справлялась, сисадда? Так что…

— Я сумею, — подтвердила Ч'айя, не отрывая от меня взгляда.

Словно пыталась прочитать что-то внутри головы, причём снова почти не моргая. Отчего я, не бежавший и от стаи когтистых уличных ублюдков, вдруг ощутил основательный озноб.

Сглотнул, едва удерживаясь плеснуть себе порцию утренней паймы, чтобы хоть как-то скрыть неловкость.

— Не пойми меня неправильно, Ч'айя… но почему ты так на меня смотришь?

Она наклонила голову. Будто под этим углом могло открыться что-то новое. А я вдруг совершенно по-детенышевски порадовался, что перед захватом кровати успел метнуться в гигиеническую кабину и провести утренние процедуры.

— Пытаюсь понять, — пробормотала Ч’айя.

Мой следующий вопрос был бы в числе победителей на конкурсе глупых уточнений:

— Понять что?

— Что же нашла в тебе та, что называет себя Куранпу?

Предыдущий вопрос стыдливо покинул пьедестал под презрительный освист следующего:

— Значит, ты всё же помнишь? — Поперхнулся, тут же исправляя допущенный промах: — Помнишь про Куранпу? Можешь оценивать её поступки? Давно?

— Смутно, — прошептала Ч’айя, по-прежнему стоя совсем рядом и не отрывая глаз. Байши, да из неё бы вышел просто первоклассный Джадуга! — Кое-что из детства, кое-что из недавнего прошлого…

— Я почти уверен, что когда-то ты могла этим управлять… Ну, «семейным наследием», сисадда?

Готов был спорить на крупную сумму, что в этот момент выглядел предельно нелепо. Но отступать? Или, напротив, бросаться в наступление? Такого в голову не могло прийти даже мне. Поэтому я продолжал цепенеть под её гипнотическим взглядом, отвечая негромко и совсем не убедительно… впрочем, Ч’айю это отнюдь не смущало.

— Генетические мутации, — сказала она нараспев, словно катая слова на языке. Облизнула губы, заставив мой член ну совсем уж безобразно оттопырить полу халата. — Я могла бы рассказать про них, если бы это странное словосочетание сейчас хоть что-то для меня значило… А *такое* у тебя бывало?

Мне наконец-то удалось выдавить из себя что-то внятное.

— Музыка, — просто ответил я, а Ч’айя вопросительно подвигала бровью. — Джаз, если точнее. Понятия не имею, что это значит, но иногда слышу её, очень странную, но… такую знакомую. При том, что хвостатые никогда не играли и близко похожего.

В этот момент мне стало очень тревожно за неё, тащившую на себе груз сказанного джинкина-там. Конечно, можно было попробовать вызнать о чувствах, попробовать разделить ношу, что-то подсказать или хотя бы проявить участие.

Но жизнь в Юдайна-Сити научила Ланса Скичиру, что иногда лезть в чужие проблемы и размышления — совсем уж лишнее. Даже когда речь о близком тебе хвостатом… или бесхвостом.

Ч’айя задумчиво подёргала себя за мочку уха, снова подняла взгляд.

— Мы справимся?

Я действительно удивился, хоть отреагировать постарался и

без сарказма:

— Мы?

— Какое-то время назад мне показалось, что ты решился идти до конца. Со мной.

— И словам своим верен. А ты? Готова?

Она задумалась. Но ответила куда быстрее, чем я мог бы ожидать.

— Кажется, у меня просто нет выбора. — На лице Ч'айи появилась лёгкая улыбка, едва заметная, будто сонная. — Впрочем, я бы не отказалась и при его наличии. Чем больше я смотрю на Тиам… чем больше узнаю и постигаю его… в общем, Ланс, если у меня появится хоть минимальный шанс изменить этот мир, *переписать* его и вывести из страшной зубастой ямы, куда его загнали крысы и расслоённые поддельные разумы, я попробую…

Я осознал, что уже несколько минут неподвижен. Она тоже не двигалась. Мы будто застыли в ожидании чего-то, и его волна была неотвратима, как и события последующих дней…

— А что насчёт меня?

Она снова приподняла бровь движением, в которое я успел бесконечно влюбиться:

— Ты сейчас про что?

— Настоящая Ч'айя разглядела в Лансе то, что нашла Куранпу?

Она ответила едва слышно, но дыхание сбила похлеще удара в живот.

— Пока нет.

Опустила голову, а в моей груди словно взорвалась холодная бомба. На миг стало трудно дышать, и я уже почти потянулся к фляге с паймой, но тут тёплая ладонь Ч'айи опустилась на мой оледеневший загривок. Потянула, вынуждая чуть склониться, а затем девчонка добавила почти беззвучным шёпотом:

— Но я в процессе. И обязательно найду.

Она подалась ко мне и поцеловала в губы. Не стремительно и жарко, как это делала Куранпу, а мягко и даже нерешительно, робко. Закрыла глаза, попыталась тут же отстраниться. Но я, конечно же, не позволил.

На этот раз всё вышло совсем иначе.

Быстро, но чутко. Ярко, но не обморочно. Никаких укусов, щипков и звериного рыка.

Она не атаковала, я не отбивался. Я не стонал под ударами ногтей, она была едва ли не застенчивой. Наверное, так могли бы выглядеть двое слепцов, сплошь покрытых жуткими шрамами, но испытывавших непреодолимую жажду ощупать друг друга,

бережно и едва касаясь; но лишь бы обязательно узнать, представить внутренним взором.

Ч'айя казалась по-настоящему расслабленной, но при этом странно сосредоточенной. Будто решала непростую, но интуитивно понятную задачу, причём требовавшую не столько эмоций, сколько мягкого расчёта и предугадывания.

Лишь единожды я заметил в карих глазах мимолётную тень той *второй*, что вдруг перестала быть долгожданной, но она быстро растворилась. Впрочем, в этот раз смотреть в глаза девушке было почти некогда — бóльшую часть податливого постельного кружения та предпочла не отрываться от моих губ.

Сдавленно вскрикнула одновременно со мной, ещё крепче обхватила ногами, а затем торопливо отползла к краю измятой кровати…

— Мы не станем этого обсуждать, — прошептала Ч'айя через несколько минут, тяжело дыша. Подтянула к обнажённой груди угол покрывала, перевернулась и уставилась в потолок. — Не сейчас, сисадда?

Конечно, сисадда! О том, что в подобные моменты нужно терпеливо помалкивать и соглашаться мог бы смекнуть даже такой, как я.

— Нужно помыться… — пробормотала кареглазка, а затем вдруг уснула.

Быстро, почти мгновенно, едва ли не впервые за двое суток спокойно, без тревожной мимики и подёргивания ногой.

Я осторожно выбрался из кровати и прикрыл девушку одеялом. Постоял посмотрел, всё отчётливее понимая, что имя альтера подруги оказалось пророческим — Ланс фер Скичира действительно угодил в силок. Мягкий, но лишь сильнее затягивающийся при любом неосторожном движении.

Любопытно, что, в отличие от прежних встреч с Куранпу, на этот раз я не ощущал себя так, словно по мне проехался грузовой фаэтон. Напротив — развязка не умиротворила, а будто придала сил, сейчас переполнявших, хоть на стену прыгай.

Наспех умывшись, я переоделся в привычное и тихонько покинул комнату. Попросил в пустоту коридора, прекрасно зная, что буду услышан:

— Покажи мне зал.

Почти сразу пришёл стыд. Конечно, фер вис Кри всё видел. И низкий ему поклон, что хоть не комментировал и не мешал…

На полу вспыхнули тусклые свето-струнные указатели. Двигаясь по ним (лабиринты Пузырей вновь оказались предусмотрительно пусты), я добрался до просторного круглого зала, заставленного тренажёрами. Также, разумеется, пустого.

Выбрав беговую дорожку, сделал короткую разминку, настроил ленту на нужную скорость и неспешно побежал. От чего? Куда? В голове было пусто и легко.

Залеченные рёбра уже не отдавались ударом на каждом шаге; скрипевшее шарнирами тело постепенно набирало темп. Так я и бежал на месте. От недопонимания с названным отцом, от глыбы новостей про «Корни» и соплеменников, неприятностей с Сапфир, драк, перестрелок, хитровычурных планов джинкина-там и бездонной ответственности за ту, что сейчас сладко спала в оставленной комнате.

А когда консоль беговой дорожки показала, что за спиной осталось почти полтора километра, реальность догнала Ланса фер Скичиру вибрацией гаппи…

Выключив тренажёр, я с удивлением уставился на запястье.

Решил, что Диктатион всё же потерял стержневое присутствие, и с проблемой придётся разбираться самому, но тот мгновенно откликнулся (в очередной раз заставив поверить, что умеет читать мысли).

— Если думаешь, что я стану твоей второй Сапфир, ты ошибаешься, — прокомментировал Хадекин, будто заглядывая через плечо. — Хочешь, отвечай. Не хочешь — сброс.

Я хмыкнул. Вздохнул, задумчиво покрутил вспотевшей шеей. И всё же принял приглашение к разговору. В конце концов, сейчас-то что было терять?

Значит, поболтаем.

Напоследок, так сказать.

— Ты где? — без приветствия спросила она в моём заушнике. Свето-струнного слепка не было, но я отчётливо слышал раздражение в голосе. — Надеюсь, не в Бонжуре, это для твоего же блага… Сообщи место, мои сотрудники тебя подберут. Поверь, Лансик, это предложение даётся мне не без труда и может считаться последним мирным…

— Куо-куо, Магда, — устало ответил я, подошёл к поилке у стены зала и набрал стакан воды. — Боюсь, это невозможно.

Она замолчала. Может быть, беззвучно скалила резцы; может быть, собиралась с мыслями.

— Это не просьба, терюнаши, — наконец повторила Магда вис Мишикана, более известная в узком кругу, как Красная Вистар. Или, для друзей — Алая Сука. — За эти дни я многое обдумала, и решила дать тебе последний шанс сохранить жизнь. Обещаю, что ты не будешь наказан за… переделку на площади Весеннего Спокойствия. И я даже прощу тебе глаз Жи-ми, сисадда? Но взамен ты обязан как можно быстрее прибыть в Штольню. А ещё привезти с собой… второе существо. Самку,

которую я видела в тот день. Ты понимаешь, о чём я?

— Конечно, деточка, я понимаю. Но если ещё раз назовёшь мою подругу существом, я действительно приеду в Штольню, но только чтобы вырвать твой поганый язык…

Так мог бы ответить я, чуть запыхавшийся после бега, но всё ещё удивительно бодрый после объятий Ч'айи. Но не ответил, продолжая молча смотреть на запястье с «болтушкой».

— Времени у тебя в обрез, — вдруг добавила Магда, и я осознал, что чего-то в её словах не осознаю. Чего-то скрытого под самой поверхностью, едва заметного, но лишь для умеющего смотреть. — Знаю, о чём ты думаешь, терюнаши, но поверь, это действительно дружеский жест…

— Нет, не знаешь.

— Вийо?

— Я сказал, ты не знаешь, о чём я думаю, Магда. А теперь прошу меня извинить, вынужден окончить разговор.

— Стой, Ла!..

Щелчок ногтем по дисплею гаппи оставил гадать, собиралась ли Алая Сука вновь употребить моё имя в уменьшительно-ласкательном ключе. Я надеялся, что никогда этого не узнаю.

Выдернув из раздатки несколько влажных полотенец, я неспешно протёр лицо, подмышки и шею; скомкал и унёс с собой — обитатели Пузырей, конечно, в добродетельный пантеон Когане Но входили едва ли, но мучить их вонью терюнаши из бака с использованным бельём казалось пыткой излишне изощрённой.

На обратном пути я почти не пользовался указателями, уставившись в гаппи и раскручивая полотнища прокламаторских анонсов. Прямо перед дверью в комнату с Ч'айей остановился, сосредоточенно ввинтившись в ещё несколько новостных станций.

Увиденное совсем не радовало. А стремительности обновлений не мешал даже откровенно барахлящий Мицелиум.

Рыбную ферму «Вёртких прыгунов» возле моего комплеблока… моего *бывшего* комплеблока взяли штурмом. Прямым и неприхотливым, без попытки техничного захвата или сохранения жизней персонала. С выбитыми воротами, штурмовыми лестницами и пальбой из супрессоров.

Байши, Нискирич, что ты вообще творишь?!

На восточной окраине Бонжура заметили колонну броневых фаэтонов в сопровождении роты «кастура» с символикой Управления Тетронов.

Этого ещё не хватало…

«Прыгуны» начали изолировать лояльные казоку кварталы и

превращать ключевые комплеблоки в настоящие крепости.

Ожидаемо? Вполне…

Независимые прокламаторы (которыми в «мицухе» себя считает каждый второй, заметивший что-то интересное из собственного окна), вдруг выдали целый шквал схожих сплетен. Дескать, под Тысячей Дорог тоже видели технику «полосатых рубашек». И тоже в сопровождении дюжины бронекостюмов.

Байши, байши, байши! Они сговорились?!

Я куснул губу. Задумался, будет ли пайма ещё вкуснее после пробежки и силовых упражнений? А ещё о том, почему мне всё острее казалось, что туманный монолог Магды вис Мишикана был как-то со всем этим связан?

Не отрывая взгляда от «болтушки», я вошёл в комнату.

Мельком убедился, что девчонка ещё спит, причём сладко, раскинув руки и ноги, словно после изматывающего забега. Впрочем, может именно так она и представляла схватку со своей внутренней сожительницей?

Диктатион, вероятно, наблюдал за объектами моего изучения в гаппи.

— Вынужден признать, Ланс, — прокомментировал он, воспользовавшись заушником, — что в городе разворачивается не самый ожидаемый из спрогнозированных мной сценариев. Но пока его влияние на наши последующие действия минимально.

Прокламаторы продолжали наполнять «миц-блиц» слухами, что на южных границах Колберга стали появляться многочисленные группы криитов. Вооружённых.

— Ты строишь кордоны? — уточнил я, стараясь не повышать голоса.

— Я держу ситуацию под контролем.

— Это ты провоцируешь местные казоку на обострение?

— Увы, это случайный фактор. Благодари отца, сисадда? Но кое-кто обязательно попытается обратить его себе на пользу.

Ч'айя всё же услышала, вздрогнула и проснулась. Умиротворение, пусть и мимолётно подаренное мной девчонке, смело, будто горстью холодной воды в лицо. Она села, подтянула одеяло до подбородка.

— Что происходит?! — пробормотала девушка, пока я продирался сквозь мицелиумные помехи и блохой скакал с одной прокламаторской станции на другую.

Отсекая одну из основных магистралей гнезда в западные районы, на дорогу и опоры силового коридора уронили ветростат. Хвост трансляции показал внушительный взрыв переполненных батарей, в ближайших кварталах началась паника. Кто-то утверждал, что это дело «Вёртких прыгунов», но бóльшая часть

свидетелей клялась, что это работа «Детей заполночи».

— Святая корова… — прошептал я.

Ч’айя дотянулась до настенной консоли и включила главную панель. Уставилась на экран, прокрутила пару станций, и на лбу её снова проступила глубокая завитушка.

— Это война? — прямо спросила она.

— Нет.

— Да.

Первое сухо выплюнул Диктатион через общие динамики комнаты. Второе — я, столь же негромко, но куда более зло. Девчонка среагировала мгновенно:

— Где находится Корень?

п.5.; г.2; ч.2

— Чего? — переспросил я, наконец отрываясь от гаппи.

И только через пару секунд осознал, что имелось в виду.

Да, «вторую дверь» действительно «открыли дуновением». И мицелиумный казоку-шин Песчаного Карпа тоже штурмом взяли. Но за прошедшие сорок с лишним часов я так и не удосужился уточнить, какие именно координаты удалось выудить после удачной атаки Зикро…

Фер вис Кри забрал управление консолью, поток прокламаторских станций сдвинулся в угол, а почти весь основной экран заняла карта Юдайна-Сити, огромного, разлапистого, весьма жуткого, если задуматься. Схема масштабировалась, позволяя заметить местоположения маячка Пузырей, а затем стремительно уменьшилась — в пустыне к северо-западу от гнезда вспыхнула новая точка.

Я нахмурился, пытаясь угадать расстояние. Если всё складывалось верно, речь шла о четырёх-пяти днях пешего пути. Стиб-Уиирта дошли бы за три. А мы? Сказать было сложно.

Ч'айя успела выкрутиться из-под одеяла (я всё равно умудрился бросить взгляд на крепкие ягодицы), накинуть и запахнуть халат, вместе с ним вновь примерив холодную сосредоточенность и готовность вернуться в строй. Застыв перед картой, она изучала её, чуть заметно шевеля губами. Уточнила, не дав голосу дрогнуть:

— Мы всё ещё способны спланировать экспедицию за пределы Юдайна-Сити?

— Вероятно.

Диктатион казался столь же безмятежным, хотя сейчас бы лучше применил поддельные эмоции, тогда я бы хоть понимал, чего ждать. Впрочем, оно и так становилось видно…

— Если мои подсчёты верны, прямо сейчас нам попытаются в этом помешать. Стратегия прямого удара на Пузыри не принесла плодов, и есть все основания полагать, что господин Ширi-Кегарета перешёл к резервному плану — начал разжигать топку полномасштабного хаоса. Это не только даст ему рычаги для блокады западных районов, но и поможет максимально ослабить ваших союзников, чтобы вынудить обоих сдаться.

Новостные станции невольно приковывали взгляды: неподалёку от закусочной Щупа тетроны вступили в массовую поножовщину с местной казоку. Причём не с «Детьми заполночи» или «Вёрткими», а с откровенной швалью, опьянённой нарастающим запахом крови. А ещё от нас обоих не укрылось, что

«мицуха» барахлит всё отчётливее, и я уже начинал подозревать, что это откровенно неспроста…

— Значит, он всё же разбил тарелку?!

Сначала я снова не уловил, о чём именно спрашивает Ч'айя; отлепил взгляд от угла экрана, и выяснил, что параллельно та открыла на вспомогательном дисплее нашей уютной норки коллаж из целой дюжины дополнительных прокламаторских станций.

Как и предполагалось, теперь мицелистом (несмотря на сбои связи) становился любой не совсем трусливый чу-ха у окна на высотном этаже и с «болтушкой» на лапе. На большинстве записей был виден — с разных ракурсов, но повсеместно в режиме реального времени, — перекрёсток на юго-востоке Бонжура. И там тоже шёл бой, причём уже не на ножах. В комментариях, которыми пестрили станции, сообщалось, что на «сухие кольца» «Детей заполночи» внезапно обрушились многочисленные казоку-йодда «Уроборос-гуми».

Я беззвучно выругался. Меня так и подмывало задать наиглупейший вопрос, приходящий на ум любому свидетелю жутких событий:

— *Всё это происходит прямо сейчас? Сию минуту, пока мы тут спим, суём под хвост и бегаем на тренажёрах?*

Но я благоразумно смолчал.

Да, всё это происходило прямо сейчас.

Сука! Пока я отсыпался, Шири-Кегарета делал ответный ход?! Забрасывал Когтей «Уроборос-гуми» пакетами приказов во время редкого перехвата стержневого присутствия? Или всё рассчитал заранее, ещё до похищения ценных координат?

О, пусть расколется земная твердь и изольётся потоками жидкого огня в нору того зловредного демона, что далёким и тоскливым утром заставил Ланса Скичиру согласиться на разговор с Подверни Штанину! Не сделай я этого, многие славные чу-ха не скрутили бы…

— Хватит, — негромко распорядился Диктатион.

Наши болтушки отрубились одновременно со всеми дисплеями комнаты.

— Эй!?

— Я принял решение ограничить массив поступающей информации. Сейчас это может помешать, изменить эмоциональный фон и заставить принимать опрометчивые решения.

— Я должен знать, что происходит!

— Ты и так это знаешь, Ланс. Не без влияния Абзу тетроны готовятся к началу операцию по умиротворению и приведению к

доброжелательности. Мобилизованы силы ракшак центральных округов гнезда. Крупная группировка бронетехники на пути в Ишель-фав и окраины Колберга; мои Когти сейчас ведут переговоры о недопустимости таких действий. Также я фиксирую подготовку к точечной инфильтрации в Бонжур отрядов кубба…

— Специальные силы?

— Верно, Ч'айя. Кроме этого, собранные данные позволяют установить, что к операции подключаются мобильные соединения «Голубого Лотоса». Именно они отвечают за наращивание сил в Ишель-фаве.

Мне очень-очень-очень захотелось выпить, но я держался. Облизал сухие губы.

— И «Уроборос-гуми»?

— Верно. Официально они будут действовать независимо от вооружённых сил Смиренных Прислужников. Но анализ картины позволяет установить, что всё это — часть скоординированных действий. Ланс, предупреждаю, ты не должен давать волю эмоциям. Но обязан знать, что ещё через сорок часов власть «Детей заполночи» будет низвергнута, а сама казоку с вероятностью 89 % поглотится кланом Абзу…

— Верни мне «мицуху»!

— Не имею права.

— Сука!

— У меня нет гендера, Ланс…

— Хватит скалить зубы, будто торговки с Базара Бедняков! — Окрик Ч'айи вышел одновременно мягким и настолько повелительным, что я мигом захлопнул пасть. Не отрывая взгляда от прокламаторских полотнищ, девушка уточнила, уже чуть тише: — У нас всё ещё сохраняется возможность покинуть Колберг и гнездо вообще? Прямо сейчас, сей же миг выдвинуться в сторону Корня?

— Сохраняется. Но количество корректирующих факторов увеличивается с каждой секундой. Лично я предлагаю выждать. Не менее ста часов. При любом исходе событий за этот период ни ракшак, ни «Лотос», ни «Уроборос-гуми» не пойдут на открытое противостояние с «Диктатом Колберга» и лично Хадекином фер вис Кри. Когда ситуация будет урегулирована, мы вернёмся к исполнению плана…

А затем Ч'айя вновь показала себя во всей красе. И не влюбись я в неё многим раньше, это обязательно случилось бы сейчас…

— Как бы не так! — отрезала она. Смежила ладони, будто для молитвы, и поднесла пальцы к губам. — Выжидать мы не станем. Более того, сейчас наступает самое время воспользоваться

упомянутым хаосом и начать финальный этап. «Диктат Колберга» и его подчинённые кланы обязаны ввязаться в войну. Прямо сейчас. На стороне казоку Ланса, разумеется.

Я улыбнулся и от умиления чуть головой не покачал. Ах ты, моя умничка! Если бы не обстоятельства, я бы прямо сейчас повторил с тобой утренний забег, и речь шла вовсе не про тренажёр.

— Это невозможно, моя госпожа, — вежливо, но непреклонно отреагировал Диктатион. — С учётом неопределённости и широкого разброса вариантности последствий я не могу подвергнуть «Диктат Колберга» втягиванию в открытое противостояние, потому что так мы лишимся дальнейших возможностей…

— Даже если я прикажу?! — снова перебила Ч'айя.

Яри-яри… Фер вис Кри умолк, заставив меня всё сильнее восхищаться своей боевитой девчонкой. Тишина в динамиках комнаты стала настолько затяжной, что заставила снова опасаться, что Энки уступил трон Князю-Из-Грязи, но лично мне это было даже выгодно.

Как там сказал Диктатион? Не давать волю эмоциям? И кое-кто обязательно попытается обратить повсеместный бардак себе на пользу? Что ж, врать не стану, и Хадекин, и моя подруга во многом были правы, но… но теперь ещё разок появиться на сцене пришло время Лансу фер Скичире.

— И кто это тут базарные торговки?! — хохотнул я, выходя на середину комнаты и с грустью осматривая отключённые консольные дисплеи. — Никаких ста часов, девочки. Отныне хаос — новая дайзу высшего качества, и мы вдохнём его полной грудью. И когда опьянение достигнет пиковой точки, выскользнем из гнезда…

Ч'айя нахмурилась. Казалось, она вот-вот уловит мою мысль, но что-то (вероятно, её нелепость) не давали поверить, что я вообще за неё ухватился. Энки тоже хранил молчание, почти заставив поверить, что действительно оставил бесхвостых подопечных…

Но вот:

— Кажется, Ланс, я знаю, что ты задумал.

— Ты всегда был умнее, чем казался на переговорах от лица Кри!

— Задуманное тобой можно провернуть дистанционно…

— О, нет, пунчи, такие дела решаются исключительно лично. Нос к носу, сисадда?

— Ты можешь не вернуться, Ланс.

— Тебе не давали команды нести откровенный бред, мой

маленький мицелиумный дружок, так что давай-ка сменим тональность!

Улыбнувшись, я подмигнул девчонке, а затем подошёл к шкафу с вещами и оружием, и незаметно прикусил губу. Как бы то ни было, а в последнем Диктатион был вполне прав.

Да вот только знать об этом никому не полагалось.

И особенно — Ч’айе.

praeteritum

Раз за разом перекатываю в памяти сказанное Энки, и дырка в груди становится всё больше. Чернит душу. Затягивает и лишает сил. Вынуждает поражаться чудовищности познанного, тайного для прочих. Опасного. И прозрачно намекает не ждать от нашего будущего ничего доброго…

Мы с Ч'айей в комнате Пузырей в безмятежности двух суток тишины. Эхо разговора с джинкина-там ещё не успело утихнуть, а мне уже кажется, что прошла целая вечность. Вал правды после операции «Вторая дверь открывается дуновением» никак не идёт из головы, заставляя раз за разом препарировать его фрагменты.

…В момент, когда Кри отвечает на мой вопрос об изъяне сознания и начинает монотонную, будто бы бесцветную речь (после которой всё становится иным), он говорит:

— И не подумаю отрицать. Создательница и программатор моей/нашей зародышевой зигомикоты обладала богатейшим, бездонным сознанием, порождающим самые чудесные открытия эпохи умирающей планеты.

Джи-там излагает негромко, почти в ритме «низкого писка», явно не собираясь пугать или травмировать. Но стройная девчонка на стуле вытягивается так, будто проглотила копьё.

— Без лишней скромности таковых называют гениями, — убеждает Энки. — Но люди часто платят за богатство своего интеллекта. И поэтому будет нелишним упомянуть, что жила она — как и внушительная цепь её предков по женской линии, — под гнётом наследственного диссоциативного расстройства, в годы моей юности известного под названием синдрома «зеркала Полларда». Несмотря на умение почти полностью контролировать расстройство, избавиться моей Матери от него не удалось. Аналогичная напасть постигла и её настоящую, во плоти, дочь и последовательницу. Отмечу, что в какой-то период та даже всерьёз планировала провести рискованную операцию по вживлению блокирующего импланта в мозг уже своей дочери, но в последний момент изменила решение… Мне всё ещё нужно пояснять, что копирование структуры именно этого сознания со склонностью к так называемому расщеплению легло в основу моей/нашей околоплодной структуры?

— Не нужно, — сипит Ч'айя.

Я с ужасом замечаю, что руки девчонки безвольно опущены, а из накренённой кружки на пол льёт тонкая струя остывшей чинги.

— А я верно уловила, что эта самая создательница?..

И умолкает, будто всё нужное уже озвучено. Я вот

ничегошеньки не понимаю. Но фер вис Кри, конечно же, улавливает смысл и заканчивает фразу простецким:

— Верно. Эта самая создательница моей сущности — твоя бабушка по материнской линии.

Девушка поднимает руку. Задумчиво гладит кончиками пальцев завиток, ещё явственней проступивший на лбу. Диктатион жест расшифровывает по-своему (я отмечаю, что сученыш действительно напихал в нашу комнату камер!), потому что тут же добавляет:

— Это не последствия травмы, Ч'айя. Это родовая особенность.

В эту секунду — в наступившей тишине, которая мешает дышать, — я отчётливо вижу их: все поколения кареглазых, остроскулых, прекрасных, и заклеймённых отметиной; талантливых, пробивных, способных заглянуть за вуаль завтрашнего дня, но сотрясаемых недугом.

Они наверняка пытались вырваться из его когтей. Но не могли? Или не хотели, потому что вместе с «зеркалом» теряли и что-то невозвратимое?

Хадекин фер вис Кри тактично даёт нам осмыслить. Затем негромко добавляет:

— Как ты можешь догадаться, за основу моей/нашей матрицы взяли её сознание. В фундамент легла Обновлённая Парадигма Прибрама — Аспекта — Графа. Её суть в том, что если изъять из закрытой многослойной системы даже ничтожнейший компонент, он будет содержать всеобъемлющую базу данных этой системы…

Девушка спохватывается и отставляет полупустую кружку. Встряхивается, совсем как чу-ха, и вдруг перебивает джинкинатам:

— Если статическую матрицу свето-струнного слепка с изображением цветка разбить на три части, — задумчиво бормочет она (при этом выуживает из шкафа пачку одноразовых полотенец и деловито промокает лужу под стулом), — каждая из них сможет соткать из световых струн полноценный цветок…

Я стараюсь сделать вид, что совсем не удивлён. Диктатион оказывается менее сдержан и издаёт протяжный хмык *. Был бы виртуальный уродец живым, его брови бы точно подскочили до ушей.*

— Немного размыто, — одобрительно тянет он, — а ещё во времена моей молодости слепки называли голограммами… но в целом верно.

В целом верно… Если бы через неделю после пробуждения о моих способностях попросили порассуждать меня, я бы разве что смог поковыряться в носу. И то не факт.

Байши… происходящее заставляет в очередной раз задуматься, что я ничегошеньки не знаю про того, с кем сплю. Впрочем, у женатых двадцать лет всё совершенно так же.

— Матрицей для копирования стало сознание твоей родственницы, — поясняет фер вис Кри, причём ещё пойди разберись, кому именно, — в свою очередь являющееся осколком общечеловеческого сознания. Как я уже упоминал, успешная цифрофизация породила мою/нашу околоплодную стартовую культуру и зародышевую зигомикоту. Но также скопировала так называемый изъян. Ланс, мне нужно разжёвывать дальше?

Ах, вот кому…

*Нет, пожалуй, не нужно, тут понимаю даже я. Скопировав мозги чуть поехавшей бабки моей подруги, джинкина-там е*анулся сам.* Расслоился *, как назвал это сам джинкина-там в альтере Хадекина фер вис Кри в кирпичной будке на окраине «Хари'н'ханси».*

Прекрасная новость. Лучше сегодня быть точно не сможет.

Ч'айя, детка…

Не знаю, услышишь ты это послание, и будет ли вообще работать… или даже существовать Мицелиум, но я оставлю его тебе. Просто потому что считаю нужным.

Наверное, пожалуй, я смог бы даже проанализировать то, о чём скажу дальше. Но только в том случае, если бы мне довелось вспомнить прошлую жизнь и тонкости профессии. А пока — увы…

Можешь догадаться, что я не часто делюсь подобным… Да что там?! Я и вовсе редко за последние семь лет чем-то с кем-то делюсь… В общем, такое дело, недавно мне снился очень странный сон…

Не очень понимаю, зачем хочу пересказать его тебе, но мне кажется, от этого как минимум станет полегче. А может, и ты сможешь узнать обо мне что-то новое и интересное… Хотя это едва ли.[смех] *Возможно, даже наоборот, ведь обычно анализ снов лишь позволяет убедиться, с какой конченной шизонашкой тебе приходится иметь дело.*

Но я всё равно попробую, сисадда?

Можешь перескакать всю запись на ускоренном. Или вообще снести. Или сразу смахнуть в конец, где я всё равно не скажу ничего важного, но…

Ух… в общем, это был непростой сон. И мне кажется, что его нужно с кем-то разделить.

В нём я видел себя самого спящего, сисадда? Байши, ужасное ощущение… Совсем не желаю тебе испытать ничего подобного. Ладно. В общем, я видел себя спящим. Да вот только не в уютной кровати с голой Куранпу под боком, а почти стоя, запечатанным в капсулу, доверху залитую гелем.

Наверное, такой образ навеяла передвижная склянка Кри. А может, жутковатая кабина, в которой криипты доставили тебя в «Кусок угля». Не знаю, да и во сне моя капсула была ослепительно белой.

[вздох] *Я был погружён в прозрачный гель, и на лице была тоже белая маска, и трубки во все стороны торчали, и жутковатые датчики на груди и шее. Руками я пошевелить не смог бы, даже если бы захотел, их прижимали зажимы, сегменчатые и тонкие такие, будто фрагмент насекомого… В венах вроде что-то торчало, катетеры или переходники, но эту часть я помню смутно. Как во сне*[смех] *… извини.*

А ещё мне казалось, что всё это время ты где-то рядом. Причём именно ты, а не Куранпу. Совсем рядом! Буквально за

стенкой капсулы. И ещё казалось, там неподалёку были десятки похожих на нас, представляешь? Странное ощущение, обманчивое даже для сна…

В общем, тот Ланс, что во сне, он открыл глаза. И я вдруг смог видеть ими, но и себя при этом тоже продолжал видеть. А ещё одинокого чу-ха, который стоял напротив, прямо перед прозрачной дверью капсулы.

Крысеныш был размытым, вообще не в фокусе, и я чуть глаза не сломал в попытке угадать, кто это. Но в итоге совсем не удивился, когда узнал Нискирича фер Скичиру, своего названного отца.

Ты его не видела — хвала Когане Но! — но в жизни он всегда носит куртку и штаны из грубой джинсовой ткани. А вот тут был почему-то закутан в погребальный саван с красными полосами по краю, сисадда? И совсем не косил глазами, глядя прямо на меня.

— Предательство семьи, мой мальчик, самое страшное из всех возможных нарушений добродетелей, — сказал он. Байши, я до сих пор слышу этот голос в своих ушах. — Когда тебе кажется, что ты способен на такое, всё… считай, пропало. Будь осторожен. А я стану молиться о твоей изуродованной душе.

Я смог ему ответить, представляешь? И не спрашивай, как мне удалось сделать это из-под маски, да ещё и утонувшим в прозрачной жиже.

— Я не предавал семью, — сказал я, и мне было очень горько. — Она всегда была для меня единственным якорем. Опорой и стеной. И я никогда…

— Ты уже её предал, — перебил Нискирич, нахохлился и закутался в балахон. — Просто сам этого не понял. Но я всё вижу. И не думай, что твои действия останутся без ответа…

А потом он как будто дымкой подёрнулся, и я-во-сне подумал, что сейчас пугающий образ исчезнет. Но тот-я-Ланс ошибался, ага. А через секунду сна под белым капюшоном я вдруг углядел морду Магды вис Мишикана. Той самой Алой Суки, которую ты жахнула шокером пару дней назад на площади Саку-Харухейфа.

— Ты поставил себя выше закона, написанного нами, — без прелюдий сказала самка. — Написанного хозяевами Юдайна-Сити.

Не знаю, когда, но её балахон вдруг сменился на строгий церемониальный мундир Смиренного Прислужника. Только красный, ведь иначе и быть не могло, сисадда?

— Живя в кредит и пользуясь нашим милосердием, ты решил растоптать основы законности и бесконечно испытывать терпение тех, кто сохраняет твою шкуру от любознательного вскрытия.

— Наши отношения построены на взаимной выгоде, —

ответил я. Байши! Даже сейчас слишком уж хорошо помню, что в тот момент — пристёгнутый, неподвижный, обнажённый, — почувствовал себя опасно уязвимым. — Неужели забыла?

— Ты приносишь мне ценное, я не трогаю жалкого терюнаши! — Она оскалилась и наклонилась так, что здоровенные резцы почти коснулись крышки моего саркофага. — Никто не давал тебя права встать над законом.

— Законы создают, чтобы управлять стаей, — пробормотал я. И сделал первую безуспешную попытку вынырнуть из неприятного сна. Не вышло, конечно же, и я возразил: — Я к ней не принадлежу, и поэтому…

Но Магда меня перебила.

— Ты несёшь на хвосте пламя Лавовых Пещер, Лансик, — сказала она, и почему-то улыбнулась, — и когда искры этого огня подожгут улицы, я пожалую за твоей жалкой тушкой…

Кажется, потом я попробовал оправдаться. Или даже переубедить её, вдруг даже через кошмар ощутив, какой опасности отныне подвергаю нас с тобой обоих… Но она тоже растаяла, и стеклянную часть моей капсулы будто затянуло паром. А когда марево развеялось, на месте Красной Вистар неожиданно стоял Прогиб…

Точнее, парнишка всегда хотел, чтобы его называли Разрушителем. Но до его смерти все игнорировали эту просьбу, сисадда? А теперь… когда-нибудь, детка, я расскажу тебе о нём. И о цене, которую мелкий босолапый чу-ха заплатил за дружбу с терюнаши…

[пауза] *Ох, до чего же в тот момент мне хотелось поблагодарить его за сделанное, пусть даже во сне. Но не успел я даже рта открыть, как он покачал головой, подёргал себя за усы, и бросил, причём отрывисто и язвительно:*

— Ты умеешь предавать друзей, Ланс фер Скичира. И тогда они умирают. На твоих глазах. Или где-то вдали, вне пределов твоего царственного внимания. А ты, жалкий бледношкурый борф, даже не ценишь их жертву!

У меня получилось выдавить только:

— Я ценю…

А потом я внезапно захлебнулся гелем, который представлял мой спящий мозг. А парнишка добавил:

— Но при этом требуешь всё больше этих жертв.

Тут Прог… тут Разрушитель рассмеялся, тонко и визгливо, как отлично умел при жизни, и исчез. Ох, детка, на мгновение он даже заставил меня поверить, что кошмар подходит к концу… Но один из самых младших казоку-йодда «Детей заполночи» оказался далеко не последним гостем…

Глава 3
МЫ ПЕРЕСТУПИЛИ РУЧЕЙ

— Тебя, терюнаши, изрядно потрепало с нашей последней встречи!

Ниба Чим-Хан улыбнулся так мелко, что даже резцы не обнажило. Прихлебнул через трубочку.

— Да просто мамашка твоя любит жёстко, — я же оскалился во весь рот.

Ниба хмыкнул и подался вперёд. Едва заметно подался, но хвостатый напарник мгновенно клацнул языком. Продолжая мерить меня немигающим взглядом серых глаз, бородатый вальяжно откинулся на широкую спинку сиденья.

— Слушай, Ланс, ты пасть-то на замочке придержи-ка?

Второй чу-ха в просторном салоне фаэтона мелко покивал, будто только добра мне желал. Задумчиво повертел перед глазами яркую шляпу, стряхнул невидимую пылинку.

— Я, конечно, тебе премного благодарствую за дельце со Скротом Мокки, да и знать не знаю, что там за возня наверху… но доставить тебя в целости нам с пунчи вроде как не приказывали…

Теперь вперёд подался я. Взглянул крепышу прямо в морду, вытянутую и покрытую шрамами сильнее, чем дисплей моей «болтушки» — царапинами. Затем терпеливо вздохнул, стараясь не морщиться от запахов из пасти казоку-йодда, улыбнулся и вежливо пояснил, как на самом деле обстоят дела…

Да, объяснил. Действительно вежливо. А сам при этом не переставал удивляться, как вообще очутился в комфортном салоне блестяще-чёрного «Крейса», когда должен был послушно спать в ногах у одной крепкозадой особы с изогнутой морщинкой на лбу…

Байши, до чего же в тот момент при разговоре с Диктатионом мне хотелось скрыть от Ч'айи детали переговоров о предстоящей вылазке?! Но это было бы нечестно. Предательски прямо. Особенно с учётом того, что совсем скоро подруга могла стать единоличным казоку-хетто, назовём это так, всех пробуждённых собратьев.

Впрочем, нет, на это мне всё-таки плевать. Я просто не хотел расстраивать Ч'айю. Поэтому и бросался обрывками фраз и смыслов, лишь на две трети уверенный, что Энки поймёт.

— Мне нужны твои представители. Как гаранты. Свидетели, сисадда, весомое доказательство силы? Может быть, даже с

правами на Острое Слово.

— Коготь Шау сейчас занят, но я…

— У меня имеются другие кандидатуры. Не столь явные, как твой излишне упитанный хвостатый, но…

— Что ж, покажи мне их профили. Если буду в силах, через полчаса кандидаты прибудут в казоку-шин.

Ощущая на себе въедливый взгляд подруги, я поднял гаппи и деловито пощёлкал по экрану. Пересыпал в личный канал фер вис Кри, выждал.

— Эти же вроде до сих пор под «Диктатом» ходят, ничего не поменялось?

— Ничего.

— Это прекрасная новость, старина Энки. Ещё у него был пунчи-напарничек, родового имени не знаю. Пусть тоже едет. И фаэтон найти нужно, нормальный такой, в твой недавний подарок мы просто не влезем.

Джи-там на просьбы не отреагировал. Но я и без того знал, что все нужные приказы уже отданы. Впрочем, он всё же кое-что добавил:

— Итак, повторюсь: ты можешь не вернуться, сисадда?

Сказано было в заушнике, но девчонка продолжала молча наблюдать за моими реакциями.

Что ж, наш невидимый дружок был прав. А если учесть, что я пытался усидеть на двух табуретах, то и подавно…

— Ты что-то потеряешь? — как можно легче спросил я. И даже подмигнул Ч'айе (она недоверчиво прищурилась в ответ). — Сейчас в упомянутых ранее функциях уже нет столь острой нужды, сисадда?

Ох, до чего же горько становилось от сказанного, но кареглазка вроде не догадалась, о чём идёт речь…

— Хм-м… — протянул Хадекин. — Знаешь, Ланс, в кои-то веки ты умудряешься рассуждать логично.

— Ах ты бессердечный ублюдок!

Я рассмеялся, но Ч'айю это отнюдь не подкупило, и она продолжала морщить нос.

Мне хотелось спросить, позаботится ли джинкина-там о ней, если что-то пойдёт не по плану. Но ответ был очевиден. Да и лишнего говорить не хотелось, поэтому я повернулся к девушке и прижал руку к груди.

— Клянусь тебе, что буду на связи и обернусь — ты и пальцами щёлкнуть не успеешь.

Ч'айя склонила голову, подняла руку и громко щёлкнула пальцами.

— Ну, не настолько быстро…

Я подступил, чтобы обнять. Но навстречу будто дыхнуло холодом, заставив замереть на полшаге.

— А если твой грандиозный план пойдёт по наихудшему из вариантов? — снова раздалось в моей голове.

— Тогда ты соврёшь, — негромко и невозмутимо срезал я, отважно глядя на Ч'айю. Она отвела взгляд, отошла к погасшей консоли. — Тебе же не впервой.

— Вас сопроводят до ворот, но дальше…

— Знаю. Более того, конвой должен будет потеряться ещё до въезда на мост.

— Как скажешь. Выбранные тобой казоку-йодда уже в пути, но инструкции они получат весьма обрывочные, дальше пояснять предстоит тебе лично.

Ч'айя, безусловно, не слышала, но обо всём догадалась. Отвернулась. Принялась ковыряться в запасах пищевых брикетов. Не вздыхала, не охала и уж конечно не плакала, но я ощутил себя последним дерьмом…

Получаса хватило, чтобы одеться и вдумчиво собрать рюкзак. Уже затягивая причудливый галстук, я попытался возобновить разговор, но хрупкий край обрыва — не лучшая декорация для долгих душевных прощаний.

Покрутил колечко Аммы, решился:

— Ч'айя, я только хотел…

— Береги себя и возвращайся как можно быстрее.

— Клянусь. Куо-куо, детка.

— Шагай легко, Ланс фер Скичира.

Шагай легко… и вроде бы даже пожелание доброе, но почему у меня в горле взбух шипастый комок?

…И вот теперь я в просторном салоне «Крейса», на внушительной скорости влетающего в Бонжур, вежливо поясняю старым приятелям, как на самом деле обстоят дела.

— Галло. Я знаю, тебе нравится начинать фразу с просьбы послушать тебя, но давай на этот раз попрошу я, сисадда? Послушай, и очень внимательно. Вам с пунчи не обязательно знать, что творится *наверху*. Это знаю я, и этого довольно. Если сейчас вы силитесь понять, как такое вообще возможно, давайте я всё упрощу: за время, что мы не виделись, терюнаши удалось сделать оглушительную карьеру и теперь он ходит в личных советниках самогó уважаемого господина Хадекина фер вис Кри. Поэтому первое: это не я придан вам для решения вопроса, о котором вас с пунчи уведомили в общих чертах, а наоборот. Второе: мою шкуру вы двое будете защищать любой ценой, даже если пострадают собственные. Впрочем, до этого дойти не должно, но всё же…

Я перевёл дух, чуть ли не с завистью наблюдая, как сероглазый самец сбоку от Перстней снова прихлёбывает из серебристой термокружки.

— И третье: своим решением выбрать именно ваши жопы терюнаши оказывает вам услугу ни*бических размеров. Услугу, рядом с которой дело Скрота Мокки — просьба передать приправу за семейным ужином. И если всё пройдёт по шёрстке, а завтра Бонжур и Колберг ещё останутся стоять на благословенной земле Юдайна-Сити, вы оба будете благодарить меня. Возможно, даже на коленях.

Ниба — ранее именуемый мной просто Термокружка, — вздрогнул и снова стиснул свободный кулак, но на этот раз остался неподвижным, насколько это вообще возможно для чу-ха. Признаю́, нелегко выслушивать подобное от такого, как я. Особенно если виделись раз в жизни…

А вот Перстни с пониманием кивнул. Огладил полы кожаного френча, осторожно примостил шляпу-котелок на бедре. Спросил негромко, с прищуром:

— И что, нас действительно наделили *суродои-котоба*?

— Полностью, — подтвердил я, а затем ещё раз проговорил суть устаревшего термина: — Отныне, до возвращения на территорию «Диктата» вы двое — Острое Слово, автономные и полномочные представители сразу двух казоку…

Чим-Хан прищурился. Огладил смешную клочковатую бородёнку под нижней губой. Белёсые шрамы на его морде (числом не уступавшие отметинам напарника) задвигались, будто тонкие змейки. Он не верил. Конечно, не верил. Но терпеливо ждал дальнейших событий.

В отличие от Галло Ш'Икитари, который, судя по всему, правила игры решил всецело принять. И выдавить из той максимальную выгоду, разумеется.

Меня это устраивало.

Однако с Чим-Ханом всё оказалось не так просто.

— Хочешь, чтобы мы поверили на слово? — Он задумчиво почесал густую бровь металлизированным когтем, серый глаз недобро блеснул.

— Я давал поводы в себе усомниться?

Перстни поджал губу. Побарабанил пальцами по кожаному подлокотнику кресла, зазвенели массивные серебристые кольца. Я медленно кивнул:

— У вас есть время обдумать. Но не очень-то много.

Вынул из кармана обломок хаси, потыкал в клавиатон подлокотника, и потолок фаэтона вспыхнул свето-струнным дисплеем. Стараясь не выдать растущей нервозности, я полистал

прокламаторские станции.

Каналы наперебой тараторили, что местные группировки отползали от накатывающих на западные районы тетронов и всячески уклонялись от прямых боевых столкновений с воинством смирпов; а вот вооружённым хвостатым Песчаного Карпа окрестные кланы не уступали ни метра бонжурских дорог. Более того, местами на стороны «Детей заполночи» и «Вёртких прыгунов» даже вставали посторонние чу-ха, мирные жители…

В салоне фаэтона мелькали записи с десятков «болтушек», демонстрирующие, что небеса над Бонжуром всё активнее полнились дронами ракшак (и вовсе без опознавательных знаков), которых ежеминутно сбивали чуть ли не сотнями.

А ещё глубина разверзнувшейся бездны усугублялась тем, что когда ребятки с прыжковыми ранцами или пружинными имплантами встречали ребяток в чёрно-жёлтых жилетах, то и те, и другие всё равно пытались порвать друг друга на лоскутки…

Я едва удержался, чтобы не проверить — в стержневом ли присутствии фер вис Кри. Не стал. Оставалось надеяться, что да, и он присматривает за непутёвым терюнаши (должна же оставаться польза от извращенца-подглядывальщика?). Но что-то подсказывало, что вечно удача непутёвому терюнаши сопутствовать не станет.

С одной стороны, после нескольких дней непрерывного контакта с Кри-Энки его отсутствие в заушнике пугало. Подводило к гаденьким мыслям о беспомощности. Но с другой… оно пьянило иллюзией свободы действий и самодостаточностью принятых решений, и от этого распирало грудь.

Наконец Перстни всё обдумал. Пожевал губу, кивнул.

— Думаю, Ланс, такое не под силу сфальсифицировать. Ты ведь помнишь, от кого мы получили приказ? И в какой форме…

Последнее уже относилось не ко мне, но я тоже кивнул.

— Я бы не стал доверять мутанту, даже толковому, — Термокружка прервался шумно всосать напиток через длинную трубочку. — Может, он и неплохо провернул то дело с кулоном, но… Галло, брат, мы вместе ломали того крысюка, Мокки, помнишь? Он клялся иначе, чем это делают под пытками, сисадда? Сдаётся мне, этот хитрожопый терюнаши врёт, и сам прикарманил твои деньги…

Перстни покривился, глядя при этом мне в лицо.

— Слушай, братишка, не пытайся поджечь воду, сисадда?

— О! — эту фразу я всё же решился прокомментировать. — Выходит, Галло, ты всё же остаёшься мозгами вашей парочки и благоразумно доверяешь мне?

— Я этого не говорил, терюнаши. — Он легко помахал

пальцами, коснулся невидимого под одеждой амулета. — Давайка я предположу так. Я получил приказ… мы *оба* его получили. И вроде как на ближайшие сутки становимся твоими тенями. Но мне ни слова не было сказано, что кто-то расстроится, если ты вдруг… пропадёшь, например?

Я вздохнул, сожалея об утекающем времени. Впрочем, «Крейс» ещё не достиг пункта назначения…

— А вот об этом, уважаемый господин Ш'Икитари, не советую даже думать. Или ты задумал откусить палец на правой лапе Хадекина фер вис Кри?

У Нибы вытянулась морда. Но и на этот раз он не стал угрожающе надвигаться, а только поёрзал и стиснул неизменную термокружку так, что чуть не сплющил.

— Ты блефуешь, терюнаши, — прошипел самец, — причём жалко!

— Хочешь проверить?! — Краем глаза я заметил, что теперь фаэтон крутится над знакомыми улицами Бонжура и почти добрался до нужного места.

Оба чу-ха замолчали. Угрюмые, они пожирали меня взглядами, и своего я не отводил. Более того, я даже руки держал на коленях, а не в кармане с кастетом или на «Наковальне».

Наконец Перстни медленно, будто шея затекла, кивнул и скрестил пальцы на правой лапе.

— Хао, терюнаши! Пусть будет так. Но постарайся не дать своему языку подпортить белый забор, за которым тот прячется.

— Я буду сама любезность, господин Ш'Икитари. Но напоминаю, что от оценки ваших действий будет зависеть мой отчёт для уважаемого Диктатиона. Сисадда?

Чим-Хан демонстративно отвернулся в окно, но Галло ещё раз медленно кивнул.

— Я подозревал, что тесное знакомство с тобой не доведёт до добра, терюнаши, — он улыбнулся, показав огромные резцы, — ещё во время самой первой встречи…

— Постараюсь тебя разочаровать, — я улыбнулся в ответ. — В самом лучшем смысле, если ты понимаешь.

«Крейс» снизился. Мягко, почти без толчка опустился на выдвижные колёса. Покатил в горку, и едва ли не сразу притормозил. Фангаупорная перегородка между водительским местом и салоном втянулась вниз.

— Фаэтоны сопровождения отстали, — отчитался водитель, стараясь не дёргать носом от чужеродных запахов бледношкурого пассажира. — Какие будут приказы?

— Двигай к воротам! — я успел сказать это первым, и уши водителя затрепетали.

— Двигай… — негромко, определённо сдерживая бурные эмоции, подтвердил Галло. — И медленно, чтобы нас не нашпиговали…

«Крейс» пополз вверх, небыстро, будто под прицелом. Впрочем, так оно и было.

Остановились мы в десятке метров от ворот, и я первым вышел под стены Наросто.

А затем, раздери меня Бансури, вдруг почувствовал, что мне неожиданно хорошо. Спасать Тиам?! Иди понюхай Такакхану, Ланс фер Скичира! Твоё место *здесь*, на улицах, и это вдруг взбодрило сильнее чашки ядрёной пуэтты.

Словно в подтверждение мыслей в нескольких километрах на восток в сторону Гариб-базара что-то взорвалось. Повернувшись, я заметил в просветах высотных комплеблоков пару столбов дыма. Это казалось странным, но сирен почти не было слышно — время от времени эхо их завываний всё же доносилось из комплеблоковых ущелий, но не чаще, чем в обычный день…

Встав лицом к цитадели Нискирича, я расстегнул пальто и продемонстрировал жилет — вычищенный и выглаженный чуть ли не впервые в жизни.

И сразу отметил, как изменилась казоку-шин. Пересчитал наведённые на мост супрессоры, вооружённых казоку-йодда в бойницах и снаружи перед воротами. Считал витающее в воздухе напряжение… но вот меня разглядели, и боевито торчащие уши стражников прижались к головам.

Перстни и Термокружка неторопливо выбрались на воздух. Спокойные и будто бы безмятежные, но лапы самцы держали вдоль тел и не совершали ни одного лишнего движения. На их макушках, словно маяки, покоились яркие жёлтые шляпы.

Привратный бригадир опустил ассолтер на грудь и двинулся навстречу.

— Куо-куо, Ланс… Байши, заставил понервничать!

— О, пунчи, я и сам на нервах. Мне нужно срочно поговорить с отцом.

— А это? — уточнил встречающий сквозь зубы и мелко кивнул на «Котелков».

— Передай достопочтенному казоку-хетто, что с Лансом фер Скичира прибыли двое суродои-котоба «Диктата Колберга». Мы пересекли ручей, сисадда? Нискирич останется доволен.

Боец округлил глаза, вздохнул и жестом защитился от сглаза. Пробормотал:

— Сомневаюсь… — Но отошёл и постучал по гаппи.

Переговоры длились несколько минут. Всё это время нашу неподвижность напряжённо изучали, причём весьма недобро, а

кое-кто поглядывал на мой жилет не без открытого презрения.

Неужто слухи уже просочились?

Конечно, просочились.

Чаще всего они обгоняют самый быстрый ветер…

Наконец доложивший о нас казоку-йодда махнул лапой, и в воротах открылась толстая бронированная дверь. Я повернулся к «Котелкам», те послушно зашагали следом.

Неспешно, по-прежнему без лишних движений мы вошли в сердце «Детей заполночи», встречаемые новой восьмёркой вооружённых чёрно-жёлтых. Стояли они широким полукругом, весьма так демонстративно.

— Ланс, — сказал один, в котором я признал бригадира сборщиков Пио, — мне жаль это говорить, но…

Мне удалось осечь его улыбкой.

— Не глупее рыбы буду, пунчи!

Я медленно вынул башеры, и рядом тут же нарисовался младший казоку-йодда с пустой коробкой. Сложил в неё оружие и наблюдал, как примеру последовали Ниба и Галло. Последний даже демонстративно развёл в стороны полы чёрного френча, но мелкий крысеныш лишь склонился и попятился.

Откровенный обыск мог быть воспринят не совсем корректно. Да и никто из нас не сомневался, что минимум один привратник носит в глазу имплантированный сканер.

— Пусть Когане Но будет добра к тебе, терюнаши! — пробормотал Пио, и торопливо растворился в полумраке шлюзовой площадки.

— И тебе не хворать, пунчи…

Затем к нам приставили ещё одного «Заполночника» (теперь с оружием в казоку-шин ходили даже самые низшие чины), и мы двинулись через длинный входной зал. Даже стараясь не вертеть головой, я успел заметить, что бóльшая часть фаэтонов казоку теперь усилена металлическими листами по бортам и даже таранными установками. Шустро…

Не особенно удивив, прислужник повёл не знакомым мне коротким путём, а официальным, гостевым. Я не спорил и молча вслушивался в звуки оставленного когда-то дома.

Да, Нарост изменился. Об этом сообщало его дыхание, шепотки, шелест когтей босолапых казоку-йодда из числа натуралистов, отдалённые шумы́ и лязг металла — цитадель «Детей заполночи» стала похожа на бойца, без лишней суеты готовящегося к важной схватке.

При этом маршрут оказался выстроен так, что нам с «Котелками» не показали ни сборы ударных отрядов, ни цехов по чистке и оснащению оружия. Кто-то из Когтей Нискирича

ловко убирал с нашего пути всё лишнее для взглядов, и делал это почти со сноровкой невидимого хозяина Пузырей.

Представители «Котелков» молчали, тоже стараясь не вынюхивать. Лишь раз Ниба замешкался на лестничной клетке. Снял шляпу, пригладил серые волосы на макушке, и будто бы невзначай выглянул во внутренний двор, но больше подобное не повторялось. А затем мы оказались в знакомом коридоре с не менее знакомыми дверьми в дальнем конце…

Младший казоку-йодда что-то пискнул и тут же резво исчез из вида. Да что там?! Я видел брошенные в воду камни, тонувшие многим медленнее.

В тот же момент трое охранников у дверей поднялись со стульев и небрежно опустили лапы на висящие на груди ассолтеры. Один осмотрел с особым вниманием, наверняка просканировав повторно.

Не сбавляя шага, я приблизился и остановился лишь в паре метров.

Врать не стану, устаревшую традиционную фразу пришлось выуживать на просторах сбоящей «мицухи», но будь я проклят, если когда-нибудь вообще полагал, что она мне понадобится…

Сказал, невольно подстроившись под «низкий писк»:

— Это господа Галло Ш'Икитари и Ниба Чим-Хан, Укусы казоку «Жёлтые котелки», наделённые силой суродои-котоба от казоку «Диктат Колберга». Меня вы знаете. Мы здесь по своей воле и ради доброго дела. Мы пересекли ручей и не замочили хвостов. Теперь мы здесь, чтобы говорить с господином Нискиричем фер Скичирой, уважаемым казоку-хетто «Детей заполночи». Мы пришли с миром, и пусть ни одно слово из наших пастей под сводами этой норы не будет отравлено ядом.

Охранники мрачно переглянулись. Перстни и Термокружка по бокам от меня сделали то же самое, причём с плохо скрытым удивлением — ни один из них никогда не раскрывал жалкому терюнаши своего статуса в родном клане.

— И если покой беседы надломится? — равнодушно уточнил самый широкоплечий страж.

— Тогда пусть падём мы в бездну к Бансури, и никогда не познаем мирного перерождения.

Охранники снова обменялись взглядами, совсем короткими, а затем открыли (и даже придержали) массивные створки. Вздохнув и продолжая убеждать себя, что не совершаю непоправимой ошибки, я вошёл в кабинет того, кто шесть лет назад назвал меня своим сыном; Котелки последовали за мной.

Конечно, он был там, как и всегда, неизбежно и всецело — огромный черношкурый чу-ха за огромным столом. При нём всё

так же обнаружились оковалок «бодрячка», лишённый россыпи жетонов жилет и джинсовая куртка. На пальце виднелся знакомый перстень, глаза хищно блестели.

К моему удивлению, ни одного из Когтей казоку на сходку не позвали, а кроме вожака тут присутствовал только Ункац-Аран, занявший пуф справа у стены. Старик казался усталым и больным — он не опирался, а буквально висел на посохе, — однако нас изучал с неподдельным любопытством.

Нискирич фер Скичира поиграл желваками и внимательно осмотрел прибывших «Котелков»: чёрный френч Перстней и не столь вызывающий плащ бородатого, многочисленные кольца моего старого пунчи Галло, шрамы на мордах обоих Укусов. Те оставались неподвижными и даже не вздрогнули (в отличие от меня), когда за спиной закрылись створки.

Ну, Ланс фер Скичира, твой выход. Голову держи высоко, но в драку не лезь! Я легко поклонился и начал с повторения:

— Мы переступили ручей и…

— И я протянул вам лапу, — хрипло оборвал Нискирич, не позволив закончить ритуальную фразу. — Со всем возможным уважением к «Жёлтым котелкам», конечно. — Те одновременно поклонились, при этом их шляпы чудесным образом удержались-таки на макушках. — Я воспитал тебя храбрым, мой мальчик, но вроде не тупым?

Вот как?! Что ж, пусть будет так — сразу к делу.

— Нам нужно поговорить.

— Чтобы узнать об этом, мне даже не пришлось спрашивать гадателя.

— Если захочешь отомстить, время настанет.

И я тут же почувствовал напряжение, волной прокатившееся от «Котелков».

Разумеется, желтошляпники и подозревать не могли о событиях, встряхнувших казоку Нискирича несколько дней назад. Интересно, теперь они предположат, что терюнаши заманил их в ловушку? К счастью, ни Галло, ни Ниба даже не пытались завладеть инициативой разговора.

— Пока не сказано обратного, — казоку-хетто с лёгким раздражением мотнул головой, — ты всё ещё «Дитя заполночи», мой мальчик.

Я ответил чистой правдой:

— Именно это дало мне отваги вернуться в Нарост.

п.5.; г.3; ч.2

— Хорошо сказано. — Вожак кивнул, дополнив широким взмахом лапы. — Но мне всё же не терпится узнать, с чем вы пожаловали такой странной компанией. Помните, я делюсь с вами воздухом, сейчас вы в полной безопасности. Но… яри-яри, вы на самом деле Острое Слово? Чьё же, если это не тайна? Принесли послание от уважаемого казоку-хетто «Жёлтых котелков», или Нискиричу сто́ит сильнее задрать голову?

Наверное, Ниба хотел что-то ответить, я уловил это по его привычному движению — полурывку вперёд, агрессивному и вызывающему, — поэтому опередил:

— Ты знаешь, что происходит на твоих улицах, отец.

Он дёрнул верхней губой. Но удачно скрыл эмоцию, тут же сунув в зубы пожёванный цилиндр из размятого в лепёшки «бодрячка». По кабинету прошлась занавесь из пряного дыма, за его вуалью зелёные глаза вожака сверкали, будто камни.

— Разумеется, знаю, — угрюмо ответил старший фер Скичира. — Это *мои* улицы. Мы начали наступление на «Попрыгушек». Через сорок восемь часов близнецы будут мертвы, а «Дети» поглотят весь Бонжур. Как тому и предначертано.

Память услужливо воспроизвела в голове отчётливые слова Диктатиона — *через сорок часов власть «Детей заполночи» будет низвергнута*, — но на моём лице не промелькнуло и малейшей эмоции.

— Не очень понимаю, причём тут сотни казоку-йодда Песчаного Карпа, но если тот желает передела под шумок, я бы на его месте тоже воспользовался суетой, — с оскалом продолжил Нискирич. Многозначительно кивнул на Галло Ш'Икитари и его напарника. — Если, мой мальчик, ты всё ещё водишь дружбу с хвостатыми «Диктата», пора крепко задуматься…

— Шири-Кегарета не планирует воевать с «Диктатом Колберга», — с подготовленным спокойствием прокомментировал я. — Его цель — совсем другая казоку. И даже не одна.

— Вот как? Малыш-терюнаши стал знать больше других? — Пасюк в тёмно-синей куртке многозначительно задрал морду, причмокнул и перегнал оковалок в другой угол пасти. — Я сам выясню это, Ланс. На самом высшем уровне, как только улягутся мицелиумные бредни про… скажем так, *происхождение* господина Шири-Кегареты.

Я с тоской вспомнил про сорванный браслет резервной «болтушки», которой ошибочно доверял свою безопасность в

ураганах последних событий.

Улыбнулся, надеясь, что ни вожак, ни Ункац-Аран (гадёныш продолжал молча наблюдать, изредка поглаживая выбритую половину башки) не истрактуют это против меня. Нет, сейчас не время вскрывать все игральные фишки. Пусть умудрённые годами крысюки и дальше продолжают верить, что Князь-Из-Грязи — самый обычный самец.

— Выходит, ты не поверил слухам?

— Байши… — Нискирич демонстративно покривился, аккуратно отложил дымный оковалок на край нефритовой курильницы. — Скажи ещё, что и к этому ты лапу приложил?! Перестань, мальчик мой, это же откровенный бред, сисадда? Нарочитый вброс в стиле твоей подружки Сапфир, чтобы отвлечь внимание.

Я скорее ощутил, чем заметил, что Галло и Ниба переглянулись. Однако выдержки Укусам «Котелков» было не занимать, и они действительно отдали мне управление переговорами, терпеливо изображая очень весомые и дорогие аксессуары.

— Но вот чего я всё ещё не понял, Ланс, — негромко добавил зеленоглазый вожак, — так это зачем ты снова здесь.

Шаман оживился. Перехватил посох обеими лапами, облизнул губы и подобрался, но вмешиваться пока не решился.

— Задумал спрятаться? — хмыкнул хетто. — Или решил драться вместе с нами? А может, приехал разбить тарелку на крыльце отцовского дома? И не поэтому ли с тобой эти важные господа?

И тут я наконец понял, до чего же Нискирич взвинчен.

И напуган.

Его аж трясло, но распознать это, да ещё и за мастерской дымовой завесой, мог бы только очень внимательный наблюдатель.

Он боялся прямой атаки «Уроборос-гуми». Их возможной спайки с «Вёрткими прыгунами». Боялся коварного удара «Диктата Колберга», не то, чтобы ожидаемого, но отнюдь не невозможного. Он — создавший половину царящего на улицах хаоса, — вдруг осознал, что выпускает нити управления этим самым хаосом из цепкой лапы?

— Я здесь, потому что всё ещё ношу жилет, — спокойно ответил я, и не отвёл глаз. — И пришёл для того, чтобы вас всех до единого не перебили уже к завтрашнему вечеру.

— Вот как?! — Нискирич саркастически поджал губу. Покивал, почти игриво. — Ну надо же! Что ни говори, но милосердие — это величайшая добродетель живущего по канонам

Лучезарных Скрижалей и следователя Принципам Сохранения Мира и Благополучия… Я так рад, что ты ей верен…

— «Уроборос-гуми» и «Диктат» Хадекина фер вис Кри действительно развязали войну, — я мягко, но настойчиво оборвал его насмешку, и в зелёных глазах промелькнула угроза. — Но напрямую Шири-Кегарета по западным районам гнезда не ударит. Вместо этого он уничтожит кланы Бонжура, потому что у ублюдка есть скрытые цели. Уничтожит плечом к плечу — и мне плевать, поверишь ты или нет! — с ударными частями ракшак и «Голубым Лотосом», что уже готовы вкатиться на *твои* улицы.

При упоминании секретной службы веко на левом глазу Нискирича фер Скичиры чуть заметно дёрнулось.

Ункац-Аран обнажил резцы и зашипел, но снова сдержался, и только пристукнул о ковёр посохом, отчего косточки и черепки задребезжали. Хм, а присутствие гостей отрезвляюще действовало на старого пердуна, иначе бы тот уже щедро брызгал слюной — не остановить.

Нискирич медленно положил лапы на стол перед собой. Его челюсть сжалась так, что будь сейчас в зубах железный прут, он бы его перекусил.

— Тебе слишком много известно, мальчишка…

— Я обзавёлся надёжными каналами. И в твоих интересах поверить в их достоверность.

— Просто поверить?! — Взметнув брови, названный отец повторил мой собственный вопрос, совсем недавно заданный джинкина-там. — По наивности свой врождённой даже не предполагая, что сейчас ты, например, говоришь от имени некой Алой Суки и пытаешься заманить меня в яму, чтобы этим спасти свой бледный предательский стручок?!

Яри-яри… Ну что ж. Теоретически, к подобному я тоже был готов. А потому ответил мгновенно, не успело отгреметь эхо гневного окрика:

— Я стрелял в неё. В Магду вис Мишикана. Два дня назад в Круге Весеннего Спокойствия. В неё и белозадого шкурохранителя, сисадда? Всё ещё продолжаешь думать, что мы с Магдой заодно и хотим заманить тебя в яму с кольями?

Нискирич дёрнул башкой, на этот раз не размеренно и как будто размышляя, а резко, как если бы муху сгонял. Тяжело вздохнул, дёрнул себя за ус, неразборчиво прорычал сквозь зубы, а затем бросил короткий взгляд на Ункац-Арана.

Тот понял без лишних слов, тут же защёлкав по «болтушке». Прошептал в пустоту запрос, затем ещё один. Связался со вторым собеседником, молча выслушал. Выждал, пока его переключат на

очередного. И чем больше он слышал в заушнике, тем ниже опускались уши. Затем гадатель искоса зыркнул на меня, и только тогда неохотно кивнул казоку-хетто.

— Прямых доказательств нет, — негромко проскрежетал шаман, — но записи с камер подчищены слишком рьяно, а улица шепчет о странном…

Нискирич тяжело откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы на клетчатой чёрно-жёлтой груди.

— Значит, я должен тебе поверить? Что в Бонжур идут ракшак, да не просто так? Что казоку-йодда «Уроборос-гуми» и отборные кубба «Лотоса» идут с ними? Причём идут убивать, и их цель вовсе не «Диктат» Хадекина фер вис Кри?

— Да, — просто ответил я. — И когда они покинут район, в нём не останется ни одной независимой казоку.

Нискирич замолчал почти на минуту.

Галло и Ниба переминались с лапы на лапу за моей спиной, но не издавали ни звука. Шаман задумчиво прокручивал на гаппи станцию за станцией, изредка бросая на меня едкие, полные презрения взгляды. А я? А я старался дышать ровно и настраивался на «низкий писк». Возможно, самый важный в своей не такой уж и важной жизни…

— Хао… — негромко признал старший фер Скичира, снова кладя лапы на стол. — И именно в этом кроется причина того, что Ланс и его новые друзья переступили ручей, верно?

— Верно.

— Я выслушаю вас, как и было утверждено ранее.

Я чуть не охнул от облегчения, на мгновение даже потеряв концентрацию. Но вместо этого убил улыбку, медленно и глубоко кивнул вожаку, а затем негромко, чуть напевно рассказал историю, заготовленную ещё в Пузырях…

— Я видел это лично. В пустыне вокруг гнезда, когда жил в племени Стиб-Уиирта. Пара щебёнчатых сомов в тот день забралась в колючую рощу бесоловки, чтобы предаться любовным утехам. На их неудачу в этот самый момент мимо нашей стоянки кочевало огромное стадо лысых туров, и тропа их пролегала ровно через кусты. Чем ближе подбирались рогатые, тем больше нервничали зубастые. Через пару минут стало ясно, что романтическому свиданию конец, и сомы начали отступать в колючки. Неохотно, рыча и размахивая хвостами, но они предпочли убраться. Но туры, в туполобости своей почуявшие всевластие, решили зачем-то закрепить ненужную победу. И несколько самых крепких быков откровенно попёрли на хищников.

Нискирич слушал, не меняя позы, будто бронзовая статуэтка

самого старшего из Безмятежных Детёнышей. Ункац-Аран перебирал седые косички, в которые были заплетены наращённые волосы на правой половине головы.

Галло Ш'Икитари задумчиво наблюдал, поглаживая перстни, а Ниба вдруг вынул из кармана термокружку (когда он успел прихватить её из фаэтона?!), выдвинул трубочку и сделал не совсем уместный глоток.

— Когда до туров оставалось всего ничего, самец-сом развернулся, — продолжал я, стараясь не отвлекаться на реакции чу-ха в кабинете. — Зверюга зарычала так, что в лагере чу-ха-хойя заплакали молокососы! И вдруг рванула в атаку. Один на триста рогатых голов, сисадда? Он бросился в бой не для того, чтобы убить ради пропитания. Он сделал это, защищая свою самку и отстаивая права и статус Князя Пустыни. А на что оказались способны туры? Даже самые рьяные и задиристые из них?! Думаешь, они дали хищнику отпор? Довели дело до конца и затоптали бедолагу? Нет, господин фер Скичира. Они бежали прочь. Причём всё быстрее и быстрее. И ещё быстрее, когда отважный сом добрался-таки до ближайших и пару раз основательно приложил когтистой лапой по окорокам.

Я перевёл дух и мечтательно вспомнил о фляге, но приказал себе не отвлекаться и закончить на прежней ноте.

— А затем самец горделиво вернулся к подруге. А совершенно о*евшие туры — едва ли понимавшие, что произошло и как такое вообще возможно, — сбились в гигантскую кучу и… выбрали себе другую тропу для перегона…

Я замолчал и в очередной раз сдержался, чтобы промочить горло. Нискирич фер Скичира оставался неподвижен, изучая меня через истончившийся дым «бодрячка».

— Красивая история, — наконец произнёс он, поочерёдно взглянув на Галло и его напарника, словно «Жёлтые котелки» имели к моему рассказу хоть какое-то отношение. — Но нельзя ли чуть конкретнее?

— Этим отважным песчаным сомом можешь стать ты, господин фер Скичира, — мягко ответил я. Тут же заметил, как замер и насторожился шаман. — Но для этого тебе стоит перестать насовывать под хвост «Прыгунам», и объединиться с ними. И с другими казоку Бонжура — тоже. Выстроить оборону района. И под негласным покровительством «Диктата Колберга» дать чужакам пи…

Финальное, мощное и полное победоносного смысла бранное слово было некстати перебито громким *вжххххупч* — это Ниба Чим-Хан за моим плечом шумно всосал через трубку очередной глоток неизменного напитка. Впрочем, черношкурый казоку-хетто

«Детей заполночи» и без того уловил все смыслы сказанного приёмным сыном.

Теперь на меня не пялился ни один из его раскосых глаз, и я догадался, что вожак стаи действительно взвешивает услышанное.

Я покрутил на пальце кольцо названной сестрёнки. Добавил негромко, постаравшись не сбиться с того же гипнотического тона:

— Предположу, что знаю, о чём ты думаешь. Что это будет проявлением слабости. Дескать, в таком случае «Прыгуны» заявят: *«вернёшь нам отжатые предприятия…»*. Ты оскалишься, ты щёлкнешь хвостом по столу. Они сделают вид, что пошли на уступки, мол «*хао, возвращай не всё, но нам тут жить, так что под нашу лапу возвращается хотя бы часть крематориев»*… Ты посомневаешься, ведь это лакомый кусок. Ты ещё сильнее уронишь их ставки. Но всё равно сделаешь шаг навстречу. Потому что, отец, выживание района никогда не было для тебя пустым звуком…

Нискирич оглушительно хрустнул костяшками пальцев и взялся за едва тлеющую скрутку. Несколько раз затянулся, возвращая пламя к жизни, и коронным взглядом уставился одновременно на меня, Галло Ш'Икитари, входную дверь, люстру и необъятную пустоту нашего общего будущего.

— До чего же ловко, мой мальчик, ты всё за своего старика решил.

— Не стану спорить.

Я упорно гнал от себя впечатление, что снова стою в унизительной Витрине Милашек, а угрюмый косоглазый пасюк изучает странного мутанта и взвешивает шансы на успешное окончание торгов. Добавил:

— Но ты уже знаешь, что я прав. Потому что потерять прибыль и получить самые туманные перспективы по новым направлениям всё одно капельку выгоднее ведения дел казоку из топки этого самого крематория…

Мне показалось, что Галло за моей спиной сдержал удивлённый возглас, а в глазах Ункац-Арана добавилось столько злости, что обладай она температурой, на мне бы заполыхало пальто.

— Всегда поражался, сынок, до чего гладко ты умеешь петь! — Нискирич Скичира покивал, а затем — немного неожиданно для «сынка», — одобрительно качнул в мою сторону скрещёнными пальцами. — Неужто решил применить чародейство к своему старику? Хех, да не бледней, мой мальчик, папка шутит… Значит, предлагаешь своему старику открыто

сцепиться с законниками?

Но и к этому удару я тоже был готов:

— Как ты сам учил меня много лет назад?! Законы для трусов, кодексы и правила — для самцов!

От меня не укрылось, как крепко (пусть и на короткое мгновение) сжалась широкая челюсть вожака. Затем тот кивнул, будто приглашая добавить, если есть что. И да, у меня было. Готов спорить на деньги, что в этот момент мой нирмаата из прошлой жизни наверняка бы гордился.

— В твоих когтях многое… — Байши, стоило немалого труда не скатиться в настоящий «низкий писк». — Не всё, чего бы ты хотел, но очень многое. Я никогда не лез в дела казоку, но предположу, что у тебя под лапой не меньше тридцати крематориев, обширная сеть грузоперевозок, прачечные, несколько игорных домов, питейные, ломбарды, гадательные салоны и тайчо-бары. Про совсем уж теневую сторону дел умолчим, сисадда? Ты готов стать видным хвостом района, причём на́бело. Попасть на Малую Фреску Светящихся Глаз. Затем на Большую. Кто знает, но, быть может, путь ведёт тебя даже ко двору Смиренных Прислужников…

Тут бровь Нискирича снова дёрнулась, и я благоразумно умолк. Пасюк покосился на пару молчавших, почти неподвижных, в рамках приличия переминавшихся с лапы на лапу «Жёлтых котелков». Спросил как бы меня, но как бы и всех разом:

— Ты пришёл в мою нору перечислять факты, которых нахватался за время жизни в моей норе? — уточнил он с нотками недовольства, и вдруг погладил пальцем судейский перстень. — Ещё и в присутствии посторонних, при всём уважении к которым…

— Нет.

За твёрдость, с которой это было сказано, мне стоило поставить статую на площади Зимнего Рассвета.

— Я лишь обозначаю, чего ты способен лишиться…

В хорошо знакомом мне кабинете наступила столь непривычная для него тишина. Долгая, непростительно долгая в моих обстоятельствах, но было трудно определить, сколько она тянулась — невероятно давящая атмосфера наглухо пришибла во мне ощущение времени.

Наконец вожак фер Скичира снова опустил лапы на стол. Легко постучал когтями по гладкой матовой поверхности.

— Хао. Давай на секунду… на одну малюсенькую секунду, сисадда?.. но мы всерьёз предположим, что ты говоришь правду. — Он говорил негромко и без нажима, но мне стало не по себе — именно таким тоном казоку-хетто распекал нерадивых

помощников, после чего те начинали подносить ему отрезанные кончики хвостов. — Допустим также, что в доводах твоих нет фальши или скрытого умысла. Но кто же, мальчик мой, тогда возглавит эту горючую смесь казоку?

Ну да, конечно. Разумеется. Как же иначе? Разве можно было обойти вопрос *власти*, даже на пороге гибели собственного клана?! Пф-ф, несомненно, нет!

Было довольно трудно не закатить глаза, но вместо этого я понимающе кивнул.

— Уважаемый господин Скичира, — с подчёркнутой вежливостью произнёс я и немного поклонился, — иногда нет нужды маскировать побег острого ума сорняками наводящих вопросов. Мы оба знаем, что если сейчас думать только об этом, скоро просто не останется, чем управлять…

Пасюк оскалился. Довольно оскалился, однако же башкой помотал.

— Ты повторяешься, мой мальчик. Думаешь, я и вправду готов подстелиться под близнецов?

— Даже помыслить такое стало бы оскорблением, а я пришёл не за этим.

И вот — настало время третьей заготовки. И если та не сработает, план накроется огромной, тяжёлой, совершенно неподъёмной для меня крышкой. Или, как говорят на улицах, на план сядет голая онсэн…

— И поэтому, — я вздохнул, уже представляя, как голая онсэн оправляет хвост, чтобы не мешал всецело накрыть мои гениальные идеи, — позволь предложить компромиссный вариант. Устраивающий всех, и не бросающий тени ни на один из статусов.

Ункац-Аран пискнул, оскалил резцы в беззвучном шипении и подобрался, будто хотел перехватить посох и броситься в драку со мной, но Нискирич приглашающее развёл лапы в стороны. Удивляй, сынок!

— Новое объединение казоку Бонжура, — вытолкнул я через пересохшие губы, — возглавят «Жёлтые котелки».

Если приглашённые мной Галло и Ниба и носили высококачественную броню невозмутимости, сейчас она определённо треснула, а Термокружка чуть не выронил металлический цилиндр с неведомым питьём.

Пожалуй, их можно было понять.

Я бы, наверное, на их месте и вовсе посчитал, что опальный (как выяснилось в процессе) терюнаши взял Укусов на переговоры исключительно для подсветки собственной важности. Или вовсе сдать Нискиричу фер Скичире высокоуровневыми заложниками.

Но чтобы вот так?!

Однако первым всё-таки не выдержал именно шаман.

— Да что ты себе позволяешь, сопляк?! — взвизгнул он, прижал уши и с удивительной для возраста прытью вскочил с пуфа. Губа его дрожала, обнажая блестящие от слюны зубы. — Ты хоть помнишь, с кем вообще говоришь, и под чьей крышей?..

— Сядь, добрый пунчи! — Нискирич бросил это небрежно и в сторону, не очень-то и громко. Но получилось донельзя внушительно, и гадатель казоку подавленно опустился на прежнее место. — И немножечко помолчи.

На Ункац-Арана стало жалко смотреть; он спрятал глаза и последовал приказу, завернувшись в балахон и став похожим на мусорный мешок.

Мы втроём тоже молчали, наблюдая за размышлениями казоку-хетто. Перстни чуть выдвинулся из-за плеча и скосил на меня налитый кровью глаз. Его так и подмывало уточнить, в какую же дикую свистопляску я их с приятелем втянул, но он терпеливо ждал и только едва слышно побрякивал кольцами.

— Разорви меня Бансури… — наконец пробормотал Нискирич и задумчиво покатал меж пальцами дымную многослойную скрутку. — Ты оказался куда хитрее, чем я полагал, мой мальчик. Но прошу, сочти это комплиментом, ведь предложение действительно любопытно. Но что скажут на это сами уважаемые «Жёлтые котелки»?

Чим-Хан только угрюмо засопел. Но, как я и предполагал, первым голос подал Ш'Икитари.

— Слушайте, многоуважаемый господин фер Скичира, — осторожно произнёс он. Наконец позволил себе потерять неподвижность и огладил лацканы кожаного френча, словно за прошедшие десять минут они жутко измялись. — Ваш… сын довольно верно подметил про суродои-котоба, однако я вынужден добавить, что мы находимся в Наросте… не совсем официально.

— В этом и суть Острого Слова, не так ли? — Нискирич прищурился, но я был готов поклясться, что смотрит он при этом на меня.

Перстни неторопливо качнулся на пятках. Бросил быстрый взгляд на напарника, и тот ответил тем же. Тогда Галло кивнул:

— Как Укус казоку «Жёлтые котелки» и суродои-котоба моего досточтимого верховного казоку-хетто уважаемого господина Хадекина фер вис Кри — пусть живёт он долго и царствует, — я считаю, что предложенное Лансом фер Скичирой условие не запятнает ничьей чести и послужит для процветания всех западных районов Юдайна-Сити.

У меня чуть не остановилось сердце. А ещё только сейчас

обнаружилось, как же сильно я употел под любимым пальто.

Байши… неужели?

Нискирич отложил курительный «бодрячок», медленно поднялся из кресла (вставал он с непривычной болезненной тягостью) и неспешно обошёл огромный стол. На поникшего шамана при этом даже не взглянул.

— Твои слова ласкают мой слух, уважаемый Галло Ш'Икитари! — Остановившись в паре шагов от нашей троицы, вожак «Детей заполночи» неглубоко поклонился. — Если сказанное моим сыном хоть отчасти правда, временный союз под покровительством досточтимых «Жёлтых котелков» принесёт нам если не победу, то нужную передышку.

— Это решение достойно истинного казоку-хетто, — вдруг поклонился Ниба Чим-Хан.

— Слушайте, мы с честью примем предложение и немедленно донесём его до братьев! — уважительно добавил Перстни.

У меня чуть не подкосились ноги.

Фляга оказалась в руке сама собой, и я торопливо открыл, уже не задумываясь об этикете переговоров. Будь я проклят, если только что сказанное не заслуживало победного глотка паймы!

Нискирич фер Скичира наклонился, подобрал хвост, прижал кончик большим пальцем в правой ладони и протянул Галло Ш'Икитари. Тот прихватил собственный, и они пожали лапы, на короткий миг также переплетя хвосты.

Термокружка и Ункац-Аран произнесли что-то вроде *«свидетельствуем»*, но из-за триумфального грохота в ушах я вообще не разобрал.

— Необходимо как можно скорее известить мелкие казоку Бонжура и Ишель-фава, — сказал черношкурый вожак, теперь на меня не глядя.

— Эту заботу мы берём на себя, — тут же откликнулся Ниба.

— А ещё мы должны как можно скорее провести большой стайный сход, — добавил Нискирич. — Знаю, что это против кодексов улицы, но обстоятельства вынуждают прибегнуть к переговорам в Мице…

И вот тут я не сдержался:

— Не советую!

Все четверо чу-ха в комнате уставились на меня так, будто я только что выложил яйца на стол. Пришлось прокашляться, спрятать флягу в карман, и торопливо пояснить:

— Ты прав, это против кодексов. И совершенно точно поставит сход под удар. Вся система валится. Целыми блоками. Она нестабильна и контролируется… враждебными нам силами, сисадда?

— И никто не знает, почему? — с улыбкой уточнил отчим.

— И никто не знает, почему, — с чуть менее уверенной улыбкой подтвердил я.

Интересно, мне когда-нибудь вообще доведётся научиться нормально врать?

— Слушайте, мы организуем стайный сход, — осторожно вклинился Галло, хоть и тоже взглянул на меня не без подозрительности. — По-старинке, как того требуют обычаи. Как можно скорее, но по всем правилам. Господин фер Скичира, в течение получаса я назову место, вас это устроит?

— Вполне.

— В таком случае, — Перстни поклонился шаману, чуть глубже — пасюку в плотной синей куртке, — нам нужно срочно отправляться в казоку-шин «Вёртких прыгунов». Если переговоры пройдут успешно, сход состоится через два-три часа.

— Что скажешь, малец? — Нискирич чуть подступил и прищурился мне в лицо. — Бонжур выстоит?

Я не ответил. Да и нужно ли было? Но когда мы с «Котелками» уже двинулись к дверям, Нискирич всё же неопределённо махнул лапой и добавил:

— Тебе нельзя к «Прыгунам», сынок, сисадда? Так что останься, кое-что обсудим. Это быстро, а в нужную точку Бонжура тебя потом подбросят.

Я машинально оглянулся на реакцию «шляпников», но те уже потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, загадочно-угрюмый Термокружка всё же ещё разок удивил: обернулся, с нарочитой шумностью глотнул из металлического стакана, а затем тряхнул нелепой бородкой, подмигнул и одними губами прошептал: *«отлично сработано, терюнаши»*.

Да, отлично. Но это ещё предстоит выяснить…

А затем «Жёлтые котелки» удалились, напоследок аккуратно постучав костяшками пальцев по массивной дверной петле в знак глубочайшего уважения перед хозяином норы.

Терюнаши таки не обманул, всучив им в лапы власть, какой парочка Укусов не владела никогда ранее, и из расслабленных (хоть и агрессивных) спутников бледношкурого они снова превратились в хищников улиц, в почуявших прибыль дельцов, которым предстояло много срочной и непростой работы.

Глядя им в спины, я кратко и неумело помолил Когане Но, чтобы переговоры с Риробури и Раромари прошли столь же гладко…

Когда за чужаками закрылись двери, Нискирич обернулся к Ункац-Арану. Ничего не сказал, даже лапой не дёрнул, но тот недовольно фыркнул, пристукнул посохом и торопливо исчез за

скрытой створкой в углу.

А я вздохнул, готовясь к худшему.

п.5.; г.3; ч.3

Здоровенный черношкурый чу-ха в джинсовой куртке поверх богатого чёрно-жёлтого жилета покачал головой; подступил ближе, почти в упор, как частенько делал, когда хотел обнять в порыве чувств.

Однако вот что-то подсказывало мне, что сейчас-то он меня лапать не собирается. Разве только чтобы придушить…

— Не боишься оставаться со мной наедине? — поинтересовался я, запоздало спохватившись дерзости вопроса и пообещав быть осторожнее, ведь поспешные атаки выдают нервозность и слабость.

— Ничуть. — Вожак «Детей заполночи» улыбнулся медленно и широко. Прищурился, изучая мои черты лица так, будто видел эдакую диковинку впервые в жизни. Добавил, причём почти ласково: — Потому что, Ланс, ты не только храбрый, но ещё и не тупой. Хотя иногда притворяешься…

Он протянул к моей голове здоровенную лапу, и я чудом не вздрогнул. Прихватил за шею, по-отцовски, но с едва заметной угрозой, чуть притянул и одним зелёным глазом уставился прямо в мои. Мозоли царапали кожу, грубые волоски казались проволокой. А ещё я в очередной раз осознал, насколько Нискирич здоровенный, и что сейчас наши морды находятся практически на одном уровне.

— Скажу честно, мой мальчик, — негромко поделился чу-ха, — что мне очень горько.

— Мне тоже. Поверь.

— Если бы кресло казоку-хетто «Детей заполночи» занимал отец моего отца, он бы тебя казнил, сисадда?

Я постарался очень осторожно подбирать следующие слова.

— То, что ты не совершаешь опрометчивых поступков, ещё не говорит о том, что ты стал вожаком хуже, чем предки.

— Никак не ожидал, что ты выберешь *её* сторону, а не нашу.

Однако мой следующий ответ был определённо экспрессивным:

— Вы, парни, просто помешаны на выборе сторон…

Самец поднял бровь, но уточнять не стал. Отпустил мой загривок, но не отступил и продолжил дышать в лицо.

— Во что ты меня втягиваешь, мой мальчик?

— Не ищи скрытого смысла там, где его нет.

— Всегда есть скрытый смысл. Я сам учил тебя этому.

— Я говорю тебе правду.

— Когда часть правды прячут в тень, она перестаёт быть

правдой.

— Когда ты видишь фрагмент огранённого алмаза, у тебя нет оснований полагать, что в тени осталась часть, сделанная из стекла.

Он поиграл желваками. Снова протянул лапу, но чуть иначе, и мне не потребовалось дополнительных пояснений — раскрутив, я передал ему флягу и не без зависти наблюдал за долгим глотком паймы. Когда та вернулась, отсалютовал отчиму и сам охотно смочил губы, но не усердствуя, больше в символическом жесте.

Нискирич фер Скичира пригладил усы, дёрнул ухом и склонил голову.

— Как вышло, что ты стал вестником смутных времён, Ланс?

Ох, хвостатый, если бы ты знал правду, убил бы меня на месте…

— Если казоку Бонжура удастся дать отпор, всё будет иначе. И твоя сила приумножится.

— Действительно думаешь, что задумка с «Жёлтыми котелками» и «попрыгушками» сработает?

— Я тебе никогда не врал.

— Пожалуй… — Плечи под джинсовой курткой дёрнулись в подобии пожатия. — Значит, про «Уроборос-гуми» и «Голубой Лотос» тоже правда? Не поделишься источником?

— Может, — просто сказал я. — Но позже. И не обещаю.

Он прищурился, теперь не изучая, а будто запоминая, как смотрят при прощании, в последний раз. Только сейчас я вдруг задумался, что казоку-хетто может запросто приказать удержать меня в Наросте, причём без гаппи, и тогда даже всемогущий Диктатион умается узнавать, что случилось с глупым терюнаши…

— Прошу, Ланс, — многозначительно произнёс чу-ха с чёрной шерстью, — не разочаруй меня. Ведь ты лучше других знаешь, что разочарование…

— …сулит беспощадность, — негромко закончил я за него. — Не разочарую. А если это и случиться, сможешь поссать на горсть моего праха. Кстати, деньги поступили? Тинка-хай за мою подругу?

— Поступили, — вкрадчиво, словно боялся спугнуть удачу, подтвердил Нискирич. — Тремя переводами, а часть доставили наличкой, и мои лучшие нюхачи не могут выяснить, откуда.

— Пусть это пока тоже останется моей профессиональной тайной.

Он довольно оскалился, дыхнув «бодрячком».

— Там, где ты взял эти деньги, есть ещё?

— Ты ведь понимаешь, что да. — Я заставил себя улыбнуться

в ответ. Широченная зубастая пасть в считанных сантиметрах от моего лица особой уверенности не придавала, но я старался держаться. — Однако достать их с такой лёгкостью уже не выйдет.

Оп-па, у меня получилось ладно соврать?!

— Ла-адно… — кивнул Нискирич.

— Теперь я свободен?

— Вопрос философский… — он игриво покачал головой. — Скажу так, мой мальчик: если ты думаешь, что мы на этом закончили, ты ошибаешься. Ты «Дитя заполночи», Ланс, и им остаёшься, пока не будет заявлено обратное.

— Заставишь меня отрезать кончик хвоста?

— О, мой верный терюнаши, боюсь, хвостом тут не обойтись. Но давай-ка оставим этот разговор до лучших времён.

О, достопочтимый казоку-хетто, давай! Если, конечно, таковые для тебя настанут. Но этого вслух точно было лучше не говорить…

— А чем займёшься ты, мой мальчик?

— Личные дела, — мне удалось сказать это без заминки и вполне уверенно. — Решу быстро, вернусь помогать.

— Как я и предполагал ранее, твоё личное внезапно стало очень даже семейным.

— Я не забыл тех, кто рассёк верёвки на моих лапах и дал поесть.

— Надеюсь на это…

На мгновение под верхней губой Нискирича блеснули здоровенные резцы.

— Хао, сынок. Ступай легко, ещё потолкуем.

— Непременно, отец. Амме привет.

— Я могу тебе ещё чем-то помочь?

Неожиданное предложение заставило задумался, и оставалось надеяться, что тягостные мыслительные процессы не сильно отражаются на лице «верного терюнаши».

С одной стороны, обстоятельства требовали моего срочного возвращения в Колберг. С другой — так близко к центру гнезда и «Абиман Арене» в ближайшее время я точно не окажусь… С третьей точки зрения, мой смелый план неожиданно пустил ростки, и, вполне возможно, Лансу фер Скичире действительно удалось убить двух пум одной фанга. Заваруха от Ниточки до Ишель-фава будет только крепнуть, и в свете последних событий масштабное представление могут просто отменить…

— Мне нужно кое с кем переговорить, — задумчиво ответил я.

На морде Нискирича отразилась обида, будто я невольно

оскорбил хозяина крепости.

— Не забывай, мой мальчик, что это и твоя нора тоже!

Ага, известный факт. Как и велеречивое двуличие хвостатых. Старший фер Скичира тем временем отошёл вглубь кабинета, неспешно вернулся за стол и развернул над ним свето-струнные дисплеи с прокламаторскими станциями. Мохнатые брови вожака сдвинулись, зубы стиснулись.

Я тоже отступил в угол, поднял гаппи и выбрал ячейку.

Мицелиум всё ещё сотрясали страшнейшие помехи, поэтому задуманный вызов на разговор прошёл не сразу… Байши, «мицуха» и вправду выглядела так, что совсем скоро пересыплется в мусорный бак горстью пережжённого праха. Главный вопрос после этого: что тогда ждёт весь Юдайна-Сити?

Мне всё же ответили, пусть и не сразу и без слепка.

— Куо-куо, — спокойно сказал я, — это Ланс Скичира.

— Есть новости? — вместо приветствия спросил чу-ха на том конце соединения. Он определённо был всё ещё взвинчен и напуган. — Чего узнать удалось? Ты всё вынюхал?

— Нет, — ответил я, стараясь не повышать голоса и не привлекать внимания Нискирича, — но новости есть. Предполагаю, что концерт отменят.

Самец в моём заушнике визгливо фыркнул:

— Эт потому что Бонжур гореть начинает?!

Хм… А он оказался не настолько пустоголовым, как мне показалось во время нашей единственной встречи…

— В целом, это верное утверждение, и если…

Закончить мне не позволили. Собеседник перебил, причём на этот раз в голосе слышалась не тревога, а насмешка.

— Терюнаши, ты совсем отбитый?! Помнишь «Уики-Мики», пела такая группа? Тьёнк-тьёнк, тебя же ещё тогда не было… Вобщ, были уже такие, похожие. Собрали полнюсный стадик даже во время заглавного махача Добродетельного Умиротворения, сисадда?

— Ты говоришь про восстание в Такакхане?

— А, ну и так можно сказануть, можно. А можно обназвать массовым налётом стаи обнаглевшего Серого Пау за денежками жирножопых из Пиркивелля. Хех, пунчи, ты вроде сам стал почти чу-ха, а ещё не внюхиваешь? Всем ваще сто куч покласть. Концерт заделают, даже если бы «Абиман-Арену» влепили посреди Бонжура, а не в Чучсин…

Мне стало не по себе. И от осознания промашки своего предположения, и от правоты чу-ха в моём гаппи. Потому что если мыслить, как хвостатый…

Да, теоретически, в свете последних событий грядущее

выступление могут и отменить. Но могут и нет? Ведь пока бедняки Бонжура и тетроны рвут друг другу глотки, вистар и их детишки продолжат наслаждаться, так почему одно должно мешать другому?

Как ни крути, но я предпринял последнюю попытку:

— Добродетельное Умиротворение не идёт ни в какое сравнение с тем, что начинается в Бонжуре сейчас, и поэтому я…

— Никаких, байши, «поэтому»! — рявкнул пилот, и я представил его встопорщенные в ярости усы. — Мои три дочурки уже там! Ещё завчера они пробракрались в Чучсин с подружайциями, сисадда? У них там клубы по интирексам или что-т вроде, так что они уже рядом и оттягиваются, сисадда? Я девок знаю своих, в подворотнях-подвалах ночевать станут, но такое не пропустят… Поэтому ты всё сделаешь, терюнаши! До вечера сделаешь! Ты должен мне, сисадда?! А у меня очень плохое предчувствование, сисадда? Ещё и гадалка наговорила, что это ваще неспроста…

Я прикрыл глаза. Ох, пунчи, да такое могли бы заявить абсолютно все знакомые со мной чу-ха, если бы хоть отчасти узнали, что мы с Ч'айей затеяли…

Вздохнув, я повысил голос и оборвал сбивчивую речь в заушнике:

— Хао, пунчи, я понял. Всё сделаю, не мочи подштанников…

И выключил гаппи чуть подрагивающим пальцем.

Всё сделаю. Байши, не шибко ли много я в очередной раз взваливаю на собственную шею?

Виртуа-Лансы снова подкинули чёткую, сухую, но весьма дельную мысль — зачем идти на неоправданный риск, если я ни на каплю не верю суматошному дистант-пилоту?

Однако на периферии отрицания всё же проклюнулся возмущённый безразличием писк: а если это правда? Ну хоть чуть-чуть, ну хоть самую малость?

Я задумчиво покрутил на пальце колечко, и в груди похолодело от неожиданного осознания — Амма тоже собиралась идти… И если имелся хоть мизерный шанс, что паникёр говорил правду… Байши, и ведь *подобное* не под силу выяснить даже Диктатиону. *Такое* обсуждают только шёпотом в норе с наглухо затонированными окнами…

Как бы то ни было, решать вопрос придётся. Как минимум потому что это не заказ по исполнению деликатного поручения… а долг. И я просто обязан всё заснять на гаппи, затем пересыпать тревожному мудаку, и как можно скорее сбросить с плеч этот нелепый камень.

Несколько раз глубоко вздохнув и вернув маску

невозмутимости, я неторопливо подошёл к столу Нискирича фер Скичиры. Тот — сосредоточенный, недовольный, погружённый в раздумья, — даже не заметил. Если казоку-хетто и подслушивал мой разговор с пилотом, то виду вообще не подал, а всё его внимание было сосредоточено на сводках с улиц.

— Выходы из Бонжура уже перекрыты? — спросил я, переборов желание привычно опереться о край стола.

Вожак хмыкнул, отвлёкся от чехарды сбоящих прокламаторских станций, поднял взгляд. Вынул потухшую скрутку из нефритовой чашки, осторожно прикурил золочёной зажигалкой. Хмыкнул снова:

— Задумал удрать?

— Нужно прогуляться, — срезал я, но без лишней агрессии, — ненадолго.

— Далеко? — Теперь в голосе названного отца зазвучали деловитые нотки.

— Чучсин.

Он затянулся, выпустил облако бодрящего дыма и откинулся на спинку кресла. На этот раз Нискирич изучал меня чуть дольше обычного, взвешивал и прикидывал. А затем покачал лобастой башкой.

— Боюсь, сынок, у меня для тебя дурные новости, — наконец вздохнул он. Неопределённо помахал скруткой, оставляя в воздухе клубящийся след, а свободной лапой почесал ухо. — Но покинуть Бонжур на восток нынче можно не иначе, как в гробу…

Видимо, маска невозмутимости оказалась не такой уж и прочной, потому что на моём лице определённо промелькнул интерес, а черношкурый казоку-хетто «Детей заполночи» Нискирич фер Скичира изогнул бровь с откровенным недопониманием.

Хм-м, а ведь это действительно интересная идея…

мицелиумный шум

…Я вам врать не буду. Верьте мне и никому другому. Вам в головы хотят влезть и одурачить, оболванить вас, они даже не скрывают этого, и только я вам говорю самую настоящую правду!

Всем друзьям расскажите! Они не знают. Никто не знает, но всё гнездо скоро утонет в огне… а они не знают и собираются за миллионы рупий концерты проводить, пока их собратьев убивают прямо на улицах!

Все боятся правду говорить. Раньше на весь Бонжур только Моноспектральная Чапати не боялась, а теперь её нет, и только я остался… Мне боятся нечего, я побывал в Лавовых Пещерах Бансури, причём не одним глазком заглянул — яри-яри, вы бы знали, о чём я толкую! — а прямо заскочил посидеть и выпить чинги…

Нечего скрываться, меня Шникки зовут, и я теперь совсем ничего не боюсь.

Я вламывал на самых важных крысюков этого гнезда, почти позолотил хвост, меня могли вознести на самые вершины Юдайна-Сити! Но удача отвернулась от меня, моя душа проклята и ищет прощения, меня наказала Благодетельная Когане Но когтями своей чудовищной Нагинаты… но я выжил и теперь буду говорить только правду, и пусть за мной приходят хоть бывшие братья из «Диктата», хоть бывшие братья из «Уроборос-гуми»!

Гнезду конец. Всему конец. Просто поверьте.

Сопротивляться бесполезно, бежать тоже бесполезно.

Я слишком многое знаю. Мне не позволят долго говорить и держать эту ячейку открытой, поэтому сейчас слушайте внимательно и запоминайте, хотя я и не понимаю, чем вам это поможет…

Смиренные Прислужники начинают натуральную вычистку, сисадда? Не сами, конечно, у них для этого есть «Лотос» и его мясники. Но ещё с ними мои бывшие братья. Да, вы должны учуять, что крупные казоку в стороне не останутся… Да и никогда не оставались, а уж какие там сейчас интересы на кону стоят, это я вам потом расскажу. Если успею…

Поймите — это всё чистая правда, не как у других!

Меня как подстрелили, да ещё и на куски изорвали, я думал вообще не выжить… Но я выжил, и меня сама Всемилосердная Когане Но коснулась лапой, и я сейчас хожу с трудом, но думаю без труда и поэтому расскажу вам правду!

А ещё они нанимают «Добродетельных Садовников». Причём на все стороны, там уже даже свободных йодда не осталось!

Вымели даже самых ненадёжных, и торчков вымели, и убогих, и кодекс ихний нарушивших — всех забирают, всем работа найдётся.

А ещё позже с Нижнего Города пена попрёт, самая грязная, сисадда?

Они тоже будут рвать и кусать, в каждую щель протиснутся… Так что берегись, Юдайна-Сити! День твой последний настаёт, и время приходит просить прощения у божеств и родных за предательства, за злодеяния и умыслы дурные, которыми…

…вавшие чудовищные беспорядки в западных районах гнезда, трусливо отказываются брать на себя ответственность.

По личному распоряжению Первого Пера секретариата уважаемых Смиренных Прислужников в районе повышенной напряжённости начинается масштабная операция по приведению к миру и спокойствию враждебных сил, отрицательно влияющих на процветание нашего великого гнезда.

В операции, разработанной под личным руководством уважаемых служителей Второго Кольца, примут участие отборные части ракшак и кубба, оснащённые самыми передовыми единицами оборонительного и наступательного вооружения, способные в предельно сжатые сроки, при максимальной эффективности и с мизерными потерями добиться ожидаемых уважаемыми Смиренными Прислужниками последствий, и ещё до наступления темноты вернуть мир в район Бонжур и прилегающие к нему территории, вплоть до окружающих с запада и юго-запада геджеконду.

Только за первый час с начала операции «Штормовое Спокойствие» силами правопорядка были обезврежены сотни агрессивных, враждебных мирным жителям гнезда особей, изъяты десятки единиц стрелкового оружия, взрывчатые вещества, средства нелегальной связи и огромное количество незаконных наркотических препаратов.

Местные жители, доведённые до отчаяния бесчинствами группировок, гнусно презирающих устои гнезда, встречают освободителей с нескрываемым ликованием и облегчением! Там, где бандиты повержены и бегут, на улицах начинаются праздники, в которых бонжурцы славят избавление от гнёта казоку и поют гимны решительности уважаемых Смиренных Прислужников!

Мы обязательно продолжим держать слушателей нашей станции в курсе событий и будем ежечасно докладывать вам о победоносном продвижении подразделений отборных защитников гнезда в районы, охваченные плесенью деградации

высокоморального общества и скверной предательства.

Ни Второе Кольцо, ни само Первое Перо секретариата уважаемых Смиренных Прислужников никогда не допустят нарушения общегнездовых Принципов Сохранения Мира и Благополучия, и мы выражаем им глубочайшую похвалу в стремлении оградить мирных жителей блистательного Юдайна-Сити от происков враждебных преступных сил, осмелившихся покуситься на наш покой и процветание…

Куо-куо, мои несравненные!

Вы снова слышите голос «Ломкой горечи». Слышите Моноспектральную Чапати, верно, но нет радости в происходящем.

Наверное, вы ждёте, что сейчас я расскажу вам о происходящем на наших улицах? Ждёте, что Чапати поведает, как Управление Тетронов объявило Бонжуру и его бандам настоящую войну, в очередной раз доказав, что у кого власть, тот и на стороне добра? О страхе так называемых сильных и растущем гневе тех, кто считается мусором?

Да, Моноспектральная могла бы рассказать вам об этом.

Могла бы изобличить — и на этот раз вовсе не костоломов Косоглазого! — «полосатых рубашек», чьи массовые жестокие рейды и грубейшее применение силы больше напоминает не стремление сохранить и преумножить правопорядок, но попытку показать когти и безжалостной силой навязать району спокойствие и покорность.

Наши площади снова заляпаны красным… Как было в древности, и как будет всегда. У *них* есть власть, сила и ими же сочинённые кодексы, а это значит, что официально «плохие» — это мы.

Снова кто-то считает себя в праве, а кто-то ощущает беспомощность. Снова интересы одних хвостатых врубаются в плоть интересов других. Взрываются конфликтами, суть которых недоступна простым смертным.

У *них* никогда не было настоящего закона, только иллюзия обладания нами.

Они всегда предоставляли нам самим решать проблемы, карать виновных, определять сильных, и считали, что всё под присмотром.

И вот теперь *они* пришли взять то, что считали своим по праву. Пришли за беспрекословным подчинением. Но ожидаемо ошиблись, и полилась кровь.

Так было. Так будет. Но отныне совсем другие прокламаторы станут вещать вам о происходящем на знакомых улицах родного

района…

Потому что сегодня голос «Ломкой горечи» звучит в потоках Мицелиума вовсе не для этого. Чапати обещала вам подумать и принять решение. Нескольких бесконечных дней мне вполне хватило для осознания своего места в мире, а также для оценки обстоятельств, направивших меня в эту точку собственного существования.

Мои терпеливые и преданные… Чапати вынуждена попрощаться и попросить прощения у всех, кто ждал и надеялся на дальнейшие расследования «Ломкой горечи».

Вероятнее всего, через какое-то время агентство встанет на лапы и продолжит работу, а на моё место придёт другая — та, что сможет по праву назвать себя Моноспектральной Чапати и поведёт вас через бурю невзгод и ужасов, что испокон веков неотрывно следуют за каждым обитателем Тиама.

Я покидаю канал «Ломкая горечь», и искренне прошу прощения у каждого, кто расстроен, обескуражен или озлоблен этой новостью. Чапати… моё воплощение Чапати, приняла решение встать на путь чибито, отсроченной смерти по заветам предков… и пусть множатся дни тех, кто не знает смысла этого архаичного понятия.

В эти дни, проведённые в одиночестве и раздумьях, мне было очень нелегко. А от помешательства удерживало лишь осознание, что вокруг меня, за стенами комплеблоков и совсем рядом — в Бонжуре и даже за его пределами, — меня всё-таки окружают те, кто будет помнить эту версию Чапати и просить Всемилосердную Когане Но о снисхождении к моей душе.

Я склоняюсь перед вами в ожидании прощения и шепчу слова расставания.

Знаю, так было нельзя, но я осмелилась, даже осознавая последующее посмертное наказание за порогом крематория… да, мои сердечные, Моноспектральная Чапати закончила путь киуаам-пуджа. Сделала это сама, и лапа моя не дрогнула ни разу.

Теперь голова моя опалена огнём, и нет на ней ни единого волоска. Щёки мои покрывают глубокие шрамы и едкая мазь, отдаляющая заживление. Веки Чапати срезаны, дабы я смогла увидеть то, что было скрыто в моей жизни завесами самонадеянности и слепой любви. Ритуальный нож-пурпа в моих пальцах рассёк кончик хвоста надвое и сделал надрезы на пятках; колючим поясом перехвачена моя лёгкая накидка.

Таков путь осознания позора, путь ожидания конца без помыслов о прижизненном прощении и даже тени милосердия к самой себе. И единственное, о чём я прошу своих драгоценных — это не жалеть Моноспектральную Чапати. Она, мои

добросердечные, лишь образ, яркий символ и мифическая личность, и спустя какое-то время она обязательно возродится, обновлённая и ещё более сильная!

А ты… Малыш, если ты вдруг слышишь этот голос на потоках станции «Ломкая горечь»… мне остаётся лишь надеяться, что ты поймёшь. И не станешь держать на меня зла, когда мы обязательно увидимся снова в других жизнях…

На этом — всё. Берегите близких и себя.

Мира — добрым, и пусть враги боятся правды, которая однажды непременно разотрёт их в пыль!

Глава 4
ТЫ ПРИЗЫВАЕШЬ СМЕРТЬ

Первый блокпост мы проскочили на удивление легко.

Было непросто, но я улавливал обрывки переговоров, и даже по тона́м определил, что проблем почти не возникло.

А вот на втором заминка всё же случилась…

Это, конечно, заставило понервничать. Даже осторожно протянуть руку к поясу и расстегнуть кобуру «Наковальни».

Вообще не скажу, что не нервничал и до этого момента. Да и комфортным моё странное путешествие назвать было сложно. Да что там? Я видел консервированную рыбу, которой приходилось удобнее, чем мне сейчас.

Темнота, духота, постоянная тряска и непрерывное мычание десятков коров вокруг создавали фон настолько давящий и бьющий по нервам, что меня почти колотило. А может, и колотило бы, не будь новое транспортное средство таким… тесным.

В общем, на втором блокпосту к разговору с ракшак присоединились старшие сааду храма «Благочинного Выжидательного Созерцания». Может, даже сам Пикири подключился. И проходил этот разговор — вынуждая свински потеть и ожидать дурного, — на чуть повышенных тонах. А ещё меня в роли незапланированного пассажира откровенно бесило отсутствие возможности узнать, как далеко мы сумели добраться.

Стараясь дышать как можно тише, я вслушивался в голоса снаружи.

По всему выходило, что переговоры затягивались. До меня доносились жалкие обрывки, но было нетрудно понять — служивым вообще не впилось убирать заградительные конструкции и отгонять выставленную технику только для того чтобы пропустить процессию сааду с дюжиной самодвижущихся повозок, гружёных гробами. Да в придачу внушительное стадо священных животных, выводимых из опасной зоны, чтобы любимиц Когане Но не посекло случайными фанга.

Спина взмокла, руку на башере начало сводить. Разговор снаружи становился всё более громким и напряжённым. Судя по всему, теперь внимание ракшак привлекли раненые, в которых ретивые офицеры заподозрили не пострадавших мирных чу-ха, а покалеченных в боях казоку-йодда, решивших тихонечко покинуть жаркий район.

Несмотря на дозволение первой линии блокады, кто-то из

хвостатых в униформе визгливо приказывал разворачивать колонну и возвращаться в Бонжур.

А затем я услышал голос Пикири, теперь в этом сомнений не оставалось. Причём голос не привычный мягкий, которым тот травил поучительные байки в полумраке питейных за пиалой паймы, а напористый и резкий, каким только истории о боевых победах Когане Но рассказывать.

— Тогда советую немедленно изучить историю нашего славного гнезда, — говорил он под аккомпанемент испуганного мычания. — Давайте, господин ракшак, прямо сейчас, пока Мицелиум не рухнул окончательно! Найдите всё, что сможете о Напряжённых Затянувшихся Переговорах, когда от гнезда на месяц была отрезана целая Ниточка! Про эпидемию хвостолома, сожравшую несколько десятков тысяч мирных чу-ха за считанные дни!

Я мягко, стараясь не шуметь, выпустил воздух через едва приоткрытые губы, и вовремя прищипнул себя за нос, умоляя не расчихаться. Лежащий в ногах рюкзак становился всё тяжелее и неудобнее, так и подмывая сменить позу и выдать себя ненужным шорохом.

С одной стороны, Пикири явно покрывал непутёвого дружка-терюнаши, закопанного в глубину повозки в окружении чуть более мёртвых спутников. С другой — говорил воякам чистую правду, честно выполняя возложенные храмом обязанности.

Потому что — несмотря на всю обрывочность познаний, — даже бледношкурый Ланс фер Скичира когда-то слышал, как тряхнуло небогатые южные районы во время крупнейшей (до этого дня) войны казоку лет пятьдесят назад.

Тогда, правда, «отличились» не ракшак, а казоку-хетто западных округов. Объявили захваченные территории чуть ли не свободной от власти смирпов землёй. А затем обнаглели до того, что не пускали на подконтрольные улицы не только «тупомордых», но и знахарей, чуть не выморив половину «подданных» и не только.

Нискирич как-то рассказывал мне об этом воспоминании детства. Как быстро захлебнулись от нагрузки местные крематории, как печи взялись плавиться от нагрузки, как закрылись многие погребальные салоны, а на улицах стали копиться трупы. Жуткая история была, въедающаяся в память калёным клеймом…

Вскоре, по словам вожака — тогда совсем юного крысеныша, по норам пополз весьма заразный хвостолом, за неделю превративший относительно благопристойные районы в худшие вариации окраин Нижнего Города.

А когда часть обитателей «вольницы» взялась по старинной традиции сжигать трупы родственников на воде притока Ек-Вишаль-Кулхади-Утким-ек-Нишан, эпидемия чуть не врезала в челюсть всему гнезду.

Сейчас, конечно, всё было немного иначе.

Но если (и об этом сааду Пикири как раз пытался предупредить старшего упрямца на блокпосте) казоку Бонжура приподзакроют двери своих крематориев… если ненамеренно впустят в комплеблоки болезнь и повторят ошибку прошлого, надменно отказавшись от поддержки санитарных служб гнезда…

Чуть ли не единственным местом в Бонжуре, где умерших по нелепому древнему обычаю опускали в землю, остался пятак под Наростом (и то лишь потому, что там у Нискирича фер Скичиры была прикопана родня). Остальных законы предписывали отправлять только в огонь. А если в масштабах полноценной войны в двух крупных и густонаселённых районах гнезда, то исключительно через печи промышленных масштабов…

Я часто заморгал и постарался стряхнуть капли пота так, чтобы не катились в глаза. Отпустил нос, кончиком пальца смахнул с бровей солёную влагу. Пикири продолжал вещать. Правдиво, убедительно, мощно.

Масла в огонь ситуации подливала откровенно барахлившая «мицуха», лишавшая стабильного централизованного планирования и кланы, и ракшак. И потому я был готов спорить на огромную сумму, что смирпы не посмеют рисковать. Равно как и зубастые защитники их интересов и кошельков.

Наконец пунчи Пикири умолк; коровы бездумно мычали, перепуганные и глохшие от взрывов. Прошло ещё несколько томительных секунд, но вот ракшак что-то провизжал, взрыкнули двигатели бронированных фаэтонов, и я отнял вспотевшую ладонь от рукояти башера на поясе.

По асфальту снова зацокали тяжёлые копыта рогатых. Младшие сааду затянули прерванные траурные напевы, и процессия двинулась дальше.

Я прикрыл глаза и постарался угомонить расшалившееся сердце, задышал глубоко и редко. В голове, несмотря на шум, скрип, подвывания служителей «Выжидательного Созерцания» и оглушительное мычание любимчиков Когане Но, снова заиграл «джаз».

Поёрзав, я попробовал расслабить напряжённые плечи. Попробовал лечь ровно и удобно, насколько вообще позволял проклятущий короб. Попробовал насладиться ритмично-рваными аккордами в голове.

И в тот же миг осознал, что эта сложная, неоднозначная

музыка явно была из числа тех, что лучше всего воспринимаются именно в гробу. Что ж. Значит, время получать удовольствие, ведь не всем выпадает подобный шанс, не так ли?

Уложив левую руку на груди, я активировал «болтушку». В темноте скрипучего гроба её вспыхнувший экранчик показался таким ярким, что заставил болезненно зажмуриться. Полистав базу контактных ячеек, выбрал Сапфир.

Как она там? Далеко ли, в безопасности ли? Может, стоило связаться с ней раньше? Или хотя бы проверить активность «Ломкой горечи»? Байши, да ведь за минувшие пару дней я даже не выяснил, жива ли здорова синешкурка Пияна! И, что главное, не вернулась ли к опасному прокламаторству?!

В тесноте трупного ящика прозвучал шёпот горячей клятвы узнать о судьбе Сапфир прямо сегодня же, но чуть позже. А пока я бросил в её ячейку вызов на очень важный разговор — если говорить едва слышно, то за стоном повозок и раненых, да бесконечным нытьём угоняемых животных меня не услышит даже самый ушастый ракшак.

Вызов оставался безответным. Минуту. Ещё одну.

И это несмотря на то, что присутствие подруги в Мицелиуме было подтверждено. Убедившись, что общаться со мной Сапфир не намерена (оставалось верить, что лишь сейчас, а не вообще), я переключился на запись голосовых сообщений.

— Привет, детка… байши… привет, Сапфир… да байши! Привет, Пияна. Я понимаю твоё нежелание говорить со мной. Но у меня есть важное сообщение. Предполагаю, что ты можешь вспыхнуть и оборвать, но прошу, выслушай до конца.

Я задумался под нарастающие и стихающие звуки «джаза»; прислушался сквозь скрип десятков гробов и недовольную перекличку рогатых. Конечно, впечатление могло быть ошибочным, но, похоже, процессия покидала Глянец, как я и просил Пикири — над Седьмой улицей, без сворота на Роки-Фор-магистраль.

Я приблизил «болтушку» к губам и зашептал:

— То, что я скажу дальше — не слухи, а проверенная информация. Бонжур собираются раздавить. Смять старые порядки и насадить новые, ничуть не лучше «заполночных», но это всё потом. А сейчас наши улицы попытаются поджечь. И совсем скоро Нискирич кое-что сделает, чтобы остановить этот пожар, сисадда? Поверь, он сделает это не ради процветания «Детей заполночи» и не ради прочих казоку. Это ради района. Скичира и его Когти сойдутся на переговорах с «Вёрткими прыгунами», сисадда? Должен быть заключён временный мир и союз, судьями станут «Жёлтые котелки». В эту спайку призовут

все прочие мелкие кланы Бонжура, а ещё всех, кто хочет дать отпор «Уроборос-гуми» и ракшак.

Я облизал пересохшие, но при этом солёные от пота губы, пожалев, что так и не обзавёлся трубочкой, как у Чим-Хана, чтобы прямо сейчас глотнуть из заветной фляги. Вздохнул. Закончил:

— И если ты… если Моноспектральная Чапати ещё верховодит своей станцией… или прямо сейчас взвешивает за и против, то я прошу её сделать так, чтобы об этих новостях узнал весь Бонжур. Чтобы те, кто не собирается воевать, прятались или уходили на запад района, к геджеконду и за каналы, сисадда? Сделай это, прошу. Если не для меня, так для Бонжура.

Подумал, и всё-таки добавил:

— Мы не можем остановить то, что началось. Но можем максимально обратить в свою пользу…

Интересно, Сапфир распознает неуверенность в голосе бывшего друга?

Байши, теперь мне ещё сильнее захотелось глотнуть паймы…

Отключив гаппи, я снова попытался угадать, где сейчас нахожусь.

Судя по звуковым фрагментам из-за пределов шумового кокона процессии, мы вывернули на окраину Тысячи Дорог. А ещё стало заметно, что вот теперь-то сирены воют без стыда и скромности — слева и справа, с севера и востока, пронзительным плачем опутав будто бы всё гнездо, как рой жутких кусачих насекомых.

В памяти в очередной раз невольно проступили воспоминания того злосчастного утра, когда *всё началось*. И если бы я только не ответил на назойливый вызов заспанной синешкурки, то многие славные чу-ха…

…повозка остановилась.

По пластиковой крышке гроба заскрежетало, это младшие сааду начали разбирать маскирующую пирамиду. Сквозь щели пробился солнечный свет, а затем крышку сняли, и он ворвался внутрь в полную силу, заставив зажмуриться.

Прикрываясь рукой, я сел в гробу и покрутил затёкшим торсом.

Пикири стоял рядом, ехидно щурясь из-под крохотных круглых очков.

Оглядевшись, я убедился, что колонна служителей Когане Но действительно достигла границы Гариб-базара. Бурлящего, шумного и по-прежнему неуёмного, будто бы огромный рынок и не знал, что началось в считанных километрах на запад. А там, кстати, в небо целило всё больше дымных столбов, и скорость развития событий заставила испытать довольно гадкий укол

страха.

— Ну что, сынок, ты доволен?

Было сложно понять, действительно сааду Пикири интересно, или это хорошо прикрытый сарказм.

— На все сто. — Я помял бёдра, покрутил хрустящей шеей. — Единственные крысы гнезда, по-настоящему стоя́щие на своих убеждениях, это вы с Ганконой! — Всё ещё не спеша выбираться из уютненького гроба, вынул флягу, с удовольствием отпил и протянул сааду. — Благодарю, старый друг! Понятия не имею, что бы без тебя делал…

Тот улыбнулся. Пробормотал короткую молитву, осенил гробы вокруг меня ритуальными знаками, и с печальным вздохом вылил в приоткрытую пасть щедрый глоток паймы.

— Это колесо жизни, пунчи Ланс. — Он задорно хрюкнул и дёрнул себя за усы. — Ты призываешь смерть на улицы родного района, эта смерть не выпускает тебя с этих улиц, и тогда ты призываешь служителей смерти, чтобы они помогли тебе выбраться.

Выпитая пайма чуть не попросилась наружу.

— Яри-яри! С чего ты вообще взял, что я призываю смерть?!

Он снова улыбнулся. Глаза едва заметно блестели, то ли от выпивки, то ли от совершённого похода.

— Разумеется, это лишь метафора, терюнаши.

Ага, точно. Таким манёвром всегда проще простого отскочить от истинного смысла слов. Но я не позволил настроению рухнуть в яму, вместо этого уточнив:

— Тебе точно не нужна помощь? Одно только слово, и Нискирич тут же окажет вашему храму…

— Зачем заставляешь повторяться?

Пикири сделал ещё один небольшой глоток, довольно пискнул, покачал головой и вернул мне флягу.

— Пунчи Ланс, — сказал он негромко, утирая усы и оглядываясь на терпеливо ожидавших прислужников, — я не понимаю, что происходит. Не знаю, что ты задумал. Но от всего сердца желаю тебе удачи. Береги себя, терюнаши. Пусть Благодетельная Когане Но раскроет над тобой свою невесомую шаль, защищающую от невзгод! И помни, я по-прежнему не считаю тебя про́клятым…

Он одёрнул грубую коричневую накидку, под которой виднелась сине-зелёная туника священнослужителя, сегодня дополненная алой траурной перевязью. Улыбнулся, поклонился и встряхнул в мою сторону скрещёнными пальцами.

— И ты береги себя, Пикири! — Я наконец выбрался из короба, спрыгнул с повозки, покрутил бёдрами и накинул

рюкзак. — Знаю, что отговаривать бесполезно, и ты снова вернёшься в Бонжур вывозить трупы и раненых, и потому прошу второй раз — береги себя.

— Когане Но хранит своих детёнышей, пунчи.

— Но ты всё равно не забывай поклониться свистящим фанга.

— Ступай легко, терюнаши.

— И ты, Пикири. И когда в Бонжур проберётся небезызвестный нам обоим Подмастерье Стаи — а в этот тяжёлый час он непременно захочет быть рядом с тобой, — передавай мои наилучшие пожелания!

— Обязательно. Разыщи нас, когда стихнет буря. Уверен, Ланс, мы найдём друг для друга массу увлекательных историй.

А вот на это я отвечать уже не стал, лишь улыбнувшись и понадеявшись, что вышло искренне. После чего мы расстались — служитель Благодетельной Когане Но, вывозящий мертвецов с улиц Юдайна-Сити, и бледношкурый Джадуга, ставший причиной появления этих мертвецов…

Несмотря на то, что события только начинали приобретать дерьмовый привкус, сааду успели разбить на границе Базара Бедняков полноценный лагерь — раненых отводили в модульные блоки, трупы тщательно осматривали, идентифицировали и паковали в охладительные коконы.

Несколько чу-ха в накидках храма «Благочинного Выжидательного Созерцания» пытались связаться с родственниками погибших, но «мицуха» трещала по швам, и хвостатые теряли терпение даже под грозным оком всевидящей Когане Но.

К лагерю милосердия только начинали стекаться обслуживающие отделы смирпов, но можно было спорить, что уже через час-два тут будет не протолкнуться от тетронов и гробовщиков. Более того, такие точки взбухнут по всей восточной границе Бонжура. Если, конечно, в самом Бонжуре всё же решатся дать совместный бой, но сейчас об этом лучше не думать…

Я набросил капюшон и побрёл прочь, не ускоряя шага, но и не мешкая.

На терюнаши, чудом воскресшего и как ни в чём не бывало зашагавшего к выходу со стоянки священнослужителей, внимания обращали не больше, чем на тощих псов, жадно глотающих запахи на безопасном отдалении от модульных перевязочных.

На самой границе я всё же задержался у кучи разномастного тряпья, сброшенного пострадавшими. Совсем не заляпанной кровью оказалась только самочья сатти, причём изумительно-фиолетового цвета, но капризничать казалось последним делом. Обмотавшись в три слоя очаровательных оттенков, я сгорбился и

углубился в лабиринты Гариб-базара.

Байши, а ведь мой последний визит сюда добром не закончился…

К счастью, плутать пришлось недолго. А когда я остановился и осмотрел объект поисков, то лишь грустно усмехнулся иронии судьбы — передо мной громоздилась тушка «Барру». Ещё более истрёпанная, чем у Сапфир. А ещё покрытая грубыми метками «Бритых хвостов».

Да, и вправду, невероятная ирония. Как там говорят: змея кусает саму себя?

Я вздохнул и убедился в отсутствии лишних взглядов. Выщелкнул нож, подступил к водительской двери. Что скрывать? Мне было не впервой гонять на вонючих корытах.

Замок поддался без проблем. Точнее — он вообще не сопротивлялся. Ещё точнее — он отсутствовал. В общем-то, понятно: либо угонщиком заинтересуются стрелки́ Купеческих Военизированных Артелей, либо сами «Хвосты», и ещё неизвестно, кто милосерднее.

Не без брезгливости упав за панель управления (и окончательно запутавшись в многослойной сатти), я захлопнул дверь и полез в рюкзак. В салоне ожидаемо воняло, а от плотной волны набрызганного на одежду ароматического масла (Пикири вылил в гроб почти флакон) хотелось добавить под кресло ещё и ложечку блевотины. Надев «Сачирато», я торопливо подключил очки к системе управления «Барру».

Не скажу, что считаю себя первоклассным угонщиком, но с примитивной начинкой этого фаэтона справился бы даже мой простенький гаппи, но… двигатель рыкнул и умолк. Затем ещё раз, и ещё. А потом всё же заработал со звуками умирающего от старости щебёнчатого сома.

— Надеюсь, ты не сдохнешь в дороге… — искренне прошептал я, и вырулил из переулка между здоровенными транспортными контейнерами, переделанными под торговые лавки.

Клаксон, конечно, не работал, но перед фаэтоном местных боевиков толпа недовольно расступалась. Да и не очень-то она была густой, эта толпа.

Вероятно, отголоски неприятностей в Бонжуре уже заразили Базар своей тревогой и ожиданием непонятного, отчего многие точки закрывались, а потенциальные покупатели спешили прочь, даже пренебрегая традиционными перебранками.

Ненадолго задержавшись на окраине гигантского рынка, я прикинул дальнейший маршрут. Подниматься на Тысячу Дорог казалось не очень разумным. В принципе, поездка вообще

представлялась не очень-то умным предприятием, но раз уж взялся, то стоит хотя бы минимизировать риски.

Решившись, я свернул на Сквозной Технический Проезд № 1117. Камер тут не было, летательным наблюдателям мешали нависающие над СТП серпантины Тысячи, и уже через пару километров «Барру» покатила на восток.

Подъём Танкен вывел меня на магистраль Ху-Абан, откуда открывался прямой путь в Чучсин, ровнёхонько меж Холмами Инкамо и Каменными садами. Над магистралью с характерным завыванием проносились беспилотники тетронов, напичканные камерами и сканерами.

Впрочем, на поток фаэтонов они внимания обращали мало. А поток был в наличии, деловитый и многочисленный, как в любой прочий день в шумном гнезде. И если бы не отголоски сирен да столбы дыма в западных районах (их становилось всё больше), о начинающейся катастрофе вообще бы ничего не говорило.

Чему, однако же, удивляться? Это же чу-ха. И пока кто-то не приставит башер к затылку их близкого родственника, они даже не подумают бросить ежедневные хлопоты по выживанию и обогащению. А может и тогда взвесят, стоит ли оно?

Ху-Абан разветвилась. Встопорщилась трамплинами-выходами в полётные коридоры, но к такому риску я тоже был не готов. Да что там?! Лучше дойду до «Арены» пешком, но бросить угнанную развалюху в полёт не осмелюсь…

Даже без пристальных взглядов беспилотников начинало казаться, что все меня видят в этой инородной тачке «Хвостов»; видят, брезгливо осуждают, вот-вот разоблачат и, наконец, прихлопнут, как чужеродный и опасный элемент.

Я приказал себе успокоиться.

Это всего лишь очередная работа.

Не совсем она, но близко.

Просто работа.

Может, даже последняя.

Гнездо опутывало, пульсировало, шумело и тяжело дышало пылевыми вихрями. Гнездо намекало, что идея поездки была несвоевременной и глупой. Конечно, в свете недавних освежающих новостей Ч’айя справится и без присутствия верного терюнаши, но… на секунду мне показалось, что я согласился отдать долг назло.

Назло себе, клятому Диктатиону или даже обстоятельствам.

Святая корова Чооты Пар, пусть даже и так, я подумаю об этом завтра!

А пока в голове снова мягко пошиккивал «джаз», перебиваемый воспоминаниями о сбивчивой утренней болтовне

Чихри Белохвоста, чтоб ему было неладно…

— Куо-куо, терюнаша! Это Чихри, двоюродный братень Подверни Штанину, сисадда?! Помнишь такого?! На спор помнишь, я тебе помогашил недавно с ветростантом, до «Слюдяного моста» летали, сисадда? Ты мне пообещался тама на крыше, мне братень подтвердил прямо честно-честно, сисадда? В общ, я «вексиль» буду просить, сисадда?! Очень надо, прям важно, я ваще не знаю, кого ещё впрягать, важное это очень и непонятное…

Я смог только угукнуть. Через стиснутые зубы, потому что дистант-пилота ветростата с рекламой сухой закуски «Соно-чи» на борту я вспомнил сразу. Того самого, что забросил нас со стаей «Добродетельных садовников» на прекрасный видовой балкон «Слюдяного моста», а затем вернул наши жопы в Бонжур.

Как вспомнил и «вексель чести», опрометчиво обещанный родичу Подверни Штанину за помощь…

— В общ, я про концерт. «Радуга» где выступать будет, сисадда?! Тут слухи ходют прямо гадские, что беда будет, а не концерт, нужно делать что-то! От них самих протекло, многие уже знают, прямо точно многие! Оно, конечно, не доказано, но если знать, где копать, так реку субуры найдёшь, сисадда? Ну я и копнул! Песенники эти, «восьмицветники», задумали всех на концерте, стало быть, укантрожопить, сисадда?! Прямо всех, и самим тоже под музло хвосты скрутить, сисадда?! За ними же миллионы фанатеев пойдут, ну, понятно же! Говорят, они раздадут всем таблетки, чтоб в газировку их бамс и сразу вжих, в глоток, и мигом отъехал! Ты слушаешь, терюнаша?!

Я снова угукнул. Поёрзал на кровати, оправил белый халат «Диктата». Напряжённые плечи Ч'айи за дисплеями консоли не позволяли в полной мере вникнуть в поток изливаемых на меня откровений.

— В общ, весь стадион они положить собрались, сисадда?! — продолжал тараторить Чихри, временами срываясь на неприятный визг. — А кто по норам смотреть станет, тем другой приказ дадут, ну нормально ли?! Это не точно, терюнаша, но об этом уже просыпается, прямо нельзя не поверить, я в этих борфах никогда хорошего не видел! А у меня дочки там! И подружайки их! «Болтушки» не слушают, сами не вернутся! Дуй к борфам этим из «Восьмого цвета», давай там прямо жахни их колдунством своим, и узнай всё, будут они честных чу-ха потравлять или это брехня всё и я соседке своей язык вырву…

Я прикрыл глаза. Спросил негромко, по возможности без сарказма:

— Ты, пунчи, должно быть шутишь?

Он замолчал, будто получил по рёбрам. Рявкнул так, что я услышал клацанье зубов:

— А в твоём круге ваще такое шуткование бывает?!

— Байши… Пунчи, если это сон, купи мне телёнка?

— Не-е, терюнаша. Это совсем даже и не сон…

«Мицуха» скрипела и шумела в моём заушнике, будто речной поток, но это не помешало Чихри закончить сбивчивую речь.

— Отдавай «вексель», терюнаша! Это по кодексу, это честно, сисадда? Певунов этих ты найдёшь в «Арене», я не спал всю ночь и видел в новостях, их кортеж уже там, прямо в «Арене», они там готовятся. Ты знаешь, что делать, а девки мои пострадать не должны, сисадда? Делай, и делай быстро, чтоб до вечера, а потом мне расскажи, и чтоб спокойно всё было. Если это слухи всё и пустовраки, я языки-то повырываю в районе, но мне неуспокоительно прямо, а дочки уже там, нужно всё узнать, а это только ты с колдунством своим можешь, сисадда?

— Я всё понял, пунчи. Будет тебе «вексель», слово фер Скичиры. Когда что-то узнаю, сразу сообщу. Гаппи не выключай, могут появиться вопросы.

— Ты же прямо счас возьмёшься, терю? Тут времени терять ваще никаким образом нель…

— Ясного неба над твоей норой, Чихри. Свяжусь с тобой позже…

п.5.; г.4; ч.2

Да, так всё и было. А теперь я катил в краденой посудине «Бритых хвостов» через весь Юдайна-Сити и недоумевал, откуда в головах чу-ха вообще берутся подобные панические помыслы…

Хор сирен становился реже. Точнее, они не редели, но всё сильнее отдалялись и становились менее слышны. Вокруг меня привычно спешили по своим насекомным делам тысячи чу-ха, будто к западу от Ху-Абан и не происходило ничего важно-тревожного.

И это, в свою очередь, заставляло поверить, что косноязыкий Белохвост мог оказаться прав — выступление «8-Ра» не отменят, даже докатись волнения до благополучного Чучсин…

Чуть правее по курсу сверкнула на солнце обманчиво-невесомая шкура «Слюдяного небесного моста», стража границ Уробороса. Сердце ёкнуло, в горле тут же пересохло, и я невольно перестроил «Барру» к обочине так, чтобы отсечь доминанту казоку-шин Князя-Из-Грязи крышами местных деловых комплеблоков.

Раздери меня Бансури, но всё же Чихри — полноразмерный мудила!

Решил, что знаменитый Джадуга у него в кармане и решил использовать дурачка-мутанта для успокоения и развенчания нелепых слухов. Которые, байши, изначально правдивыми быть не могут!

Конечно, я мог запросто соврать ему, и дело с концом? Дескать, переговорил, способности свои расчудесные применил, так вот никто твоих дочурок травить не станет, а тебе пора завязывать со стрихом.

Но в душе подвывало.

Я *мог* наврать. Но *не мог*. Даже если никогда не вернусь к Ч'айе…

Ох, Ланс, иногда ты бываешь таким дурачиной…

Впрочем, помутнение рассудка не помешало мне всё же проконсультироваться с Хадекином. Проанализировав разговор, тот выдал прогноз: вероятность ловушки минимальна. Правда, теми же оценками он довольствовался и по возможной правдоподобности действительно ползущих по фанатским станциям слухов. Конечно же, попытался отговорить. Но уж если Ланс фер Скичира что-то себе в голову вбил, то не поможет даже небесный громоглас.

Пожалуй, всё дело в том, что если в деле с «Корнями» у нас всё получится, я не хотел даже на секунду становиться

«банкротом векселя»… А если не получится — тем более.

Вздохнув, я задумался, чем сейчас занята Ч'айя. Решил поговорить с девчонкой, попробовать ещё раз объяснить ей саму суть «векселей»… но опустил руку с «болтушкой». Оправдания — самая бесполезная вещь во всём Тиаме. Врагов они только посмешат, а друзьям за полнейшей ненадобностью…

Я ещё раз осмотрелся в поисках хвостов. Вроде было чисто.

С другой стороны, даже если Песчаный Карп перехватил стержневое присутствие и вычислит меня, неосмотрительно покинувшего Пузыри, для отправки его йодда на моё задержание понадобится отнюдь не пять минут. А ещё… а ещё, если задуматься, то за каким бесом ему вообще теперь моя безволосая шкурка?!

Мой драный фаэтон покинул окраины Пиркивелля и углубился в сверкающий Чучсин, теперь ещё заметнее выделяясь среди дорогущих болидов на просторной многополосной Ротасуши. Впереди — на самом северном отростке района, — среди изысканных высоток мелькнул край туши «Абиман-Арены».

Словно мантру катая в голове мысль, что окружающим меня богачам и тетронам глубоко наплевать на терюнаши в ржавом огрызке, я попытался вспомнить, что вообще знал о «Восьмом цвете радуги». Ну, разумеется, кроме их визгливой, надоедливой и невероятно однообразной музыки.

Итак, вроде как они являются воплощением максимально идеализированного образа успеха и хорошей жизни. За их внешним видом следят целые стаи визажистов, мастеров скальпеля, тренеров, мозгоправов и специалистов по моде. Вылететь из группы — легче лёгкого, попасть в неё — тяжелейший труд, и лишь один из пары тысяч молодых чу-ха может рассчитывать на это после изнурительной учёбы в специальных школах.

Официально им запрещено употреблять, играть в азартные игры, попадать в аварии и совершать даже мелкие правонарушения. Выпивать, однако же, можно. Более того, отдельные нирмаата даже устраивают подопечным Недели Благости, на каждой вшивой станции Мицелиума трубя о неразделённой любви или неподдающейся строчке, толкнувших бедолагу-творца на дно пиалы. А когда звезда возвращается из старательно контролируемого запоя, сочувствующие фанаты просто теряют рассудок в очередном витке экстаза…

Высотки расступились, перевёрнутая суповая миска «Арены» надвинулась и закрыла небосвод.

Впечатляющая оказалась постройка, нечего сказать. Вживую многократно внушительнее, чем на свето-струнных слепках.

Вроде как почти двести тысяч зрителей вмещает, а если стоячими на хардбольном поле, то куда больше. На фоне титанических лепестков из пластобетона моё корытце с истлевшими порожками смотрелось совсем уж неуместно.

Несмотря на огромный запас времени до концерта, вокруг стадиона уже собирались настоящие толпы. Многочисленные стаи охранников умело рассекали их и передвижными барьерами блокировали по секторам. На парковках и в близлежащих скверах вспухали импровизированные палаточные лагеря, болезненно напомнившие мне стоянку сааду для раненых и склад трупов.

Местами воинство «восьмицветников» ожидаемо осаждали ненавистники канджо-транса или фанаты других популярных групп. Тут были даже представители более агрессивных музыкальных стилей, но любая попытка отдавить хвост почитателям «ВЦР» тут же заканчивалась объединением последних, весьма жёсткими оплеухами зачинщикам и их изгнанием под презрительный писк, уж слишком неравны были силы.

Тут и там голосили продавцы закусок на передвижных лотках; вёрткие слибу бойко торговали поддельными кепками с изображениями любимчиков и не менее поддельными билетами «в первый ряд».

Через кольцевые блокпосты пропускали только грузовики с едой и напитками, поодаль шла подготовка отдельного парадного въезда для дорогих фаэтонов привилегированных гостей.

Я прижал «Барру» к тротуару и задумчиво побарабанил пальцами по панели управления. Ну конечно. Добрался без приключений, да. Но дальше этой части блестящий план Ланса фер Скичиры продуман-то и не был.

Отлично.

Просто прекрасно!

Наверное, теперь можно без спешки связаться с Диктатионом. Если он ещё «сидит за клавиатоном управления», эта половинка джи-там без труда поможет мне открыть нужные двери и даже шлагбаумы. Но… что-то мешало.

Непрошенная обида за разговор-откровение?

А может, сучья гордость?

Что ж, действительно блестящий план, Ланс… Бросить любимого человека, в скрипучем гробу выскользнуть из неспокойного Бонжура, притащиться в дорогущий Чучсин и… понять, что беспомощен.

С другой стороны, а на что вообще рассчитывал Белохвост? Что меня примут с распростёртыми, впустят и усадят за стол?

Я ещё раз осмотрел возможные подступы к стадиону.

Пожалуй, можно применить «низкий писк» к охраннику. Но сучёныши ходили минимум парами, и мне едва ли позволят. А если позволят, дальше ожидает ещё далеко не один вооружённый громила, и если забалтывать каждого, то до песнопевцев я доползу без сил.

Ещё можно пробраться внутрь в грузовом фаэтоне. Если действовать осторожно, то был шанс проскользнуть через склады и технические помещения, а оттуда просочиться до апартаментов с музыкантами. Откуда меня тут же вышибут пинком под зад…

А можно всё же подключить Энки. Он отвернёт и ослепит камеры, в ответственный момент выманит охрану из нужных коридоров, даст мне беспрепятственный проход… Но что, если Диктатион уже уступил Шири-Кегарете? Если тот перехватит мой экстренный вызов или сыграет мстительно-злую шутку, натравив шкурохранителей?

Байши! Придётся рискнуть, иного рабочего варианта просто нет. Если только…

Я снова включил «Барру», вырулил на проезжую часть и неспешно (стараясь не давить хвосты торчащим в очередях и суетливо наплывающим на дорогу с тротуаров) направил фаэтон к ближайшему шлагбауму.

Да наплевать!

Уже через пять минут я отчитаюсь перед Чихри, что сделал всё, что смог.

Площадка перед третьим южным въездом пустовала. Прирастающую толпу будущих гостей концерта умело оттёрли за ярко-оранжевую свето-струнную растяжку, которую те покорно не пересекали. В отличие от меня, с мгновения на мгновение ожидавшего заряд шокера или чего потяжелее.

Ехал я по-прежнему медленно, со скоростью спотыкающегося старикана, нарочито осторожно и плавно, но глазастые парни на посту всё же накалились. Один толково отступил в бетонированное укрытие за гребёнкой боллардов, второй двинулся навстречу. Приподнял куртку над поясной кобурой, вскинул левую лапу.

Я остановил фаэтон, открыл окно, осторожно высунулся и скинул оба капюшона — импровизированный из накидки, и родной на пальто.

Чу-ха в синей форменной куртке стадионного стража замер. Острый нос его мелко задёргался, по серой морде прокатилась целая гамма чувств. Губы задвигались, будто он перебирал самые разные варианты вопроса, но я опередил:

— Куо-куо, уважаемый. Ты меня не знаешь, но мог слышать. Я Ланс фер Скичира из «Детей заполночи», ещё меня называют

терюнаши. — Говорить я старался негромко и вдумчиво, почти в ритме «низкого писка», но пока не тратя лишних сил. — Разумеется, ты удивлён видеть меня тут, да ещё и в этом убогом фаэтоне, но поверь, пунчи, мне очень нужно повидать кого-то из «Восьмого цвета радуги».

Конечно, самец опешил.

Даже, пожалуй, о*уел.

Да что там?! Я видел детёнышей, впервые узнавших кусачую силу раскалённых углей и удивлённых меньше, чем этот здоровяк с тяжёлым башером на поясе.

— Ага, предполагаю, что ты хочешь сказать, — кивнул я, не имея ни малейшего понятия, что он собирался-таки сказать. — Но прежде чем сделать это, просто попробуй, сисадда? Свяжись с парнями в этой замечательной кастрюле, — я плавно свёл ладони и указал ими на махину «Абиман-Арены», — и доложи, что небезызвестный терюнаши из Бонжура нижайше просит встречи с восхитительными «ВЦР».

Охранник обнажил резцы. Прищурился, мелко встряхнулся.

Но прежде чем успел рявкнуть, его пегий (некрасивые бурые пятна на белом) напарник в бетонном закутке поднял к груди запястье с гаппи и что-то пробормотал. Судя по распахнутым глазам, он был поражён не меньше, но решил без промедления поделиться с кем-то ещё.

— У тебя десять секунд, чтобы развернуть этот кусок говна, — наконец прошипел серошкурый, не отнимая лапы от башера, — и испариться отсюда так, чтобы в Чучсин не осталось даже намёка на твой поганый запашок. Или я лично заставлю тебя…

— Погоди-ка!

Окрик будочного напарника заставил вздрогнуть нас обоих, и на мгновение мне показалось, что чу-ха перед развалюхой-фаэтоном сейчас начнёт палить… Но он всё же обмяк, быстро оглянулся (не выпуская меня из поля зрения), и вызывающе дёрнул башкой.

— Погоди, — с нажимом повторил второй стражник, одним глазом наблюдая за мной, а вторым сверяясь с данными «болтушки». — Сиплый тут малость заинтересовался…

— Какого х*я, когда он вообще успевает?! — прошипел мой обворожительный собеседник, но вовремя захлопнул пасть. Повернулся ко мне и многозначительно побарабанил когтями по застёжке кобуры. — Не двигайся, уродец. Даже не дыши.

Я улыбнулся и легонько кивнул.

Спиной вперёд первый боец отступил к шлагбауму и боллардам. Пошептался с коллегой. Очевидно, ему не очень

понравилась самодеятельность напарника, но кем бы ни оказался неведомый Сиплый, спорить с его мнением он не спешил.

Прошла минута, заставившая меня неоднократно пожалеть о решении переть напролом…

— Оставайся в фаэтоне! — крикнул пегий, для убедительности ткнув в мою сторону когтистым пальцем. — Даже не пытайся выйти, сисадда?

— О, да, пунчи, более чем! — громко, но спокойно ответил я, и продемонстрировал раскрытые ладони.

Прошла ещё минута, окончательно утвердившая меня в глупости принятого решения. И когда я уже почти потянулся к гаппи, чтобы убедиться в присутствии-отсутствии Энки, от «Арены» с жужжанием прикатил открытый микрофаэтон для перемещения по территории стадиона.

И если на водительском сиденье его сидел вооружённый брат-близнец любого из привратников концерта, то рядом торчал высокий и дёрганный пасюк, в котором даже столь далёкий от сферы развлечений терюнаши безошибочно признал нирмаата — своего рода Когтя высокого уровня, если говорить на языке казоку.

Коляска остановилась с внутренней стороны частокола боллардов. Длинношеий тут же выбрался наружу. Двигался он с потрясающей смесью плавности и нервозности, чуть ли не кричащих о любви хвостатого к регулярным воскурениям дайзу.

Не успели мои новые миролюбивые друзья на блокпосту спросить или отчитаться, чу-ха миновал обоих, поднырнул под шлагбаум, с интересом обошёл «Барру» и чуть ли не до пояса всунулся в салон через открытое окно.

Стараясь не морщиться от едкого мускусного запаха, я улыбнулся, скрестил пальцы и смело посмотрел ему в чуть стеклянные глаза.

— Ва-ау, — просипел черношкурый, и я без труда догадался, откуда взялось нехитрое прозвище. — И правда терюнаши. Тот самый, из Бонжура. Собственной персоной, китить твою мамку под хвост. Значит, хочешь встретиться с нашими звёздами? Выбирайся, мышка. О, пунчи, даю слово, они просто о*изденеют…

praeteritum

Мыслями я снова возвращаюсь в бесконечную ночь после штурма виртуальной казоку-шин Песчаного Карпа. Вспоминаю, как Ч'айя выбрасывает промокшие в пролитой чинге полотенца, и вдруг спрашивает совсем уж неожиданное:

— …Ты назвал мою бабку Матерью. Почему ты выбрал форму самца?

Диктатион смеётся. Неприятно. Словно сухой песок пересыпали в железную банку.

— В этом-то мире? Я думал, столь наивные вопросы умеет задавать только Ланс.

Вот сука, обидно же! Но виду я не подаю. Выбираю тактику держаться в панцире. Потому что иначе будет ну прямо совсем неловко. Да что лукавить? Мне всё ещё невероятно тяжко признавать, что избранным всё это время был не я сам…

Потею ещё сильнее, задохнувшись от собственного запаха. Ценность омовения начинает превышать перспективу возрождения человеческого вида.

Глотаю из кружки, теперь не скрывая презрения:

— Я почти поверил, что раньше вы были ну просто обосраться какие умные… а при этом скопировать себя без этого изъяна было никак?

Если господина фер вис Кри и задевает, он не демонстрирует.

— О, совершенно точно никак. Ты можешь этого не помнить, Ланс, но человек вообще ничего не создаёт без изъяна, намеренного или бессознательного.

По спине прокатывается волна дрожи. Не той, что побуждает встряхнуться и ринуться в атаку, а неприятная, давящая. Она приносит воспоминания, как был придуман план нападения на ядерное хранилище Песчаного Карпа. А ещё, почему-то, о том, с какой лёгкостью я сотворил суд над Пуговичником…

— Как её звали?

Низкий и хриплый, голос Ч'айи я узнаю далеко не сразу.

Девчонка снова сидит на стуле, но к остаткам чинги даже не притронулась.

— Флориана Кеменéр-Вишванáт, — откликается Диктатион, разумеется, сразу смекнувший, о ком речь. — Эта великая женщина стояла у руля крупнейшей, пожалуй, дзайбацу угасающего мира — «Кавагути-Аджира груп». Я не говорю «возглавляла», но её таланты… Без преувеличения она оставалась одной из наиболее умных и властных персон своего времени, с одинаковой лёгкостью добиваясь прорывов в биохимии и управляя

титаническим конгломератом. Определяя его стратегию, хоть и не без помощи мужа, сестры и приближённых. Думая на сотни лет вперёд. Именно она дала старт проекту «Отречение»…

Ч'айя сглатывает комок, а меня словно жалит в похолодевшее бедро. Если фер вис Кри и замечает наши реакции — а он точно замечает, — ничего в интонациях менять не спешит:

— Она первой добилась (не без помощи предшествующих мне более примитивных нейросетей) существенного прорыва в области изучения продолговатого мозга, ретикулярной формации, и, в частности, нейронов ядер шва бледного шара, что позволило дать старт всей системе сохранения…

— Байши, давай-ка попроще!

Я не сразу соображаю, что выпаливаю это вслух. Пожалуй, паймы в чинге чуточку многовато. И это в моём-то текущем состоянии?! Ч'айя, однако же, даже не одаривает взглядом. Диктатион тоже не комментирует, но отголосок лёгкого сожаления в его следующих словах я всё же улавливаю.

— Она, Ланс, изобрела систему, при которой человека можно усыпить без вреда для тела и мозга, сисадда?

— И о каком временном периоде речь? — Ч'айя прищуривается в пустоту.

— Вы оба удивитесь, — отвечает ублюдочный джи-там, умеющий уходить от неудобных ответов лучше, чем коровы умеют мычать, — если узнаете ответ…

Глава 5
РЫЖИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Внутри «Арена» оказалась ещё более впечатляющей, чем снаружи. Настолько, что Пузыри вдруг стали казаться скромной лачугой. Широкие анфилады для потоков болельщиков (сейчас в них старательно отмывали мочу и кровь после недавнего финала «Состязаний единения боли и радости») сменялись узкими коридорами для персонала.

Было прохладно. Под высокими потолками гуляло эхо перепискиваний операторов уборочных механизмов. За спиной не очень-то довольно пыхтел охранник, до этого руливший коляской. Сиплый вышагивал слева.

— Меня зовут Ликлик Пагеер, я чи-нирмаата многоуважаемой группы «Восьмой цвет радуги», пусть процветает она от года к году, — рассказал он мне ещё у въезда. — Ещё вчера я ломал ум, чем порадовать парней перед выступлением, и тут такое! Китить твою мамку под хвост, тебя мне послала сама Двоепервая Стая, мышка!

Ага, точно, сама Двоепервая. Только вот, видимо, она решила не тебе сделать приятное, а мне жизнь усложнить. Ну почему стражи на въезде не отправили меня домой?

В блоке «Хаара» к нам присоединились ещё двое младших нирмаата.

Кривя носы и разглядывая с откровенным ужасом, они быстренько пристроились в хвост процессии и теперь перешёптывались о гениальном решении начальника притащить гнусного терюнаши внутрь. Один всё уговаривал, чтобы коллега снимал на камеру «болтушки», потому что *«в „мицухе“ всем просто шляпы посрывает»*. Второй боязливо отнекивался.

Всю дорогу господин Пагеер сипел мне в ухо.

Сначала про невероятную удачу. Затем о тягостях работы и масштабах концерта, которого Юдайна-Сити ещё не видывал. Про странные слухи из западных районов и надежду, что «досадные события» не помешают истинным поклонникам прийти на поклон к своим обожаемым.

В переходе в блок «Лаал» Сиплый замедлил шаг, вынудил меня, и наконец вкрадчиво поведал о правилах поведения в присутствии одарённых божественным светом участников «8-Ра».

Я слушал и время от времени кивал. Оба башера, нож и кастет покоились в рюкзаке на плече охранника, и без оружия приходилось неуютно. Впрочем, я искренне надеялся, что до его

применения не дойдёт, но… байши, я вдруг поймал себя на шальной мысли, что бредовая нервозность Чихри мне всё же передалась.

Спокойно, Ланс. Ты в недрах огромного стадиона перед умопомрачительным концертом самой известной в гнезде группы, а не в застенках вражеской казоку-шин.

Широкими лестницами мы поднялись на несколько ярусов выше. Уборщиков тут было меньше, ассистентов и охранников — куда больше. Повсюду царил не самый приятный дух подготовки к важному, когда градус суеты откровенно заражал и переваливал через грань *«держись и не поддавайся панике»*.

Мы остановились перед огромными двустворчатыми дверями со скромным символом на притолоке. Я покрутил колечко Аммы и в очередной раз вспомнил, как сильно названная сестрёнка фанатеет от «ВЦР». Интересно, как девчонка отреагирует, когда её странный братец расскажет, что видел звёзд нос к носу?

— Волнительно, мышка? — просипел Ликлик.

Ещё и подмигнул, гадёныш.

— О, даже не представляете, насколько!

— Я буду рядом. Если растеряешься, дай знать, я подскажу.

— О, я преданно благодарю за поддержку!

Но если представится возможность, непременно вышибу тебе пару зубов, высокомерный ублюдок…

Чу-ха окинул меня изучающе-надменным взглядом, после чего мы вошли, оставив младших нирмаата послушно дожидаться в широком коридоре.

Внутри обнаружилось без преувеличения огромное помещение; высокое, даже с собственным ярусом второго этажа и несколькими ведущими туда лестницами. Повсюду были в нарочитом беспорядке расставлены диваны, столы, холодильные шкафы с напитками и тренажёры, а в углу нашлись зона приёма пищи и полноценный отсек с игровыми автоматами, в том числе иллюзиумного погружения. Ни стен, ни перегородок не было, а всё разделение по зонам выстраивалось на системе сложного освещения.

Столы, к слову, просто ломились от закусок — я увидел копчёные мидии, рулетики из бекона, миски со сладкой икрой, подносы крохотных слоёнок с острыми водорослями, пирамиды вяленого змеиного мяса, а ещё фрукты, сладости и прессованные звёздочки «Шубо-ша».

От ярких этикеток газировки рябило в глазах, тут можно было найти и «Тош-Тош», и неизменный «Камуяпи». Виднелось на столах и немало бодрящего, и я не мог не обратить внимание на несколько бутылок паймы стоимостью не меньше четырёхсот

рупий за штуку, и не менее дорогого вина. Правда, едва-едва початых.

Сиплый свёл ладони, чуть поклонился и затараторил приветствие, а я вздрогнул — кроме музыкантов в личном зале группы находилось несколько высокоуровневых кукуга.

Наверное, эта заминка и не позволила мне отследить, как именно Пагеер представил «мышку» знаменитой восьмёрке, но может оно и к лучшему. В общем, когда я наконец оторвал встревоженный взгляд от парочки синтетических онсэн, пятеро музыкантов уже пялились прямо на меня.

Ну а я — на них.

«ВЦР» оказались точь-в-точь такими же, как на многочисленных афишах в «мицухе» — холёными, стильными и крепкими. Каждый имел какую-то личную особенность вроде пирсингованных ушей или выбритых на шее полос, но вот их общую черту я осознал только сейчас — все восемь визгунов оказались рыжими, от огненно-яркого, до умеренно-кирпичного оттенков.

Что ж, Сиплый не обманулся в ожиданиях, «восьмицветники» действительно о*изденели…

— Это ещё что за х*йня?!

Полосатый самец на жёлтом диване поперхнулся и чуть не проглотил трубочку, через которую тянул «Камуяпи» из запотевшей банки. Раздражённо отстранил кукуга, разминавшую ему плечи, встряхнулся:

— Решил нам аппетит испортить?!

— Безмятежные Детёныши, Ликлик! — Самый широкоплечий чу-ха с серебристыми спиралями в бровях выбрался из силового тренажёра; лязгнули рычаги и грузы. Обнажённый до пояса, он наспех обтёр полотенцем влажный мех на боках и потянулся за курткой с символикой «8-Ра»: — Неужто это действительно тот уродец, про которого любят сочинять в Бонжуре?!

— Помилуй, Сиплый, над тобой подвал потёк, раз ты решил развлекать нас *вот этим*?! — Полноватый молодчик с дюжиной металлических колец в каждом ухе отвлёкся от игры на автомате, брезгливо повёл носом и оскалился.

— Яри-яри! Я же про него слышал! — Совсем юный чу-ха с нарощенным пучком волос на макушке отбросил планшетную консоль (я успел заметить на экране текст песни), и со смешным сопением выкрутился из кресла-мешка. — Ликлик, где ты сумел его выкопать?! Говорят, в трущобах орудуют «Токсичные шуты», но ты всё равно сунулся в эту грязищу?!

— Потрясающий экземпляр, — негромко прокомментировал пятый, утончённый и хрупкий, словно самочка. Отложил

миниатюрный кальян и чуть повернулся к дверям в удобном глубоком кресле. — Он умеет говорить? Ты сам его одевал, или этому его научили раньше?

Остальные трое спали — один на зелёном диване у дальней стены, ещё двое — на верхнем ярусе, я видел их свисающие с лежанок хвосты.

— Куо-куо, уважаемые, — я помахал скрещёнными пальцами и легко поклонился. — Меня зовут Ланс фер Скичира и я выступаю в популярной музыкальной группе «Дети заполночи».

Пожалуй, операция по удалению зубов дерзости в «Абиман-Арене» требовалась не только господину Пагееру, и идея отобрать-таки у меня кастет уже не казалась лишней предосторожностью. А ещё я подумал, что даже если Чихри перебрал стриха и нёс про тайные замыслы музыкантов полнейшую чушь, ублюдков в этой комнате всё равно не у́было.

— Истории про меня — не выдумки. Говорить умею. Одеваюсь сам.

Старательно управляя голосом, я осматривал одного «восьмицветника» за другим. Решал, с чего начать допрос. А ещё пытался угадать, кто легче прогнётся под «низким писком». Пока выходило, что это будут Пучок или Здоровяк. Вопрос лишь в том, как остаться с борфами наедине…

— Бонжур совсем не трущобы. А казоку, к слову, называется «Кислотные шуты». И совсем недавно мой отчим заживо вздёрнул половину их вшивой стаи на фонарных столбах района.

Видимо, мой ответ музыкантов неожиданно порадовал.

Красотка тонко улыбнулся, Здоровяк хохотнул, Толстячок удивлённо приподнял брови, Пучок застыл с приоткрытой пастью, а Полосатый уважительно покачал головой.

— Кажется, твой план порадовать нас этим… странным уродцем был не так уж и плох, — хмыкнул он и отхлебнул холодной газировки. — Ну что же, Ланс фер Скичира, проходи, пристраивай хвост. Ты не голоден? Поешь, выпей. Может, хочешь дайзу или чего покрепче?

Он небрежно отмахнулся в сторону столика, до того мной не примеченного. Столика, щедро заваленного пакетами порошка, ингаляторами, склянками и даже напёрстками. Мне удалось изобразить в меру наигранное удивление:

— А вам разве не запрещено?

Сиплый сбоку от меня аж подавился воздухом. Но Красотка снова улыбнулся, на этот раз шире:

— Только в присутствии гранд-нирмаата.

Ну да, разве можно было ожидать иного?

Я неспешно прошёлся по периметру разноцветной диванной

зоны, опустился на приятную бежевую обшивку. Сел так, чтобы держать в поле зрения всех пятерых. Небрежно подхватил со стола бутылку паймы, с видом знатока покрутил, другой рукой снял с посудной пирамиды чистую пиалу, ловким жестом перевернул и плеснул, чуть не охнув от терпкого запаха. Пожалуй, такую пайму не подавали даже в «Пламенном колесе»…

Чу-ха наблюдали молча, но не скрывая потрясения, как если бы у них на глазах корова вдруг прокатилась на пернатой доске или двухколёсном шесте.

— «Карамельки»? — Красотка приглашающе постучал когтем по кальяну.

— Я принципиально по жидкому, но благодарю.

Глотнул, не удержался и блаженно прикрыл глаза. Всего на секунду, но автора последовавшего хохотка определить не смог.

— Должен признать, — сказал Полосатый, не отрывая от меня пристального взгляда неестественно алых глаз, — ты похож на жопу. В которую вставили петарду, а после взрыва вывернули обратно и хорошенечко обработали наждачным камнем.

— Приятно слышать такое от парней, выглядящих как братья, — я улыбнулся, пиалой салютуя всем пятерым, — чья мамашка сыграла в сунь-вынь с щебёнчатым сомом.

Морду бедняги Ликлика свело судорогой. Стоявший рядом молчаливый охранник с моим рюкзаком на плече вздрогнул, как от удара током, и почти потянулся к башеру. *Почти*, потому что пятёрка «восьмицветников» взорвалась оглушительным визгливым хохотом, а Здоровяк даже похлопал себя по мускулистым бёдрам.

— Вот же сученька! — усмехнулся Красотка.

— Ловко срезал, — благосклонно кивнул Толстячок, вынул из холода банку «Камуяпи» и вскрыл точным ударом когтя.

Господин Пагеер проглотил вспышку злости. Но тяжёлым взглядом буравить не перестал.

— Яри-яри! Скажи-ка, Ланс фер Скичира, — Пучок ощерился, — каково это быть мерзким изгоем, от которого воротит нос любой уважающий себя чу-ха?!

— Понятия не имею, — честно сознался я, и снова глотнул по-настоящему божественной паймы, — я же не играю канджо-транс.

На мгновение показалось, что Ликлика сейчас хватит удар. Охранник снова прижал уши и стиснул зубы, но музыканты разразились новым взрывом хохота. Пригладив усы, Сиплый натянуто оскалился — всё-таки его задумка притащить в комнату группы неведомого зверька вполне сработала.

— А тебе хвоста в пасть не клади! — довольно рявкнул

Здоровяк, потрясая скрещёнными пальцами.

— Он даже начинает мне нравиться, — прищурился Полосатый. — И акцента почти нет. Ты погляди-ка, какой острозубый поганец уродился…

Мне хотелось ответить, что то же самое вчера ночью мне говорила его супруга, но решил не перегибать. Мучительно подбирая слова, я продумывал план дальнейших действий, когда Красотка уточнил:

— Так чего ты хотел от «Восьмого цвета радуги», пунчи? Билет в ложу для вистар? Подписать тебе кепку? Подарить наш новый сборник?

Я вздохнул. Осторожно покосился на Ликлика. Спросил негромко, но уверенно:

— Можем поговорить наедине?

Сиплый чуть ли не подпрыгнул, выпалив сдавленное:

— Ни в коем случае!

Однако Красотка изогнул шею и с интересом уставился на согруппников. Полосатый небрежно подёрнул плечом, Здоровяк кивнул, а Толстячок хмыкнул и оживлённо потёр ладони.

— Сиплый, испарись-ка, — бросил Красотка, даже не глядя в сторону чи-нирмаата.

— Прошу прощения, господин?..

— Ты всё слышал, червячок. Выползи вон, если не хочешь потерять работу. И подружку прихвати, сисадда?

Даже через разделяющие нас метры я слышал, как скрипнули зубы охранника. Господин Пагеер стиснул кулаки. Но всё же поклонился и прихватил пальцами кончик хвоста:

— Как будет угодно, господин Таакин-Кар!

Охранник вышел первым. За ним послушно последовал чи-нирмаата, напоследок смеривший меня тяжелейшим взглядом исподлобья — *будь предельно аккуратен, мышка Ланс фер Скичира, не налажай!*

Пф-ф, да когда такое вообще бывало-то?!

Толстячок издал щёлкающий звук, на который среагировали сразу все кукуга. Смотрели кокетливо, покорно, снова заставив вспомнить холодный расчёт, с которым им подобные ещё недавно крошили криитов.

Рыжий чу-ха сложил пальцы обеих лап в особенную фигуру, встряхнул кистями, и синтосексуалы мгновенно отключились. Глаза самок остекленели, хоть ножом царапай, вытянутые морды опустились.

Не скажу, что после известных событий в Пузырях я особенно доверял их отключке, но сейчас, в целом, мне было наплевать…

— Можешь говорить, бледношкурый! — Красотка, он

же Таакин-Кар, властно вскинул острый нос и сунул под губу мундштук кальяна. — Так чего же ты хотел от богов сцены?

Мне стоило большого труда не улыбнуться, но край пиалы вовремя скрыл губы. Покатав во рту дорогущую горечь, я вздохнул и покачал головой.

Наверное, можно было бы попробовать «низкий писк» сразу на пятерых. Сработает ли? Сомнительно. С другой стороны, «боги сцены» ничего про меня не знают… кроме слухов…

— Многоуважаемые господа из «Восьмого цвета радуги» что-то слышали о моих способностях?

Здоровяк, Полосатый и Толстячок отрицательно помотали головами, Пучок вздрогнул и начертил на щеке охранный знак от сглаза, а Красотка Таакин-Кар презрительно обнажил резцы. Впрочем, от меня не укрылось, что в глазах его мелькнул страх.

— Небылицы! — Он расщёлкнул веер, украшенный тончайшими рисунками, и запоздало прикрыл морду. — Суеверия геджеконду, не так ли?

— Как знать, — я улыбнулся. Расчётливо и загадочно. Осмотрел каждого из пятерых. — Но я действительно умею узнавать правду. Задавать вопросы, на которые мне отвечают предельно честно. А если врут, то навсегда теряют голос…

«Восьмицветники» превратились в статуи. Даже меж собой не переглянулись. Под их подозрительными взглядами стало до того неуютно, что перестала согревать и потрясающая пайма.

Мда, Ланс. Если твоя тонкая угроза и подействовала бы на настоящих певцов, то «8-Ра» остались к ней равнодушны…

— И ты что-то задумал вызнать, Ланс фер Скичира? — Первым неприятное молчание нарушил Полосатый. — Что-то сальное, так? Мышка, послушай внимательно, если ты работаешь на прокламаторов, тебе совсем не понравится…

— Нет, — я оборвал его с резкостью, которой «боги сцены» точно не слышали с тех времён, когда и помышлять о славе не могли. Добавил уже мягче, проникновеннее: — Никаких прокламаторов, парни. Это сугубо личное. Но важное.

Полосатый пожевал губу, откинулся на спинку дивана и уложил хвост на коленях. Остальные продолжали молча сверлить взглядами. Как бы то ни было, их вниманием я завладел. Оставалось надеяться, что ещё и припугнул.

Красотка взмахнул веером, дозволяя говорить.

— Мой вопрос может показаться вам смешным… — распевно начал я, невольно выходя на тональность «писка», — даже нелепым. Но я нахожусь тут, чтобы кое-что уточнить. Некоторые… ваши поклонники, так вот они поговаривают в «мицухе», что на вечернем концерте группа задумала… нечто

эдакое. Тайное и небезопасное. Смертельное…

Я заставлял себя не отрывать глаз от холёных морд, внимательно рассматривая каждого, пристально задерживаясь на пару секунд и переключаясь на следующего. И почти растерялся, когда пятёрка обменялась удивлёнными… даже не так — *недоумевающими* взглядами.

Байши, так я далеко не уеду.

Нужно найти способ оттащить одного в закуток и на полную силу врубить Бледношкурого Джадуга. Пожалуй, Здоровяка, да. Как его зовут? Байши, его имени не произносилось, сами они жалкому зверьку не назывались, а Сиплый был свято уверен, что представлять таких известных самцов не нужно ни одному обитателю гнезда…

В наступившей тишине голос снова подал Красотка.

— Значит, так говорят? — с лёгкой насмешкой уточнил он и почесал когтем густую нарощенную бровь. — Обвиняют нас в замысле на убийство?

Здоровяк гулко хохотнул, а Полосатый многозначительно вздохнул.

— Что-то вроде того, — я невольно хмыкнул в ответ и трижды проклял себя за то, что вообще пообещал Чихри Белохвосту столь несусветную глупость. Внутри начала подниматься волна облегчения. — Знали бы вы, парни, о чём там пищат! Одновременное самоубийство двухсот тысяч чу-ха, сисадда? Звучит, как отборнейшая грязь, но…

— Это считается! — Пучок взвился с дивана и суетливо потёр лапы. — Хайк, Чич-Катоко, я выиграл!

— Ай-кай, сын пустынного шакала, чтоб тебе на сцене обосраться! — Полосатый широко оскалился, но сделал это с неожиданно откровенным беззлобием. — Думаешь, слова мутанта из грязной лачуги можно считать отправной точкой?!

Пучок раскинул лапы:

— Байши, брат, это же голос улицы!

Я обмер. Медленно перевёл взгляд с одного на другого.

Тем временем «сын шакала» пританцовывающей походкой подступил к настенной полке и снял с неё банку, плотно набитую мятыми рупиями. Развинтил крышку, принялся задорно рассовывать деньги по карманам дорогой спортивной куртки.

Здоровяк заметил моё замешательство. Хмыкнул, подался вперёд и решил дружелюбно пояснить.

— Мы делали ставки, когда история просыплется в Мицелиум. — Он уважительно кивнул на Полосатого. — Ставка Чич-Катоко была самой оптимистичной. Он был уверен, что о Добродушном Восхождении станет известно всего за час до

концерта. Мичи-Ри ставил на пять-десять часов до начала. А наши ставки на вчера и позавчера и вовсе проиграли…

Наверное, в этот момент я вдруг стал выглядеть несколько… нелепо. Потому что все пятеро рассмеялись, а сидевший ближе всех Полосатый даже дотянулся и похлопал по плечу.

— Какие ставки? — Мой собственный голос был будто чужим. — На что?

— На Добродушное Восхождение, конечно, — неподдельно удивился Толстячок.

Пучок возбуждённо метнулся к столу с препаратами. Подхватил курительную трубку в форме Безмятежного Детёныша, сыпанул щепоть порошка, поджёг и жадно затянулся. Глаза тут же засверкали:

— Сегодня мы спасём Тиам и уподобимся могущественнейшим божествам древности! Наша стая станет величайшей!

п.5.; г.5; ч.2

Я помотал головой и даже отставил пиалу на низкий придиванный столик.

— Чего?!

— Сегодня после концерта, — всё в той же доброжелательной манере пояснил Здоровяк, — мы со сцены «Абиман-Арены» прикажем поклонникам растворить в «Камуяпи» волшебный порошок, который перенесёт их в страну вечного счастья и покоя, сисадда? Мы бы пригласили и тебя, но, боюсь, ты опорочишь стаю своим нечистым присутствием… Без обид, пунчи, ладно?!

О, конечно! Какие вообще могут быть обиды?! Я лихорадочно собирал расплескавшиеся мысли в горсть. Ещё раз оглядел «восьмицветников», всё ещё откровенно забавлявшихся моей реакцией.

Глаза чу-ха блестели, словно все пятеро вдохнули дыма чистейшей дайзу.

Я машинально провёл пальцами по пустой кобуре на поясе. Страшно захотелось пить. Причём не паймы, а именно воды, чистой и много, прямо так много, чтобы вывернуло наизнанку.

Выражение моего лица продолжало веселить музыкантов.

Мичи-Ри сделал ещё одну затяжку, подержал дым и выпустил красивым кольцом.

А я прочистил горло и задал, пожалуй, самый глупый из возможных в этой ситуации вопросов:

— Значит, это правда?

— Упаси Двоепервая Стая! — отмахнулся Полосатый, известный сотням тысяч поклонников под именем Чич-Катоко. — Неужели мы бы и правда распускали лживые слухи, Ланс? С такими вещами не шутят.

У меня не осталось слов кроме:

— Но зачем?

— Наше общество загнало себя в глубочайший тупик, — устало пояснил Толстячок из дальнего конца комнаты. — Оно неосмотрительно залезло в сужающуюся трубу, и ожидаемо упёрлось в стену, сисадда? Безоговорочное поклонение принципам выживания и служения привело хвостатых в ловушку. Случился кризис, тихий взрыв. Возвышенное искусство смешалось с грязью низкого. Теперь во главе стола не общие ценности, но личные и корыстные.

Мне совершенно неуместно подумалось, что самец говорит так гладко, потому что его речь была безупречно отрепетирована. Как и любое выступление «8-Ра».

— Каждый отдельный чу-ха в этом гнезде стал возвышен в своём личном Тиаме, — мгновенно подтвердил Здоровяк, для убедительности покачав мускулистой лапой. — К этому его привели и современная философия, и искусство масс. Но каждый вечер он остаётся один, запертый в бетонных стенах комплеблока. Жрёт лапшу, изучает новости, кусается с детёнышами, нажаривает жену и ложится спать.

— При этом все забыли, как именно мы становимся всё более чувственными и утончёнными. Что по-настоящему единимся, только совместно испытав страшное. — Полосатый пожал плечами и задумчиво вспорол обшивку модного дивана кончиком когтя. — Что сцепляемся хвостами, лишь утонув в потоках обжигающе-драматического опыта, через который проходят уцелевшие — они и есть следующая ступень эстетства, новый уровень, появление чу-ха-сверхчувствующего.

Точно, они репетировали. Словно это был канджо-транс, а не исповедь массовых убийц… И это пугало даже сильнее смысла сказанного.

— Единение стаи происходит только на фоне совместного испытания глубинного ужаса, — Толстячок дружелюбно развил мысль приятеля. — Те, кто выкарабкаются из огненной ямы, наполненной строгим опытом Добродушного Восхождения, перейдут на новый уровень группового сознания. Станут сверхчувствительными к любым колебаниям стайного настроя, научатся любить не только себя…

— Общество чу-ха распадается на волокна… — чуть заплетающимся голосом, но с натуральной грустью произнёс Пучок и уставился в потолок огромной комнаты. — Не было давно ни войн, ни даже мелких стычек. Раньше мы строили здания, прорывающие облака. Но когда их хватило, мы впали в ступор… Мы больше не созидаем. Мы варимся в этой говнянской каше и вымираем, кто-то с бокалом дорогой паймы, кто-то просто так… Чу-ха погрязли в эгоизме и бытовухе. Их нужно встряхнуть. И мы сделаем это, потому что у нас есть сила, власть и чувство вкуса.

— Мы убережём чу-ха от этого распада, пунчи Ланс, — улыбнулся Красотка Таакин-Кар. — Станем Новыми Богами. И через годы нам воздвигнут монументы.

Я встал, якобы размять ноги и открыть бутылку воды из холодильного шкафа, а на деле смещаясь поближе к дверям. Музыканты продолжали изучать терюнаши с интересом и лёгкой насмешкой во взглядах. Лишь Мичи-Ри, поймав дурманящую птицу, наслаждался зрелищем огненных звёзд, только ему одному видимых сквозь высокий потолок гримёрки.

Все они действительно верили в то, о чём говорили. Прямо по-настоящему. Всерьёз, на всю глубину. И это было невероятным… Впрочем, это *было бы* невероятным, не узнай я природу чу-ха за годы обитания в Юдайна-Сити…

— А *сами* вы?..

Я многозначительно оборвал вопрос на полуслове и присосался к бутылке, продолжая украдкой осматривать комнату. Пожалуй, в качестве оружия сгодится отбитое горлышко. Или ножка стула, если успею расколотить его об пол. Но что дальше? А дальше мне предстоит отнять свой рюкзак у вооружённого охранника, и только тогда…

— Конечно, мы тоже присоединимся к Добродушному Восхождению, — спокойно кивнул Полосатый, не спуская с меня глаз. — Кроме одного, определённого жребием в последний момент. Он потеряет шанс на покой, но расскажет Тиаму о подвиге остальных.

— Не жалко хвостатых?

Против воли я ощутил, что в голос возвращается кислотная едкость.

— Разумеется, нет, — насмешливо вскинулся Красотка. — Но я ни на секунду не поверю, что ты способен понять разницу между убийством и очищением…

Я облизнул губы, покачал пустой бутылкой в руке.

— Не переживай, мышка, тебе мы вреда не причиним, — вдруг, будто прочитав мои мысли, пробасил Здоровяк. — Влачи свою жалкую жизнь. Может, даже заработаешь денег на прокламаторах, ведь ты будешь одним из немногих последних…

Толстячок хмыкнул и тоже подступил к столу с порошками.

— Наверное, сейчас ты думаешь, — не оборачиваясь, бросил он через плечо, — что обо всём этом нужно срочно узнать тетронам?

И не успел я пролепетать что-то вроде *«улица научила меня не лезть в чужие секреты»*, добавил:

— Не трать время, пунчи. «Полосатые рубашки» всё одно не поверят страшному зверьку из геджеконду, сисадда?

— Карай-Чирай говорит правду, — подтвердил Полосатый, всё ещё глядя мне в лицо. — У нас в кармане весь город, бóльшая часть которого уже при жизни поклоняется «Восьмому цвету радуги». Если не хочешь угодить в вонючую нору для умалишённых, просто дождись вечера. Если пожелаешь, можешь прямо здесь…

— Позволь судьбе свершиться, — лениво добавил Таакин-Кар. Встал из кресла, отложил веер и покрутил затёкшей поясницей. — И не глупи. Такое представление лучше наблюдать

из первого ряда.

Я похолодел.

Осознание реальности происходящего накрыло только сейчас, и по спине побежал холодный пот. А ещё в голове зазвучали слова, сказанные одноглазым Щупом во время нашей последней встречи.

— *Пунчи, ты недооцениваешь стаю из «8-Ра»,* — сказал мне хозяин «Каначанкха» в ту ночь. — *Иногда мне кажется, что их власть над поклонниками куда сильнее власти Смиренных Прислужников…*

Пожалуй, он оказался прав. Я недооценивал этих визгунов, чьи якобы песни последние пару лет звучали из каждого пищевого комбайна. Да что там?! Всё гнездо их недооценивало…

Драть меня дрыном, это случится уже сегодня.

Там… то есть здесь, в этой шикарной «Абиман-Арене» будут дочки Чихри. Но что важнее, здесь также будут десятки тысяч им подобных. И Амма, чьё кольцо на пальце вдруг стало очень тугим.

Красотка вздохнул. Подступил чуть ближе и как бы невзначай покосился на бутылку в пальцах.

— Мы *идору*, Ланс, — негромко сказал он, снова обнажая сверкающие резцы. — Мы те, в служении кому должна быть конечная цель, сисадда? И сегодня мы дадим её нашим любимым слушателям… Так ты останешься посмотреть выступление?

…Я весьма туманно помнил, как покинул чудесный просторный зал, где восемь самцов прекрасной стати закидывались веселящей пыльцой, драли кукуга, перешучивались и готовились уже предстоящим вечерком за раз грохнуть пару сотен тысяч боготворящих «ВЦР» сородичей.

Но одно я помнил точно. Причём в мелочах.

В башке пульсировало: если бы в тот момент на мне висели «Молот» и «Наковальня», я бы положил всех восьмерых. На месте. Без раздумий. В том числе, спящих. Причём даже не уверен, что стал бы их будить…

За тяжёлыми дверями на меня вроде как тут же накинулся Сиплый. Навалился, закружил вопросами, гневно потащил прочь. Следом шаркали злющий охранник и младшие нирмаата.

Но я не слушал и как будто даже толком не отвечал.

Всё ускорял и ускорял шаг, почти перейдя на бег. Думал, стая «8-Ра» всё-таки набросится, не выпустит. Или схватит на выходе, дав поверить в обманчивое спасение. Но на свежий воздух парковочного кольца стадиона мы, однако же, добрались быстро и без помех.

Сиплый всё ещё что-то сипел. Выпытывал, гад, и один раз даже попытался повиснуть на руке. Видимо, я взглянул на него

как-то особенно, что он тут же отстранился.

Едва мы миновали первую внешнюю бетонную арку, огромную и испещрённую барельефами, охранник тут же направился к моторизированной открытой коляске. Однако господин Пагеер остановил его коротким щелчком языка. Жестом приказал вернуть мне рюкзак. И прошипел, больше не скрывая отвращения:

— Надеюсь, мышка, *они* остались довольны!

Туман заторможенного осмысления ещё не развеялся, поэтому я не помню, что именно ответил чи-нирмаата. Но определённо что-то обидное, потому что помощники Сиплого ахнули, а сам он агрессивно оскалился.

Однако в тот самый момент я как раз вынимал из рюкзака «Молот», чтобы вернуть на законное место под мышкой, и потому чу-ха лишь выплюнул короткое проклятье. Его чёрная, с лёгким фиолетовым отливом шерсть встопорщилась на шее и загривке.

— До блокпоста дойдёшь сам, — визгливо добавил он и показал мне оттопыренный мизинец, — и чтобы я тебя тут больше не видел!

Ага, точно. А сам-то я сюда прямо стремлюсь повторно…

Через секунду «мышка» осталась одна посреди огромного и совершенно пустого пятака. Уже через несколько часов тот заполнится визжащими от восторга малолетками, но пока ветер гонял по нему одинокий бумажный пакет, да по периметру вдали прохаживалась пара охранников.

Нужно что-то делать.

Рассказать Чихри, разумеется.

Разумеется, он едва ли сумеет отговорить дочерей и их подруг идти на концерт, и совершенно точно не найдёт в толпе. Но я выполнил обещание, и обязан завершить дело… А ещё нужно как можно скорее предупредить Амму. И Щупа, например. Сапфир. Китить, как говаривал один сиплый нирмаата, твою мамку под хвост — да тут нужно всё гнездо предупреждать!

Но, если задуматься, Полосатый борф был прав.

Ведь кто поверит терюнаши?!

Я несколько раз глубоко вздохнул. Накинул и подтянул рюкзак.

Огляделся, заметив вдали блокпост с сиротливой ржавой «Барру», доставившей меня к стадиону. А справа, в сотне шагов к северу — яркое пятно глянцевых скоростных фаэтов, как один прилизанных и обтекаемых, разноцветных и очень дорогих. Определённо принадлежавших или «восьмицветникам», или кому-то из окружавших их прихлебателей.

Едва ли я задумал это из мести.

Хотя нет, кого я обманываю?! Месть в моём решении играла не последнюю роль.

Убедившись, что сопровождающий Ликлика охранник тоже скрылся в глубинах стадиона, я быстрым шагом направился к стоянке модных фаэтонов.

Наверное, можно было бы повыбирать. Даже попривередничать или попробовать угадать, кому какой принадлежит. Но за мной наверняка наблюдали, так что позволить себе такую прихоть я не мог.

Сердце застучало, дыхание участилось. Выдёргивая из-за спины «Сачирато», я подскочил к ближайшей обтекаемой малышке — юркому приплюснутому «Спитцу». Включил очки и уже вытянул соединительный кабель, но всё же решил проверить и погрузил пальцы в глубокую дверную ручку.

Щёлк…

Фаэтон оказался открыт.

Что ж, известным артистам самоуверенность присуща не меньше, чем бандитам с Гариб-базара. Впрочем, такое даже представлялось отчасти логичным — кому взбредёт в башку копаться в болидах музыкантов на охраняемой стоянке под присмотром камер и беспилотных надзирателей? Мда, Ланса фер Скичиру они уж точно в гости не ждали.

Нырнув на сиденье, я извернулся и скинул рюкзак рядом. Презрительно сморщился, бегло осмотрев легкомысленные шторки на окнах, пятнистые кресельные чехлы из бежевой шкуры тура, а ещё элегантные солнцезащитные очки и крохотный амулет, болтающийся под потолком. Палец на отсечение, если фаэтон не принадлежит Красотке…

Но гадания — на потом. А сейчас настало время проверить второе предположение! Я потянул выдвижной клавиатон, ткнул в выемки активации и… панель управления тоже не была заблокирована.

Ха! Да это оказалось легче, чем наступить на хвост спящему чу-ха!

Над парковкой дорогущих болидов медленно прокурсировали сразу два беспилотника.

Наверное, можно было прокричать что-нибудь эпохальное, вроде *«трупам фаэтоны не нужны!»*. Но вместо этого я без лишних эмоций, хоть и достаточно резко сдал задним ходом, с визгом покрышек развернулся и рванул в сторону блокпоста. Причём не того, где меня встречали, а соседнего, где о явлении в «Арену» бледношкурого терюнаши и знать не знали.

Наверное, охрану предупредить не успели. А может, те просто не поверили, что в Юдайна-Сити существуют наглецы столь

высшей пробы? Как бы то ни было, стопорить болид известного «восьмицветника» привратники зассали, и потому послушно опустили болларды и подняли шлагбаум перед самым носом моей бирюзовой красотки, да ещё и приветливо помахали вслед.

Благодарно посигналив опешившим стражам границ, я выскочил на пустую дорогу и понёсся по каньону прибывающих фанатов. Одним из которых, упаси Благодетельная Когане Но, вполне могла оказаться Амма…

Сердце теперь не стучало — оно яростно колотилось, будто хотело заново подломить едва починенные фер вис Кри рёбра. Организм тонко намекнул, что или я сейчас успокаиваюсь и сбавляю скорость, или он пустит носом кровь, чуть притушит свет, и мы с посвистом влетим в толпу или угол изящного здания, каких в Чучсин немало.

Я осмотрел дорогу через кормовые камеры.

Погони пока не наблюдалось, но буквально через несколько минут краденым «Спитцем» точно заинтересуются тетроны. Может даже заглушат двигатель. Но на это требовалось личное разрешение собственника, а я надеялся, что Таакин-Кар воспримет мою выходку дружеской шуткой, ведь семь к восьми, что уже завтра ему-то дорогущий фаэтон вообще окажется без надобности…

Скорость всё же пришлось сбросить.

Одной рукой управлять фаэтом оказалось весьма непросто, но я справился, чуть ли не носом поелозил по экрану гаппи и нашёл ячейку названной сестры. Бросил вызов. Чуть не заорал, когда тот не смог пробиться через серую стену изломанного мусора, которым всё активнее переполнялась «мицуха».

Попробовал ещё раз, в отчаянии врезав ладонью по панели.

Перелистал хранилище профилей. Одним глазом наблюдая за дорогой, вторым (очень долго, будто раз за разом перечитывая оскорбительный псевдоним), изучал «болтушку».

Решился.

Отправил запрос.

И тут же, едва услышав в заушнике знакомый голос, пожалел о сделанном.

— Ты решил одуматься, маленький глупый Лансик? — спросила Алая Сука сквозь звуковые лакуны помех. — Вы все начинаете жидко гадить в штаны, стоит земле вокруг вас едва затлеть…

Байши, вот почему мне удалось связаться не с сестрой, а с этой тварью?!

— Послушай, Магда! — На ближайшем перекрёстке я сменил улицу, сместился в невидимую ауру полётного коридора и мягко

подкинул «Спитца» в воздух. — Пожалуйста, не перебивай и не угрожай, это очень важно!

— О, как запищала наша обсиканная мышка! — Красная Вистар фыркнула.

Я в красках представил, как сейчас она стискивает когтистые пальцы на брикете крохотного кальяна.

— Присматриваешь нору в Бонжуре, где мои нюхачи тебя не отыщут?! Дурной план. Думаешь сбежать?! Но тебе никогда не покинуть Юдайна-Сити живым, так что этот план ещё дурнее! Так что теперь ты послушай меня, терюнаши! Немедленно тащи свою дырявую жо…

— На вечернем концерте «Восьмого цвета радуги» запланировано массовое самоубийство, его спровоцируют сами музыканты! — Говорить сквозь песчаную бурю её угроз было непросто, но внутренне я сразу приготовился к подобному сценарию разговора. — Всем гостям «Абиман-Арены» раздадут яд, который они должны будут принять вместе с рыжими у*бками в самом финале шоу! Дистанционные зрители тоже получат приказ, всё это будет называться Добродушным Восхождением…

Она притихла, и на мгновение во мне приподнялась волна надежды.

— Двести тысяч зрителей, Магда! — выпалил я, надеясь, что спешка и нотки паники не сбивают настрой «низкого писка». — Ты ведь знаешь влияние «ВЦР» на толпу, на х*й их пошлёт в лучшем случае каждый десятый!

На дисплеях заднего вида промелькнули два тетронских беспилотника, но пока я решил не разгонять фаэтон.

— Отмени концерт, Магда, сейчас это только в твоих силах! Или сегодня же ночью в гнезде кончатся места для хранения трупов!

— Добродушное Восхождение? — прошипела она, и тон агента заставил огонёк надежды опасно затрепетать. — Массовое самоубийство?! И ты хочешь, чтобы я поверила в байки лживого выродка?!

— Байши, Магда, я слышал это собственными ушами! Только что! Таакин-Кар, Чич-Катоко и остальные борфы лично сознались мне в этом!

Она замолчала, заставив тревожно взглянуть на гаппи. Но сейчас предательский Мицелиум на удивление работал, и связь не прерывалась.

— Ланс, — наконец произнесла она, и сквозь раздражение пробилась неподъёмная усталость, — я не знаю, чем ты обнюхался, но буду милосердна и дам ещё один шанс — немедленно приезжай в Штольню. Потому что если ты и дальше

продолжишь…

— Нет, Магда, — просто ответил я.

По встречному коридору проскочил фаэтон «полосатых рубашек». Почти сразу сбавил скорость, развернулся в ближайшей петле, включил сирену и пристроился мне в хвост.

— Ни в какую Штольню я не поеду, а у тебя есть прекрасный шанс спасти уйму сородичей…

— Это твоя последняя возможность, терюнаши.

— Решу ей не воспользоваться.

— Тогда я сожгу тебя заживо, выродок с мочой вместо крови…

— Просто сделай должное, и поблагодаришь.

— …а пепел рассыплю под порогом рынка, чтобы через тебя перешагивали тысячи чу-ха и шуршание их хвостов не давало душе переродиться!

— Магда, остынь…

— …сгною тебя в самой занюханной клетке, где твою жопу раздолбят так умело, что очко застынет в вечном вопле ужаса!

— Ты должна мне поверить! Я всегда говорил тебе правду! И о Шири-Кегарете, ты же наверняка всё проверила! И сейчас!

— …сварю твой хвост прямо на тебе… Сука, ты же бесхвостый… Тогда это будут твои нижние лапы! — Она шипела, будто гигантская змея, а не благородная чу-ха, и я представлял себе капли слюны, летевшие на красный рукав. — А затем буду морить тебя голодом, пока ты не начнёшь обгладывать собственную плоть!

— Магда, это вообще не имеет отношения к нашей вражде!

— …когда Жи-ми поднимется с койки, я позволю ему отгрызть все пальцы на лапе, стрелявшей в него, и сама буду на это смотреть!

Я вздохнул. Взглянул на приближающийся фаэтон тетронов.

Пожалуй, если я выжму из «Спитца» всю мощь, «тупомордые» даже не успеют удивиться, но пока разговор отвлекал. И начинал угрожать.

Мне удалось снова вздохнуть так, чтобы Магда не расслышала тоски. Сказать негромко, но с предельной убедительностью:

— Я всё ещё верю в твоё здравомыслие. — Положив обе руки на панель управления, я начал плавно увеличивать скорость. — Сделай, как прошу. Не ради меня, но ради Юдайна-Сити.

Алая Сука ещё что-то прорычала, но в следующую секунду я прервал разговор.

«Ломкая горечь»

Куо-куо, мои бесстрашные!

Не спрашивайте лишнего, и лишнего не услышите.

С вами снова «Ломкая горечь» и Моноспектральная Чапати. Не обновлённая инкарнация, полная сил, а её устаревшая версия, опозоренная, опустошённая киуаам-пуджа, но по-прежнему отказывающаяся сдаться…

Вы никогда не узнаете причин моего возвращения, даже не пытайтесь.

Но пусть те, кто сейчас не сменил станцию при звуках моего голоса, слушают и передают другим. Ведь события важнее Божур не видел многие годы, и Чапати просто не имеет права умолчать о содеянном, как это сделают восемь из десяти прокламаторов нашего района.

Я диктую это сообщение, потому что пятью голосами против четырёх коллектив агентства «Ломкая горечь» дозволил мне. Но четверо были всё же не согласны. А значит, любой из вас, мои мудрые, волен оценить последующие слова Моноспектральной Чапати не как официальную позицию «Горечи», но как её личный манифест…

Сначала Чапати расскажет вам, что час назад видела собственными глазами. А вы сами сделаете выводы. Но событие, о котором пойдёт речь, не могло остаться незамеченным, даже на фоне охвативших район беспорядков.

Я видела десятки фаэтонов, большая часть которых была чёрными. Они медленно съезжались к «Лючи Чуа», и уже в выбранном ими месте сходки кроется насмешка столь горькая, что сводит скулы.

Кабак — издавна облюбованный «полосатыми рубашками», украшенный свето-струнными слепками героев Управления Тетронов и обслуживаемый отставными «тупомордыми», — стал местом переговоров тех, кого они присягали искоренять. И Чапати хохочет над иронией события…

За фаэтонами шагали вереницы чу-ха, крепких и хищных, одетых в накидки красно-чёрных цветов перемирия. Все они несли наплечные метки с символикой своих казоку, и в другое время Моноспектральная бы дорого дала за мощную бомбу, заложенную у входа в «Лючи Чуа»…

То здесь, то там в процессиях мелькали жёлтые шляпы, но в основном перед «Лючи Чуа» собирались «Дети заполночи» и «Вёрткие прыгуны».

Первые скрыли жилеты, вторые прибыли почти без

пружинных установок и пернатых досок. Разумеется, все казоку-йодда были вооружены, хотя открыто башеров никто и не носил. Когда перед входом в кабак выстроились две шеренги по сотне бойцов каждого клана, пришла очередь вожаков. И Чапати до сих пор трясёт от одного вида ненавистных ей тварей…

В общем, церемония была… внушительной. Подготовленной спешно, без внимания к мелочам — вроде отсутствия ста тринадцати колючих венков, неизменных атрибутов схода казоку-хетто, — но всё же внушительной.

Со стороны чёрно-жёлтых на переговоры, разумеется, пожаловал сам Косоглазый. Одновременно с ним из своего фаэтона вышли близнецы Риробури и Раромари, сухие, как ветки, с полосато-выседевшей шкурой; одетые скромно и так однообразно, что Моноспектральная вновь не смогла отличить брата от сестры.

Примечательно, что хетто «Прыгунов» прибыли на разговор в сопровождении двух приохоченных псов, и Чапати до сих пор не верит этому дичайшему для цивилизованного общества зрелищу. Здоровенные собаки заливались лаем и рвались с поводков в лапах прислуги, но стоило Раромари (или это была Риробури?) щёлкнуть пальцами, как они заскулили и покорно улеглись вдоль фаэтона… Представляете?

Но если близнецы каким-то образом сумели-таки выдрессировать дикое зверьё, то стая Нискирича удивила не меньше — на его стороне живой стены стояли «Жёлтые котелки», и мне до сих пор непонятно, каким образом те переметнулись к Косоглазому от Хадекина фер вис Кри…

Чапати признается откровенно — когда мой информатор сообщил о готовящейся сходке, я обрадовалась, что всё же случится схватка. Решающая, крупная и способная одним ударом обескровить тех, кто тешит себя мыслями о полной криминальной власти над районом.

Но накидки, повязки, усыпляющее бдительность спокойствие десятков казоку-йодда… В общем, когда главари и их Когти выбрались из фаэтонов и встали друг перед другом, их стаи с воем рухнули на колени, признавая статус и положение вражеских хетто.

Нискирич, близнецы и их Когти обменялись уважительными, но очень осторожными поклонами, после чего вошли в «Лючи Чуа». И будь Чапати проклята, если первыми порог тетронского кабака не перешагнули двое выродков в ярких шляпах, официально подтвердив главенствующую роль на случившемся сходе.

За близнецами и Косоглазым в «Лючи Чуа» вошли главари

ещё дюжины мелких казоку, наводняющих наш район и его окрестности, и никто в живом коридоре казоку-йодда даже не потянулся за ножом…

Увы, Моноспектральная может лишь догадываться, о чём кровопийцы шептались внутри. Собирались ли присягнуть «Диктату Колберга»? Делили влияние над Бонжуром, вокруг которого нынче смыкается кольцо тетронов? Или вынашивали планы совместного отпора силам правопорядка, в чём меня и пытался уведомить наивный информатор?

Я могу только предполагать и представлять, как и вы.

Как из «Лючи Чуа» спешно вынесли всю мебель, заменив скромными лавками, расставленными в ряды; как возле каждой лавки поставили блюдо с вяленой свининой и бутылочку паймы; как ублюдки, дерзко заполонившие бывшее прибежище тетронов, произносят торопливые речи, начиная с младших и заканчивая распорядителями…

Но очевидно одно — «Прыгуны» и «Дети» всё же приняли некое совместное решение. Потому что не прошло и часа, как все они быстро покинули заведение, но сделали это без злости или оскаленных друг на друга зубов.

Вы должны знать. И потому Моноспектральная Чапати снова вернулась в строй, пусть и ненадолго. Теперь вы услышали, и я снова могу уйти, на этот раз — навсегда. Делайте выводы, мои многострадальные, думайте головой и запирайте двери.

Чапати непросто повторить слова информатора, но, видит Благодетельная Когане Но, у неё не осталось выбора — не успеет солнце опуститься за развалюхи западных геджеконду, Бонжур поделится на тех, кто решил драться, и тех, кто попытается остаться в стороне.

И вот вам совет Моноспектральной, ненавидящей давать советы, особенно после превращения в чибито… в общем, если вы задумали занять сторону вторых, лучше уходите. К каналам или Благолепию, в северные или южные районы, да хоть бы в саму Такакхану, но непременно уходите из Бонжура. Потому что не пройдёт и нескольких часов, как его улицы запылают настоящим огнём…

Мужества, терпения и удачи тем, кто останется.

Покоя и мира тем, кто решит спастись.

Пусть возложит Всемилосердная Когане Но свою могучую лапу на наш многострадальный район, пусть убережёт от потрясений и многих бед, пусть вернёт спокойствие и чистое небо над вашими норами…

На этом всё.

Не забывайте «Ломкую горечь», она ещё вернётся к вам с

новой Моноспектральной Чапати.

Берегите себя и близких… куо-куо-куо, мои несравненные!

Глава 6
ЧЕРНАЯ ГРАНИЦА

Позаимствованный «Спитц» оказался ожидаемо прекрасен — отличное управление, предельная чуткость и послушность. Стоило чуть прибавить скорости и выскочить за пределы Чучсин, как фаэтон тетронов тут же превратился в крохотный силуэт на дисплее.

Я обратил внимание, что невольно улыбаюсь. Впрочем, нет — скорее, снова напряжённо скалюсь.

На другом конце бурлящего гнезда меня дожидалась обворожительная Ч'айя, в Бонжуре разгоралась самая настоящая война, двойственные разумы джинкина-там сцеплялись в бесконечном противостоянии без победителей, восемь рыжих ублюдков готовились отправить в Заоблачные Норы Благодетельной Когане Но сотни тысяч душ, а я гаденько ликовал угнанному фаэту…

Разговор с 'ВЦР, конечно, всё ещё отказывался уложиться в голове.

Ещё пару дней назад мне казалось, что самым страшным из чудовищ, встреченных мной на жизненной тропе, окажется Пуговичник. Зациклившийся и бездушный, но вполне осязаемый, способный истекать кровью. Мерзкое порождение локального безумия, которое всё же было можно остановить ради защиты Юдайна-Сити, пусть даже и ценой потери частички собственного духа.

Но уже сегодня злодеяния Хритто Омри казались детёнышевским писком.

Нет, услышанное от музыкантов в голову решительно не укладывалось. И речь шла даже не о фатальной философии «8-Ра», на подобных им спятивших выродков наше дружелюбное гнездо насмотрелось отнюдь не вчера. В сознание не вмещалась ожидаемая (в этом даже сомнений не было) покорность, с которой фанаты идору действительно пойдут на назначенную им смерть.

Да, пойдут, с них станется.

На миг подумалось: а может, стоит действительно сложить лапы и позволить стае рыжих борфов подчистить генофонд Юдайна-Сити?

Впрочем, выходило так, что я и вправду позволю. Точнее, просто не смогу помешать, но есть ли разница?

Если Магда не вмешается, а оснований у неё нет… Снова

просить помощи у фер вис Кри? Вопрос казался серьёзным, это не адрес потрошителя по гнездовым архивам пробивать. Вынудить Диктатиона подделать инфобазы «полосатых рубашек» (а то и самого «Голубого Лотоса»), спровоцировать арест или хотя бы масштабную проверку, способную сорвать концерт?

Байши! На экранах приборной панели снова замерцали тревожные сигналы — в хвост «Спитцу» пристраивались два тетронских фаэтона и теперь обрабатывали мои системы прицельными импульсами.

Остановиться они, видите ли, повелевают. Сбросить, понимаешь ли, скорость, опуститься в ближайший карман и заблокировать двигатель. Глобальные вопросы с «ВЦР» тут же стали вторичными, вполне готовыми подождать возвращения в безопасное место…

Я пристегнулся дополнительным эластичным ремнём.

Сорвал ворованную красотку на юг, крутанулся по петле над Ротасу-ши и выскочил в коридор над Оградой Покоя — монументальным сооружением десятикилометровой длины, величественной пустотелой стеной, отгораживающей покой сварливых богачей Каменных Садов от беззаботных богачей Чучсин.

Тетроны снова отстали. Но если я окажусь на более загруженных трассах центральных районов, в такой отрыв мне уйти не дадут.

Холёный металлопластовый зверь, в брюхе которого я нёсся по вылизанным территориям гнезда, послушно увеличил скорость. Увидев показатели на бортовой консоли, я вздрогнул и выставил блокировку предела — цифры оказались безумными, а мои навыки пилота блестящими не назвал бы и лучший друг.

Убедившись, что снова уклонился от откровенной погони, я в очередной раз взялся терзать гаппи. На этот раз запрос Амме даже пробился через растрескавшееся полотно Мицелиума, да вот только отвечать сестрица мне ничуть не спешила.

Выругавшись так, что на окнах обуглились шторки, я выбросил на консоль фаэтона общий семейный профиль фер Скичира. Выпалил скороговоркой, стараясь ненароком не выскользнуть из силового коридора поверх Ограды и одновременно выглядывая парящие между ветростатами беспилотники.

— Для Аммы от Ланса! В «Арену» идти нельзя! Всем, кто меня слышит — найдите Амму и не пустите на концерт! Смотреть шоу из норы тоже не советую, говноеды задумали массовое…

На этом «мицуха» снова взбрыкнула и отсекла меня от профиля.

Что ж, пусть хоть так. Хотя я и сильно сомневался, что слова прикормленного Нискиричем уродца будут восприняты всерьёз кем-то кроме самого Нискирича.

На следующей развилке я скатился с Ограды Покоя, перебросил «Спитца» в западный коридор, и уже через пару минут полёта над улицами Ни-Ши-Пиркивелля осознал, что настоящая погоня только готова начаться — с крытой террасы ближайшего делового центра сорвались две густо-чёрные обтекаемые капли. Разумеется, с пугающей символикой Управления Тетронов на крышах и дверях.

Болиды, конечно, были «Спитцу» далеко не ровней. Но определённо скоростными, разработанными и внедрёнными именно для таких случаев — догонять и перехватывать богатеньких самоуверенных мудаков на неукротимых фаэтах и с двадцатикратной передозировкой дайзу в крови.

Я вздохнул.

Почти смирился, что на этом шалость с угоном дорогущей красавицы подошла к закономерному финалу. Что сейчас мой движок принудительно потушат дистанционным импульсом и вынудят опуститься на полотно проспекта Кокка-Идай…

Но краденый ураган подо мной и не думал стихать. Более того — не выставь я ограничение скорости, сейчас бы точно рванул вперёд, будто заправский пилот Кубка Всеравенства.

Лавируя среди подобных себе — дорогих и уникальных, — «Спитц» опустился ниже, не давая тетронам выйти на прямую линию импульса. Завихлял, задёргался, сменил коридор. Нужно отдать преследователям должное, манёвр они распознали заранее и с хвоста не свалились.

В висках заколотило от напряжения.

Вспотевшими пальцами сжимая компактные рули, я раз за разом представлял, что вот именно сейчас скорость вышвырнет меня за пределы «полетки» и я навсегда уйду от Ч’айи в ослепительном фейерверке…

Но коридоры восточно-центральных районов было не сравнить с бонжурскими или даже колбергскими — новенькие и мощные, они надёжно держали внутри даже самые ретивые фаэтоны, и мне оставалось лишь продолжать выдумывать страшное.

Обогнув Каменные Сады по южной границе, я бросил «Спитца» в сторону Тысячи Дорог. Может, и не самое лучшее решение, да и вообще в Колберг я собирался возвращаться другим путём, но времени на выбор мне не оставили — на крыше одного из тетронских болидов приоткрылась супрессорная установка.

Я крутанул фаэт налево, вниз, снова вверх и рывком

перебросил в соседний коридор над площадью, названия которой не знал. Со всех сторон тревожно сигналили и, наверняка, отчаянно ругались. Чуть не впечатавшись в борт оранжевого «Крейса», я в последний момент выкрутил тягу, проскользнул под его днищем, и сместился в новое течение.

— Байши!

Тетроны, конечно же, повторять рисковый манёвр угонщика не стали. Но распугали и прорядили поток сиренами, а затем перестроились так ловко, что наш разрыв увеличился едва ли до сотни метров.

Яркие рекламные огни за бортами моего фаэтона размылись в пёстрые подвижные ленты. Когда «Спитц» менял высоту, в животе неприятно булькала шикарная пайма «восьмицветников». На глаза начало поддавливать, а предплечья свело, как если бы я собственноручно построил Ограду Покоя.

Перед Тысячей Дорог я всё же замедлился.

Первой мыслью было нырнуть в объезд Гариб-базара, чтобы затеряться в Под-Глянце, но мне тут же вспомнились несговорчивые ракшак на блокопостах. Тогда, взяв предельную высоту, я направил «Спитц» к северной оконечности Базара Бедняков. Может, маршрут снова был выбран не самый удачный, но до Колберга через Бонжур-то как-нибудь доберусь. Кроме того, это снизит шансы схлопотать «дружественную» фанга.

Чёрные капли преследователей на дисплее заднего вида в очередной раз начали увеличиваться в размерах. Здесь, над основным массивом движения в коридоре, да ещё и с редеющими попутчиками, они точно осмелятся стрелять…

Ругнувшись сквозь стиснутые зубы, я срезал перекрёсток и снова внёс хаос в полётное движение. За кормой взвизгнуло, громыхнуло, а на колёсно-проезжую часть рухнули два сцепившихся фургона. Из клубов дыма, оставленного ими в воздухе, тут же вынырнули, не замедлившись ни на миг, мои догонятели. Теперь стрелковая установка открылась и на втором фаэтоне.

Я снова сменил оживлённую улицу. Мягко подскочил в параллельный коридор, снова вырулил на самую окраину Тысячи Дорог, заложил вираж… и вдруг время для меня остановилось.

В паре километров левее внизу виднелась граница Под-Глянца, к северу перетекающая в периферию Бонжура. Я с лёгкостью узнавал площади, дворы, развязки и парковки перед торговыми центрами, каждая из которых носила метку не только района, но и держащей её казоку.

От угла до столба, от вышки до здания, от моста до спуска в Такакхану я был способен за долю мгновения прочертить

незримую мысленную границу, нерушимость которой в меня вбивали все последние годы.

Так вот теперь эта граница стала настоящей.

Воплощённой в реальность.

Почерневшей.

И очень опасной.

Наверное, ещё масштабнее это бы смотрелось с ветростата. Или с башни на крыше самого рослого из окрестных комплеблоков. Но буду честен — впечатляло даже с моей высоты. И за те несколько ничтожных секунд, что я ошалело пялился в окно (напрочь забыв о вооружённых «тупомордых» на хвосте), в сознание ворвался такой массив информации, что закружилась голова.

Ракшак теперь наступали на Бонжур открыто, единой длинной волной, растянув подразделения по всему рубежу района. На их правом фланге, действуя столь же слаженно, но чуть менее прямолинейно, двигались боевые стаи «Уроборос-гуми».

Почти каждая высокая точка была занята тактическими командами со снайперским оружием: изнутри осаждённой территории они сбивали координирующие беспилотники, снаружи — лупили по стрелкам.

Почти везде по линии противостояния полыхали пожары — от перегородивших улицу баррикад из фаэтонов и хлама, до жилых комплеблоков и молов. Под градом фанга сновали обезумевшие службы. Одни пытались безуспешно спасать мирных чу-ха от огня, другие тащили раненых. Там, где наступление ракшак имело бреши, вспухли рои демонстраций, причём как в Бонжуре, так и в тыловых районах нападавших.

Вереницы беженцев, ускользающих из моего района по тайным межзаборным тропам, казались ручьями грязной воды. На пятаках, где «тупомордым» удалось пробиться в Бонжур и оттяпать кусок гнезда, их укрепрайоны без устали осаждали визгливые местные с транспарантами и детёнышами на вытянутых лапах.

Ракшак торопливо монтировали системы заслонов и местами даже применяли силу, но в основном по безоружной толпе сородичей палить пока не спешили.

Там, где их, напротив, вышвырнули из Бонжура, я заметил многочисленные бригады добровольцев, спешащих на возведение новых баррикад. Конечно, каждый второй из этих помощников уже через час планировал переквалифицироваться в честного мародёра, но пока их помощь казоку была нужной и даже незаменимой.

Наверное, я моргнул. Потому что в вязкой патоке замедлившегося времени сменился слайд, и теперь моё внимание сосредоточилось на участниках сражения. А их, не считая упомянутых «Уроборос-гуми» и противостоящих им «Детей заполночи», вдруг нашлось весьма немало.

Как я прикинул чуть позже, раз за разом потрясённо перелистывая вплавленные в память картины, помочь обеим сторонам пришло очень много прочих хвостатых. Причём пришло официально, с поднятыми головами и клановыми знамёнами, торжественно изымаемыми из хранилищ казоку исключительно во время крупных гнездовых войн.

На обороне одного их бонжурских моллов я заметил казоку «Гладкие животы». Забавные были ребята, повёрнутые на татуировках настолько, что начисто брили плечи и животы, сплошняком заколачивая их ритуальными узорами, а затем носили одежду с прозрачными вставками, чтобы устрашать врага.

Их главное знамя было сшито из шкур убитых врагов, причём, если судить по виду и состоянию стяга, случилось это не меньше ста лет назад. Что ж, если Бонжур устоит, сегодня «Животы» получат прекрасную возможность обновить клановую святыню…

Им противостояли, если меня не подвело зрение, «Острозубы», чьим тотемом было колесо на узловатом шесте, украшенное сотней бумажных вымпелов, на каждом из которых писалась клятва. Про этих я знал мало, только то, что бедолаги помешаны на фигурном подпиливании резцов, а Когти банды даже меняли их на остроконечные импланты.

В точке, где проспект Смиренного Служения покидал Бонжур и входил в чуть более пристойный Глянец, подступы к «Аркаде» обороняли парни из «Возрождения и Счастья». Я мало чего помнил о них, кроме неуёмной страсти к повальной модернизации гендо и серьёзного долга перед Нискиричем фер Скичирой. Который, судя по всему, они сейчас и отрабатывали плечом к плечу с чёрно-жёлтыми жилетами и… «Вёрткими прыгунами».

На «ВиС» наседали — пытаясь просочиться через дворы комплеблоков и узкие проходы между фермами, — чудаковатые «Истоки». Странные парни, сами себя именующие «традиционщиками».

В любую погоду и в любых условиях облачённые в старинные накидки с кушаками, в деревянных сандалиях с выемками под когти и ещё более нелепых шляпах, в среде серьёзных казоку они считались чем-то средним между блаженными и выпендрёжниками.

Учитывая ненависть «Истоков» к стрелковому оружию и использование исключительно холодного от мечей до перчаток с выдвижными клинками, в этой уличной свалке им светило ничтожно мало. Втянувшись в массовую свалку таких казоку, как «Уроборос-гуми» и «Диктат Колберга», они рисковали навсегда вписать своё честное имя в летописи кланов гнезда и… торжественно сгинуть в мясорубке.

Я был готов поклясться самым дорогим в жизни (кроме Ч'айи, разумеется), что за считанные мгновения опасного виража эта панорамная картина застыла в моих глазах в самых мелких деталях, позволявших без колебаний указать даже на такие мелочи, что с северо-востока выходы из Глянца и Под-Глянца удерживали знамёна «Искрящегося света», а с западной оконечности Тысячи Дорог, вперемешку с ракшак, пытались прорваться штандарты «16/89»…

Вне всякого сомнения, если рубежи не падут в ближайшие часы, к утру следующего дня в свару втянутся и новые кланы от поганых «Бритых хвостов» до серьёзного, но совершенно не публичного «Ледяного ветра» из северных районов.

О, Всемилосердная Конаге Но, три четвёрки проклятий посылаю я на тот недобрый день, когда в «Кусок угля» припёрся Подверни Штанину, ведь не возьмись глупый терюнаши за его робкий и почти безденежный заказ…

…время снова понеслось со скоростью супрессорной фанга. Миг вколачивания образов в сознание Ланса фер Скичиры сошёл на нет, лопнул стеклянной колбой, взорвался гулом сирен и взрывов, и «Спитца» опасно понесло к границе полётного коридора.

Я приглушённо вскрикнул…

Ну ладно, не совсем вскрикнул, а закричал…

Хорошо, без вранья: я завопил, вцепился в рулевые колонки и швырнул фаэтон вправо. Чёрные капли тетронских болидов настигали, готовые к стрельбе. Мимо с посвистом проносились туши комплеблоков, и вот тогда-то мелкий демон из свиты Бансури и дёрнул меня за рукав.

Слева вырос огромный жилой тысяченорник с тоннелем для сквозного транзита в грудине. Один из тетронских преследователей дал предупредительную очередь, и супрессор прочертил яркий пунктир на массивной колонне эстакады магнитного подвеса. Через секунду я выкрутил рули и бросил «Спитца» влево, под силовую эстакаду «сквозняка». А затем ещё дальше — в тоннель внутри комплеблока.

Не самое разумное решение, признаю́.

Но винить в этом предлагаю уже упомянутого беса…

Тяга силового коридора, разумеется, почти сразу пропала, но к такому исходу я был морально готов. Выдвинув колёса, «Спитц» тяжко скакнул по дну тоннеля и, не сбавляя скорости, рванул к яркому овалу выхода в сотне метров впереди.

На секунду показалось, что мой сумасшедший манёвр гарантированно стряхнул тетронов с хвоста… но уже в следующую они влетели в тоннель следом. Рухнули на дно, тоже вихляя, но стараясь не сбрасывать темпа, и ринулись дальше.

А ещё через один удар обезумевшего сердца терюнаши навстречу на дикой скорости ворвался состав сквозного транзита. Железная змея надвинулась, заставила заорать пуще прежнего, а «Спитц» дёрнуло влево, вскидывая почти на покатую стену тоннеля.

Видимо, следом за демоненком Бансури в Тиам для равновесия снизошла одна из покрытых перьями хранительниц из стаи Чооты Пар. Потому что иначе и вовсе не объяснить, каким образом мой фаэтон буквально на полметра разминулся с громыхающей цепью вагонов, даже не оцарапав краски…

Один чёрный фаэт «полосатых рубашек» манёвр повторить успел; второму повезло куда меньше. «Сквозняк» принял его точно в лоб, за мгновение искурочил в бесформенную груду рваного железа и горящей электроники, и вышвырнул из трубы внутри комплеблока, будто невесомую пушинку.

Я осознал, что всё ещё кричу.

Рывком перестроил «Спитц» обратно на дно, а затем тоннель кончился, и угнанная красотка Таакин-Кара отправилась в свободный полёт. В котором мне уже не могли ни помочь ни демоны, ни хранители, а только память об обустройстве окраин Бонжура. И если за последний год хоть что-то поменялось, или ремонтные бригады перенесли опору коридора на десяток метров южнее, то Ч’айя уже никогда не…

Ничего не поменялось. И опору никуда не перенесли.

Врубив ложную тягу, я позволил «Спитцу» спикировать ещё на пару десятков метров, а затем задрал капот, дёрнул рулевые колонки вправо, и юзом вошёл в полётный коридор вдоль туши массивного тысяченорника.

Силовые объятья подхватили меня буквально в пяти метрах над землёй, под задним бампером хрустнула чья-то крыша, завопили прохожие и гендоисты.

Полётный поток основательно поредел, причём уменьшилось как количество попутных фаэтонов, так и встречных. Выкрутив влево, я тут же перестроился в новый коридор и погнал на запад над здоровенным кварталом открытых общественных уборных.

Мощь и новизна удерживающих установок тут были самую

малость похуже, чем в Чучсин или Каменных Садах. Разве что вдвое, ага. А потому брюхо «Спитца» едва не задевало бетонные стены — я нёсся над внушительным лабиринтом из коридоров и кабинок без крыш, вонь от которых пробивалась даже в герметичный салон.

Вдруг похолодев, судорожно дёрнул кистью, и в самый последний момент уклонился от нежданной супрессорной очереди в корму. Тяжёлые фанга прошили задние двери фургона с эмблемой «Камуяпи», летевшего чуть впереди меня; он вздрогнул и ухнул вне поля зрения.

Сука! Байши! Драть твою мамку под хвост! Второй тетрон сумел повторить мой манёвр свободного падения на знакомый коридор, и теперь снова пристроился на загривок!

Ситуация определённо накалялась, а беседа переставала удерживаться в рамках приличия и благовоспитанности. Я снова увеличил скорость, постаравшись не сорваться в лакуну коридора и не утопить верный «Спитц» в реках коллективного дерьма. Оставил за спиной подбитый фургон, дёрнулся на перекрёсток, но вовремя заметил свето-струнную заглушку, перегораживающую не только «полетку», но и дорогу под ней.

Верно. Байши, ну конечно, верно!

Мне не прорваться в Бонжур через увиденный от Тысячи Дорог фронт. Да и коридоры наверняка выключены не только по периметру района, но и на стыке Колберга и Глянца…

На дисплее заднего вида снова возник фаэтон тетронов. Прилипчивый, гадёныш. Решил выслужиться перед хозяином угнанной милашки? Или отомстить за гибель напарников под брюхом сквозного транзита? Ни то, ни другое меня не устраивало…

Я в очередной раз отжал рули.

Поразился, до чего мягко и точно болид реагирует на управление, а затем направил «Спитц» туда, где (готов биться об огромный заклад!) подобных моделей фаэтонов не бывало отродясь. Ну или разве что в разобранном виде… В общем, я выскользнул из ненадёжного полётного канала, снова брякнулся на упругие гоночные колёса и двинул к ближайшему тоннелю спуска в Нижний Город.

Видит Благодетельная Когане Но… и все другие божества, включая Двоепервую Стаю, видят — я не любил погони. Да, участвовал. И уходил, и догонял. Но до чего же они казались мне опасными и непредсказуемыми! Особенно, когда речь шла о разбитых дорогах Такакханы… но другого варианта пробраться в Бонжур я сейчас не находил.

Виртуа-Лансы хором поинтересовались, не стоило ли

придумать способ возвращения *до того*, как над лицом задвинулась крышка гроба сааду Пикири?! Я в сольном порядке отправил их недовольную стаю сосать хвосты.

Тоннель (не перекрытый, но пустынный) втянул меня, как каплю влаги в жаркий день. Что ж, как ни крути, а это было единственным способом избавиться от тетрона, ловкого настолько, что повторил все мои трюки. Однако же соваться в Нижний Город, да ещё в разгар вооружённых беспорядков, этого он точно не… сука! Он всё же решился на отчаянный поступок, по-прежнему болтаясь на хвосте и целя из супрессора!

Скатившись с эстакады, я взял резко влево.

Почти тут же вывернул в другую сторону, и понёсся по жидкому дерьму узкой улицы, стараясь не сбить ни одного обдолбанного пешехода. «Тупомордый» устремился за фаэтоном Таакин-Кара с упорством, достойным куда лучшего применения…

Я снова свернул. И ещё раз, стараясь не потерять ощущение пространства над головой.

С запоминанием названий местных улиц у меня всегда было так себе. Да и с самими названиями, нужно признать, тоже обстояло так себе, ведь большинство обозначалось или непристойными кличками на грязном наречии, или номерами — говорили здесь на таком диалекте нихонинди, что и большеухий бы не разобрал.

Поэтому с данной секунды мой маршрут выглядел так: с Засранной я перескочил на Задристанную, оттуда срезал до Вонючей, там крутанулся по площади Выродков и двинул по проспекту Тяжёлой Дури, искренне надеясь, что всё ещё мчу на запад.

Тетрон, разумеется, следовал по пятам. Слегка помятый, с откровенно сбитым прицелом супрессора, но всё ещё полный решимости догнать и покарать.

Обожаю профессионалов, доводящих любимую работу до конца!

Мышцы сводило всё сильнее. Более того, в какой-то момент мне вообще показалось, что не смогу разжать пальцы и отпустить рулевые колонки. Сердце продолжало отплясывать в ритме канджо-транса, глаза заливал пот. Несмотря на напряжение, тревогу и неотступное чувство скорой гибели, я осознал, что краем сознания отмечаю знакомые места Нижнего Города.

Неподалёку от вон того уютного дома я, кажется, допрашивал местного торчка.

А вон там меня пытались намотать на заточку.

От этой фабрики мне пришлось удирать на своих двоих, и я едва не лишился обеих…

А ещё я вдруг заметил, что Подпол Дна *пришёл в движение*.

Как змея, до поры дремавшая в подполе. Начала двигать кольцами. Всё громче шипеть. И было сложно сказать — это сонные потягушки или готовность к атаке?

Я бы ставил на второе. Особенно с учётом того, какое веселье сейчас заваривалось прямо над нашими головами. Нижний Город, как младший брат с задержкой в развитии, вообще был склонен гипертрофировать происходящее выше.

Если на свежем воздухе сдержанно радовались — тут вовсю ликовали. Если там массово и корректно выпивали в честь праздника — тут целыми кварталами надирались в такую хламину, что не узнавали родных. Если наверху начинали едва заметно роптать и выходить на улицы с протестами — тут без раздумий резали неугодных собратьев.

Как этот баллон со сжатым газом должен был отреагировать на противостояние Бонжура и «Уроборос-гуми»? Улучив момент и *увидев*, я вдруг это осознал.

В каждой грязной подворотне, в каждом полутёмном дворике и закоулке Нижнего Города под границей моего района закипала оживлённая суета. На фаэтоны навешивали противофанговые листы и укрепляли колёса цепями. То здесь, то там кучковались разнобойные стайки чу-ха вида настолько мрачного и неприглядного, что на их фоне «Дети заполночи» казались благочинным коллективом на жаловании Смиренных Прислужников.

На улицах почти не виднелось случайных прохожих. Все спешащие куда-то были сосредоточены, и явно выбрались из вонючих нор не овощей прикупить.

Я снова свернул на юг, тетрон не отставал.

Скользя по спрессованному мочевиной песку, переметами расчертившему трассы Такакханы, мы продолжали странный танец, в котором пересекли уже несколько районов гнезда. А затем в этом танце появились новые участники, и не могу сказать, что оказался им очень рад.

На следующем пустом перекрёстке сбоку на меня выскочила «Барру», утяжелённая таранным бампером и листами на окнах. Попыталась сходу садануть «Спитц» в правый борт, но я успел заметить угрозу, прибавил скорости, чуть не снёс столб, но разминулся с ублюдками.

Второй фаэт такакханцев — немолодая «Габи» со свежевыкрашенными языками пламени на капоте и столь же свежесобранным штативом под супрессор на крыше, — вынесся на перекрёсток следом, чуть не сшибившись с болидом тетронов. В люке, заверещав дико и пронзительно, мгновенно нарисовался

стрелок.

Ну конечно… они засекли «Спитц». Дорогой, прилизанный. Стоимостью в парк фаэтонов десяти кварталов Такакханы. Сообщили по живой цепи от двора ко двору, от парковки к парковке. А затем бросились на охоту, и азарту не помешало даже наличие законников…

Теперь мы мчали по улицам Нижнего Города вчетвером: едва не нагонявший меня таранщик слева по борту, тетрон на хвосте, и замыкавший процессию «Габи». Увы, но здесь — на дорогах дрянного качества, да ещё и замусоренных, — наши с «тупомордыми» скоростные звери теряли перед ржавыми тазами нижнегородцев любые преимущества.

Супрессор на крыше бандитского фаэтона застрекотал. Чёрный транспорт тетронов вильнул, уклонился. А затем крутанулся на месте, заюзил по поперечному бархану, пропустил «Габи» мимо себя и в прямом смысле слова в упор вскрыл его встречной очередью бронебойных фанга от передних до задних колёс.

Я до боли в запястьях вывинтил рули и снова свернул на запад.

Отсчитал полдюжины нужных полукварталов, чуть не ушёл влево на широкую эстакаду… но знакомый подъём в Бонжур был не просто перекрыт шлагбаумами, но наглухо запечатан нагромождением плит.

— Байши!

Я вовремя ускользнул с эстакады, швырнул фаэт в круговой занос и вернулся в недра Нижнего Города.

— Да как же, сука, так?!

Чу-ха на обочинах и балконах трёхэтажных домишек вопили вслед погоне. Кто-то даже пытался стрелять вслед, но впустую. Один раз из окна бросили самодельную бомбу, но она не только не взорвалась, но даже не долетела до проезжей части.

Двое хвостатых попробовали метнуться наперерез «Спитцу» с самодельной шипованной лентой в лапах. Но я вовремя заметил, опередил и зацепил ближайшего самым краешком бампера. Торчка унесло, натурально размазав о металлический забор, и напарник погибшего тут же потерял интерес к перехвату.

«Барру» продолжал тянуться к моему заднему бамперу. А ещё в его переднем пассажирском окне теперь торчал визгливый ушлепок, размахивающий башером. Пару раз он даже пальнул в мою сторону, но фанга просвистели мимо. «Габи» и тетронского фаэтона на дисплеях больше заметно не было.

«Спитц» метнулся к очередному выезду в верхний — чинный и благополучный даже в огне, — Юдайна-Сити. Бледношкурый

водитель «Спитца» тут же взвыл, ещё раз слетая с очередной замурованной эстакады и повторно углубляясь в благоухающие недра Подпола Дна.

— Сучий ты потрох!

Если подъёмы запечатали и к западу от Глянца, я в настоящей ловушке. И единственным спасением оставался обратный прорыв в восточные районы Такакханы. Чего мне, разумеется, делать категорически не хотелось.

Что ж, приходилось признать, что на улицах Бонжура и Колберга сейчас заправляли отнюдь не дураки — снаружи запечатав спуски-подъёмы, они ясно дали понять, что догадываются, чем чревато любопытство подземных соседей к уличным волнениям наверху…

«Спитц» без устали летел по улицам Такакханы, но я начинал испытывать лёгкий озноб — это чутьё подсказывало, что долгой последующая погоня не будет. Примелькавшийся бирюзовый болид либо подстрелят из окна, или остановят шиповкой, или самоотверженно протаранят на очередном перекрёстке…

Руля одной рукой, я застучал по сенсорному клавиатону приборной консоли. На виражах особенной возможности выискивать нужную ячейку у меня просто не было, особенно под визгливый аккомпанемент пролетающих мимо фанг и собственных молитв, чтобы «Спитц» не налетел на слишком большую кучу мусора.

Поэтому я распахнул максимально широкополосный канал в Мицелиум и выкрикнул единственное слово, которое сейчас услышат (если не помешают помехи) миллионы свободноплывущих хвостатых… и один конструкт:

— Помогай!

На следующем повороте «Барру» всё же умудрился сократить дистанцию. Пробно, почти вежливо стукнул «Спитц» в корму. Фаэтон повело, но я удержался на дороге. Прибавил, оторвался, перескочил по мосту и постарался не задумываться, через реку чего тот проложен.

Консоль молчала, равно как и гаппи.

Борф в окне «Барру» снова взялся палить, и на этот раз одинокая фанга с ощутимым *дзоннng!* впечаталась-таки в мой багажник.

«Болтушка» откликнулась короткой вибрацией, но за ней не последовало ничего. И когда я уже был готов взвыть от отчаяния и напряжения, консоль показала — сигнал подхвачен и отсечён до единоостаточной полосы.

Знакомый голос в заушнике чуть не взорвал мне череп изнутри:

— Ну что, дружок, довы*бывался?

Что ж. Рано или поздно это должно было произойти. Так почему не во время безумной погони сквозь все уровни и районы Юдайна-Сити?!

— Ты должен помочь! — рявкнул я.

Фаэтон занесло на повороте, и зубы клацнули, опасно оцарапав язык.

— Что ж, это и правда так, — не без усмешки в голосе признал Песчаный Карп, также известный жителям гнезда, как казоку-хетто «Уроборос-гуми» Данав фер Шири-Кегарета, мне лично — как воплощение древнего божества Абзу. — Но в процессе выполнения приказа, какая жалость, я могу потерять стержневое присутствие, сисадда?

«Спитц» едва успел проскочить в щель недостроенной баррикады, которую местные ублюдки торопились навалить на пути моего следования. Кажется, «Барру» гонял меня кругами. А ещё он теперь был не один — к погоне присоединилась очередная «Габи», на этот раз без крыши и с двумя орущими пассажирами. Один крутил на цепи контактную бомбу, второй размахивал ассолтером.

— Какой же ты мудак, Карп! — процедил я, сворачивая к ещё одному подъёму в сторону Ишель-фава. — Немедленно помоги мне выбраться! Это приказ, сисадда?!

— Приказываешь *мне*?!

В заушнике взревело, и я в красках вспомнил огромного змея, извивающегося за стеклянной перегородкой с сотнями мудрых высказываний. Как бился и скалился он, мифический, но вполне реальный, заставляя слабых духом срать в штаны. Но раз я не испачкал портков в «Слюдяном мосту», то почему должен сделать это сейчас?

— Да, тебе, сученыш! И ты меня хорошо понял! Выводи меня из Нижнего Города, немедленно, живым и целым!

п.5.; г.6; ч.2

— Ладно-ладно, не ори… — Я представил, как более миролюбивое свето-струнное изображение Песчаного Карпа качается на пятках и приглаживает усы. — И без твоей истерики обязан это сделать… ну, или вроде того. Но когда дойдёт до подсчёта добродетелей, ты должен помнить, что твой движок я не дал заблокировать ещё двадцать девять минут назад.

Я хотел что-то ответить. Обидное, наверное. Но не нашёлся, и только стиснул челюсти. Вот, значит, как?

— На следующем повороте направо, — приказал Абзу, а в багажник «Спитца» вгрызлась ещё одна фанга. — Теперь снова направо. На развилке бери левее и выжимай скорость на полную.

Я бросил фаэтон по указанной дороге, прошёлся по её изгибу на задворках приземистого ангара, а затем… проезд упирался в кирпичную стену. Я остановил фаэтон, с секунды на секунду ожидая таранного удара в корму.

— Это тупик!

— Да не мороси ты, — Карп определённо покривился. — В конце проезда над тобой будет технический колодец, сисадда?

Я пригнулся к приборной доске, извернулся и рассмотрел тёмную «крышу» Такакханы. Мой взгляд заметался по бетонным заглушкам, свиткам кабелей, пушистым наростам вьюнообразного ила и техническим стокам, из которых на крышу ангара медленно текло белёсо-склизкое.

— Нет тут никакого колодца!

— Есть, Лансик, не спорь со старшими, — отрезал Ширикегарета с отеческим спокойствием в голосе. — Со стороны Нижнего Города он закрыт лёгкой пеноплиточной заглушкой, к тому же замаскирован свето-струнной вуалью, сисадда? Сразу над колодцем в Колберге находится силовой коридор. Поэтому сейчас ты разгонишься, снимешь ограничение скорости и активируешь взлётный рывок по моему сигналу.

— Твою же мать…

— Не бзди. Я дам сфокусированный импульс через заглушку, и тебя буквально высосет на поверхность, сисадда? Колёса не убирай, там сразу рули влево. Будь готов, что изрядно тряхнёт. А теперь пора давить на газ!

Я оцепенел. На развилке за спиной показались фаэтоны местных выродков, притормозили. Мохнатые ушастые бошки завертелись по сторонам, а затем один из преследователей углядел габаритные огни «Спитца».

Мой палец упёрся в бортовую консоль и сбросил

ограничители. А, байши, лети оно всё в бездну к Бансури и глубже! Если бы Песчаный Карп действительно хотел избавиться от меня, сделал бы это куда раньше и куда проще…

Фаэтон Таакин-Кара ринулся вперёд.

Китить твою мамашку, Ланс фер Скичира, во что ты вообще ввязался?!

«Спитц» почти без труда набрал нужную скорость, заставив подумать: если Князь-Из-Грязи пошутил, сейчас мной основательно покрасит стену тупика… Когда до неё осталось не больше десятка метров, транспорт загудел, а приборы мгновенно засбоили.

— Врубай! — рыкнул Абзу в моей голове, и я послушно выкрутил мощность для прыжка.

Электроника «Спитца» взбесилась, но ускорители сработали исправно — фаэт подкинуло, вздёрнуло капотом вверх, крутануло, а затем мшистый «небосвод» Такакханы надвинулся, и я непроизвольно закричал.

Удар оказался сильным, но системы безопасности фаэтона стоили своих денег — сдавили мягкими подушками, мягко удержали в эластичной сбруе. Гордость солиста «Восьмого цвета радуги» (и по совместительству в недалёком будущем массового отравителя) пронеслась сквозь бесплотную маскировочную вуаль, крышей вышибла заглушку и устремилась вверх в просторном круглом колодце.

Верхняя маскировочная плита оказалась ещё более хлипкой, но повторный удар всё равно заставил меня вздрогнуть. Во все стороны брызнули обломки пенополотен, внушительные фонтаны пыли и детали разбитого крепежа.

Яркий свет резанул по глазам, но фильтры на стёклах грамотно погасили вспышку.

Продолжая вопить, я бросил сопротивляющегося «Спитца» влево и пружинно затанцевал на краю пустого полётного коридора. Причём, судя по окружающей обстановке, давно не использовавшегося — его дуга проходила через заброшенную промышленную зону, а мой спасительный колодец, как оказалось, занимал бóльшую часть старой инженерной постройки.

Над дырой, опасно раскачиваясь, нависали ржавые подъёмные системы, одну из которых «Спитц» таки задел и сейчас она раздумывала, а не прыгнуть ли?

— Полагаю, я выполнил приказ? — Абзу в заушнике легко рассмеялся.

Точечная мощность коридора тут же схуднула до нуля, и я едва успел приготовиться к падению фаэтона на колёса.

Выругался, смял мешки безопасности, срезал ножом и

выбросил в окно. Проверил приборы, перераспределил тягу и, наконец, вырулил из старого короба, мечтая как можно скорее оказаться подальше от пугающего провала. За кормой, жалобно взвизгнув переломившимся железом, в Такакхану всё-таки рухнул вспомогательный подъёмный кран.

— Выполнил, — только теперь пробормотал я, едва ворочая сухим распухшим языком.

— Ты не поверишь, Ланс, но был искренне рад оказать тебе эту помощь!

Господин Киликили откровенно улыбался, но злобы или давления себе не позволял. А затем всё же разложил игральные фишки портретами вверх, ввернув присущее для сценарного конструкта:

— Я тебя понимаю, пунчи Ланс, но прошу и встречного шага. Мои казоку-йодда и их союзники почти вошли в Бонжур. Исход неизбежен, старина, и мне искренне жаль такого поворота событий. Так может, пока не поздно, нам пора спокойно поговорить и взвесить все существующие точки зрения? Поверь, Ланс, когда ты узнаешь мою и сопоставишь с потенциальным будущим собственного вида…

— Я благодарен за помощь, — я кивнул в пустоту и вдруг пожалел, что вместо паймы в рюкзаке не завалялась фляга с водой, — правда благодарен, не вру. Но твою точку зрения мне уже пояснили… И раз уж ты делаешь всё, чтобы не помогать стратегии Диктатиона, то перестань нам мешать, Карпик. Если угодно, считай это приказом…

— Ах, Ланс, я тебя слышу. Но ты упорно отказываешься от взвешенных переговоров. Пойми, я…

— Куо-куо, Князь…

И я погрузил гаппи в тишину. После затяжной погони, пальбы и наполненных воплями смертельных трюков она показалась давящей и тревожной.

Почти минуту массировав ноющие от напряжения предплечья, я снова взялся за рули и запустил диагностику систем. Несмотря на перегрузки, пробоины, вмятины и общую потерю высокорожденного лоска, «Спитц» оказался вполне на ходу.

Стараясь не перегружать двигатель, я осторожно покрутил фаэт по промзоне, нашёл выезд из опустевших корпусов и выбрался на ближайшую улицу Колберга. Двинулся к полупустому продуктовому рынку, считал вывески и координаты, и только теперь сориентировался, насколько далеко оказался от Пузырей.

На юго-востоке, по левую руку от меня небо продолжали

расчерчивать разногустые столбы чёрно-серого дыма. Десятки медлительных ветростатов, словно стаи сказочных зверей, в вялом испуге тянулись в разные стороны от зоны боёв; некоторые были определённо подбиты, а один прихлопывал огромными лоскутами вспоротого брюха, которыми в итоге и зацепился за мачты на крыше высотки.

К месту моего выполза из Такакханы бойня ещё не подступила.

Но пустые прилавки и тротуары, суета подозрительных хвостатых в подворотнях да приглушённые взрывы в соседних кварталах намекали, что скоро фанга засвистят и здесь.

Дороги тоже избавились от суеты, и лишь время от времени по ним с дикой скоростью проносился одинокий гендоист. Детские площадки выглядели осиротевшими. Во всех окрестных комплеблоках обитатели нор начали заколачивать окна.

Я расстегнул ленты безопасности, извернулся и стянул пальто. Сорвал шторку с водительского окна, снял пропотевший чёрно-жёлтый жилет и угнездил его под рукой.

С каждой секундой выбор украденного транспортного средства представлялся всё более неудачным — ворваться на этой вистар от мира фаэтонов в точку противостояния ракшак и разъярённых бонжурцев казалось равносильным призыву расстрелять её с обеих сторон…

Перебравшись через торговую площадь, я взял курс на запад. Двигаться старался без лишней суеты, но и не с черепашьей скоростью. И уже на следующем свороте в квартал комплеблоков меня встретил местный аналог «сухой петли».

Непривычно пустынную проезжую часть заступили не меньше десятка силуэтов — крепкие, плечистые, почти все с ассолтерами на груди. И без какого-либо намёка на опознавательный знак казоку.

Я выставил жилет в окно, сбавил скорость; одновременно вынул «Наковальню» из кобуры и аккуратно пристроил у бедра; очень-очень медленно приблизился к живой цепи через дорогу.

Выключил двигатель.

— Меня зовут Ланс фер Скичира из казоку «Дети заполночи», и моим отцом считается Нискирич фер Скичира! — громко, но без вызова бросил я в открытое окно. Вторая рука всё ещё лежала на бортовой консоли в приятной близости от рукояти башера. — Кого имею честь лицезреть перед собой?!

Морды троих ближайших чу-ха исказились, будто им дали понюхать свежей мяты. Один прочертил на горле охранный знак, второй мелко сплюнул под собственный хвост. Третий едва слышно прошипел: *«терюнаши!»*, и мотнул башкой в сторону.

Сейчас я смог разглядеть, что одеты патрульные были вполне пристойно, а сбоку — в тёмном проулке, замаскированный тряпками и жестяным листом, — громоздилась тренога тяжёлого супрессора.

Вместо открытого ответа на мой вопрос ещё один хвостатый — крупный, неторопливый, определённо Коготь или близко, — неторопливо прошаркал к жёлтому «Хиндаба» у обочины и столь же неспешно открыл багажник. Вынул одноцветную же шляпу-котелок, с многозначительным оскалом натянул на макушку.

Я выдохнул сквозь сжатые зубы и облегчённо убрал руку от башера.

Что ж, пусть и неофициально, но союзники «Диктата Колберга» тоже готовы втянуться в драку. Это радовало. Это безумно радовало.

— Пусть будет чистым небо над казоку-шин «Жёлтых котелков»! — кивнул я, переложил жилет на колено и потряс скрещёнными пальцами.

— Пусть процветают «Дети заполночи» и их мудрый казоку-хетто, — с прищуром и лёгким поклоном ответил безымянный Коготь. Бережно вернул шляпу в общее хранилище, закрыл. И вдруг добавил, едва заметно покачав головой: — Ты в безопасности, терюнаши. Но должен знать, что ещё несколько лет назад я говорил братьям, что твоё появление в гнезде несёт большие беды.

Я с пониманием кивнул. Молча, нужно заметить.

Ох, до чего же мне хотелось ответить на эту колкость… Но усталость от погони, необходимость как можно скорее вернуться к Ч'айе и подступающий фронт настоящей бойни намекали, что лучше смолчать.

— Твоя честность достойна уважения, пунчи…

— Чем «Жёлтые котелки» могут помочь терюнаши?

— Мне нужно как можно скорее и без происшествий добраться до Пузырей.

Честный хмыкнул, изогнул бровь и покосился на худенького йодда за левым плечом. А я только сейчас заметил (и изрядно ошалел), что тщедушный коротышка держит в зубах дымящийся оковалок, скрученный из тонких листов расплющенного «бодрячка». Точь-в-точь, как один известный зеленоглазый пасюк.

Байши, по всему выходило, что я несколько… недооценивал истинное влияние Нискирича Скичиры на Бонжур и его обитателей…

Через две минуты мы продолжили движение — мой истрёпанный обстоятельствами «Спитц» в хвосте ведущего «Барру» с лаконичным значком «Котелков» на водительской

дверце.

Управлял фаэтоном союзников тот самый худосочный боец-курильщик, выбранный Честным. Рядом с ним разместился ещё один громила с ассолтером наготове, специально снятый с «сухой петли» для сопровождения терюнаши. Оба хвостатых едва ли были рады открывшимся перспективам побыть няньками, но если недовольство и выражали, то тайком.

Невысокая скорость позволяла осмотреться, и увиденное удручало.

Несмотря на открытый контроль казоку, грабежей и внутренних беспорядков всё же избежать не удалось, даже на окраинах соседствующего с Бонжуром Колберга.

Почти все витрины скрывались за тяжёлыми решётками или ставнями, менее удачливые скалились зубьями разбитого стекла. Мусорные операторы определённо положили на работу хвост, потому что вдоль обочин росли не только песчаные наметы, но и скопления повседневного бытового хлама.

То тут, то там бесноватую шпану и почуявших волюшку напёрсточников преследовали казоку-йодда в самых разных цветах. Били, подчас нещадно, отбирали награбленное и разгоняли по норам; иногда даже стреляли и отнюдь не для острастки.

На пересечении Ви’ччи-Колберг и 31-ой улицы «Барру» прокатил мимо сгоревших, ещё дымящихся фаэтонов, неподалёку от которых распластался разбитый (и вскрытый, словно консервная банка) тетронский кастура.

На следующем свороте я заметил у обочины труп хвостатого, а чуть дальше — ещё один, причём уже немного занесённый песком.

Не могу заявить, что для *нашей* части гнезда таковое было уж совсем редкостью. Но сейчас в сгоревших транспортах и убитых чу-ха виделось что-то… инопричинное… опасно-чуждое, способное опрокинуть Юдайна-Сити, словно шаткий стол с фишками для игры в моннго.

И всё же взрывы за кормой стихали, как и трескотня супрессорных очередей.

Спустя пару кварталов и вовсе стало казаться, что никакого противостояния нет, а малочисленность чу-ха на улицах и у подъездов объяснялась чем-то иным, не настолько зловещим, как ввод ракшак в жилые районы.

А ещё через двадцать минут наша скромная колонна из двух фаэтов миновала кольцо старинных фабрик. Прошла проверку на усиленном блокпосту, на почтительной скорости подползла к куполам Пузырей.

Я смутно помнил, как прощался с сопровождающими «Жёлтыми котелками», желал им удачи и благодарил… как пронёсся мимо встречающего Виниябы Шау с его шикарными складками многочисленных подбородков… как летел по коридорам, почти не обращая внимания на указатели, двигаясь по памяти и наитию… и в себя пришёл только на пороге комнаты, лицом к лицу с Ч'айей.

Девчонка стояла у стола с консолью, правой рукой вцепившись в спинку кресла так, что посветлели костяшки. Я охнул, вздохнул, сделал робкий шаг вперёд.

Она улыбнулась, тоже подалась ко мне, и обняла… но не жарко, без огненного пульса Куранпу, а бережно и нежно, как обнимают хорошего друга после долгой разлуки.

— Куо-куо, детка.

По всем канонам качественного драматического шоу тут должна была заиграть торжественная, отчасти надрывная и проникновенная музыка. Но в жизни так не бывает, даже у самых талантливых мемоморфистов.

За порогом по-прежнему не было ничего, кроме протяжных сирен на дальнем фоне; кроме перебранок криитов, всё ещё зашивающих бреши после штурма кукуга; кроме командных окриков Когтей, в шлюзовых залах приводящих воинство в боевую готовность.

— С возвращением, Ланс…

Прокашлявшись, я заставил себя отпустить её. Отстранился. Улыбнулся как можно безмятежнее, и бросил с нарочитой ленцой:

— Прости, малышка, вышло чуть дольше, чем я рассчитывал, но…

А затем воспоминания о разговоре с рыжими борфами из «Восьмого цвета радуги» навалились на меня грудой кирпича. Придавили, вышибли дух, заставили вспомнить о страшном.

— *Он* здесь?! — выпалил я.

И, вероятно, что-то в моём лице изменилось — Ч'айя вздрогнула, нахмурилась, а на лбу проступил знакомый тревожный росчерк.

— Нет. Ушёл примерно час назад. Но оставил условную копию самого себя. Она следит и помогает, хоть и без прямого контакта с его/их ядром.

Я поднял голову к потолку. Дурацкий, совершенно лишний жест, но после нескольких разговоров с невидимым джи-там я уже не мог избавиться от привычки.

— Значит, ты слушаешь и смотришь?

— И веду записи, которые проанализирую сразу после

возвращения к стержневому присутствию, — как ни в чём не бывало подтвердил призрак фер вис Кри через системы комнатной консоли.

— Отлично. Как только ты вернёшься в себя, нужно срочно принять меры!

Я сбросил рюкзак, пальто и постарался не думать, как благоухаю после бесконечной погони за рулями фаэтона.

— Сейчас мне понадобится помощь пробиться через помехи! Вы тоже слушайте!

Постучав по гаппи, я перебросил звук на динамики консоли. Выбрал ячейку Аммы и выслал ей ещё одно приглашение к разговору. Если автономный дубликат Диктатиона и помогал, то делал это незаметно, но чистоту сигнала всё же держал.

А вот отвечать мне сестрёнка вновь не торопилась — то ли перевела «болтушку» в режим полного спокойствия, то ли дулась, что я так и не встретился с ней за последние двое суток. Хотя, конечно же, обещал.

Ругнувшись, я забрал приглашение и перешерстил базу до ячейки Чихри Белохвоста. Тот, конечно, сразу откликнулся, но я не позволил дистант-пилоту вставить и слова:

— Так, пунчи, слушай очень внимательно и не перебивай! — Я взглянул на Ч'айю, словно призывая присоединиться к беседе и намекая, что сказанное её действительно заинтересует. — Я говорил с «ВЦР», почти со всеми. Твою мамку под хвост, Чихри, это оказались не слухи! Тише, помолчи! Да, это правда, ублюдки впрямь готовят *бучее самовыпиливание на добрую половину гнезда… Я пока не придумал, как им помешать, но ты обязан любым способом связаться с дочурками и остановить их. И всех, кого они смогут предупредить, сисадда?! На концерт ходить нельзя! И слушать этих сукиных детей тоже нельзя, ты…

— Да угомонися ты, терюнаша! — наконец вставил Чихри, повысив голос и даже прикрикнув. — Разошёлся прямо, разошёлся… Ты неужлито совсем не в курсях? Или не твоя работа ваще?

— В курсе чего?

Я уставился мимо Ч'айи, вдруг ощутив неприятный укол в груди.

— Какая работа?

— Яри-яри, бледножопик, ну ты дал! Скромничаешь, бесяка!

Белохвост неожиданно хохотнул, что показалось настолько неуместным, что теперь у меня оледенела ещё взмокшая спина. А ещё мне показалось, что обеспокоенный папашка-пилот изрядно пьян.

— Вруби любой исправский прокламаторский станц, пунчи.

Найди поток получасовой давности, сисадда? Эй, терюнаши, «вексель» погашен, сисадда? Если верить мицелистам, то ты ток по билетам спас сто восемьдесят шесть тыщь хвостов, сисадда? И ещё полтора мильона с площадей со свето-струнными полотнами, ну. Про «миц-блиц» ваще молчу, там без счёта, но она чот барахлит не по-детенышевски… Выродки ж во всём сознались, яри-яри! Конеч, перед упаковкой суки успели кой-чего накричать мицелистам, и кой-кто в гнезде точно на их приказы присядет, но это не сравнить, сисадда?!

Он тараторил что-то ещё. И ещё, всё столь же сбивчиво и грязно.

А я пялился в угол комнаты, краем глаза замечал искреннюю улыбку Ч’айи, и по-прежнему не мог поверить ушам.

«Ломкая горечь»

Куо-куо, мои дражайшие…

С вами снова Моноспектральная Чапати, если я вообще до сих пор имею право себя так называть. И будь прокляты обстоятельства, вынуждающие меня раз за разом нарушать собственные обеты, и в который раз закрывать дверь крематория снаружи…

Но новость, которую Чапати с благородного разрешения прочих сотрудников агентства «Ломкая горечь» несёт вам на этот раз, достойна того, чтобы нарушить клятву.

Она — будто луч солнца сквозь бурю, беспрерывно бушующую над вашей норой на протяжении девяти дней. Как струя свежего воздуха после смрадной ночёвки в Нижнем Городе, как глоток воды для умирающего от жажды в пустошах за пределами Юдайна-Сити…

И перед тем, как завершить путь чибито и окончить ритуал киуаам-пуджа, я хочу поделиться ею с вами. Непременно поделиться, и даже в эту секунду я ощущаю невероятное облегчение, а на глаза наворачиваются слёзы, обжигающие шрамы на щеках Моноспектральной…

Да, гнездо сейчас переживает не лучшие дни.

Да, его колотит и лихорадит, а наш родной район уже несколько часов сотрясается под ударами, которые наносят друг другу ракшак и преступные стаи Косоглазого и его дружков.

Но тем радостнее слышать — и пусть будет светлым небо над норой того, кто принёс «Ломкой горечи» эту удивительную светлую весть, — что сегодня, фактически на наших с вами глазах были спасены жизни десятков, и даже сотен тысяч чу-ха самого разного возраста!

Слушайте и передайте другим! Агентству «Ломкая горечь» только что стало известно, что все участники музыкальной канджо-транс группы «Восьмой цвет радуги» были задержаны особым отделом «Голубого Лотоса» буквально за считанные часы до начала своего эпохального выступления в «Абиман-Арене».

Любопытно, что операция была проведена очень быстро и почти без подготовки, даже несмотря на участие силовых стай «Лотоса» в подавлении волнений на границах Бонжура…

Концерт, разумеется, отменён, что вызвало беспорядки в Чучсин и окрестных районах. Наши наблюдатели в восточной части гнезда даже говорят о стычках поклонников с тетронами и службами безопасности «Арены», нескольких неудачных попытках отбить музыкантов у агентов «Лотоса» и даже трёх публичных

самоубийствах, совершённых в знак протеста на отмену шоу.

В Штольне пока не спешат комментировать столь поспешное и весьма шероховатое происшествие. Также пока не удалось получить комментариев ни от ближайшего круга музыкантов, ни от гранд-нирмаата «8-Ра».

Однако Моноспектральной Чапати и её друзьям всё-таки стало известно, что задержание — к тому же столь спешное, наполненное ошибками протоколов ареста и грозящее самым настоящим скандалом, — связано с возможной угрозой обществу, которую несли солисты «Радуги» десяткам тысяч обитателей Юдайна-Сити.

Чапати уверена, что в самые ближайшие дни агентство «Ломкая горечь» поведает вам все детали, какие только сможет раскопать вокруг этого сенсационного события. Но у меня уже сейчас есть ряд непроверенных фактов, которым, однако же, Моноспектральная склонна всецело верить.

Да, мои музыкальные и далёкие от протяжных подвываний со сцены: вероятнее всего, ваши расчудесные любимчики-исполнители таких навязших на зубах композиций, как «Пойдём со мной», «Не гладь против шерсти» или «Конфетка» планировали грандиозную по своим масштабам манипуляцию, конечной целью которой стала бы гибель тысяч и тысяч поклонников «самой популярной группы гнезда»…

Не можете в такое поверить?

Чапати сначала тоже не смогла…

А затем вспомнила всё, что происходило с ней только за последние пару недель, и поверила. Да, мои ненаглядные, мы с вами ещё и не на такое способны…

Что ж, вот вам и новость, прочие детали которой вам тоже поведает Моноспектральная Чапати, но уже в новом обличии. Не знаю, как вас, мои мудрые и проницательные, а *эту* Чапати услышанное весьма порадовало… Да, огорчило оттенками безумия и общей нереальности, но всё же порадовало финалом, сисадда?

А на этом я прощаюсь с вами. И надеюсь, что в ближайшие сутки в Юдайна-Сити не произойдёт ничего столь же масштабного, требующего выхода в Мицелиум на потоке станции «Ломкая горечь» и вынуждающего меня в очередной раз отвлечься от исполнения последних обетов…

А ты… если ты вдруг слушаешь, то знай, что Чапати очень за тебя рада.

Правда-правда, в моих словах ни тени лукавства…

Чапати рада, что тебе хорошо с твоим новым пустынным цветком. Почти любой знает, как непросто найти в столь

огромном мире по-настоящему родственную душу, сисадда? А особенно — своего вида… И даже если во всём Тиаме больше не отыщется других… прочих, похожих… я верю, что ты наконец обрёл настоящую — не фальшивую и случайную, — а настоящую семью, за благополучие и процветание которой я стану молиться в любом из мест, куда отведёт меня Благодетельная Когане Но.

А пока… если ты вдруг по какой-то причине слышишь меня в эту самую секунду, я прошу только об одном, Малыш — береги свою бесценную шкуру…

praeteritum

Снова вспоминаю ту самую *ночь долгожданных откровений. И Ч'айю: с поникшими плечами и сжатыми кулаками, только теперь позволившую заметить, как нелегко ей сохранять спокойствие и неподвижность. Почти как чу-ха, которым и двух минут на месте не усидеть…*

Меня прямо подшвыривает сменить тему, чтобы дать девчонке передышку.

— Ты, пунчи, говоришь о небожителях каких-то… А я вот в толк не возьму, как моя скромная персона оказалась в компании таких гениев?

Джнкина-там мгновенно переключается. Был бы живым существом, я бы подумал, что даже с охотой.

— Ты написал кошмар, — просто говорит он. — Многослойный. С нереальным количеством вероятностных сцен. Когда спящему богачу становилось невмочь, он мог силой воли отмотать сон назад, и развитие шло по новой ветке.

Я недоверчиво кривлюсь:

— И это было достаточно, чтобы попасть в одну кассету с учёными и хозяевами дзайбацу?

— Сцен было так много, что просмотреть все якобы не удалось никому. Впрочем, в моих базах есть задокументированные свидетельства двух полных просмотров. Но оба обладателя мнемоморфического пакета попали в лечебницу без шансов восстановить когнитивные функции. Это ли не высокое искусство, Ланс?

Мне становится капельку не по себе. Нет, не капельку. Я ошарашен.

Как бы то ни было, это осталось в прошлом. Сейчас всё иначе. Но напугать сам себя я всё же сумел, пусть и с помощью Диктатиона.

Ч'айя однако же передышку действительно получает.

— …Моя бабка… — говорит она так, словно в горло набилось пыли. — Флориана… где она? Почему ты/вы не разбудили именно её?

Диктатион отвечает тоном заботливого слуги.

— Увы, сударыня, твоя бабушка скрутила хво… Прости. Умерла, — участливо исправляется он. — Прими мои соболезнования. Это случилось незадолго до полноценного старта всей системы. Зато позволило ей контролировать запуск и первые годы спячки контрольной группы. Ты должна знать, что к тому моменту госпожа Флориана была тяжело больна, и не хотела

тащить свою хворь в будущее всего вида. Она сознательно не легла в капсулу. Тогда стержневое присутствие мы поддерживали почти одновременно с Абзу, почти без жёстких разделений, и вместе застали печальный момент её угасания…

Ч'айя вскидывает голову, а в карих глазах мелькает знакомое — хищное, накрепко связанное с Куранпу.

— Я помню её перед сном! — с жаром шепчет девушка. — Точнее, помнила… кажется…

— Всё верно. — Если бы сейчас в комнате находилась полумёртвая марионетка фер вис Кри, в этот момент она бы обязательно склонила плешивую голову. — В это долгое путешествие тебя провожала именно она.

— А мой отец?! Мать?!

— Тебе придётся принять это, Ч'айя, но ещё до заморозки твоего «Корня» отец отбыл. Далеко… Систему решили задублировать твоей сестрой в другой точке планеты.

Кареглазка вскакивает, заставив вздрогнуть.

— У меня есть сестра?!

— Исходя из сказанного, логично предположить, — отвечает джинкина-там, а мне хочется расшибить все до единой консоли в этом белоснежном яйцевидном убежище. — Старшая, как и у твоей титулованной бабки, но свежих данных о ней у меня нет. Однако мне на 84 % известно, что ваш отец погиб вместе с дублирующим «Корнем». Мощнейшее землетрясение. Непредсказуемо мощное для того конкретного региона. Склонен спрогнозировать, что вместе с ним Тиам покинула и…

Губы Ч'айи дрожат, когда с них срывается короткое и почти беззвучное:

— А мама?

— Сесилия Кеменер-Вишванат была убита задолго до активации «Корней». В ходе боевых действий. Далеко не все жители планеты одобряли избранный твоими предками путь консервации.

Я прикусываю губу, отставляю пустую кружку и невольно кошусь на лежащие на кровати башеры.

Внутри всё клокочет. Взрывается волнами недоумения и ярости. Подумать только, наши предки грызли друг друга даже на пороге тотального исчезновения?! Такое возможно?! Однако виртуа-Лансы дружно соглашаются, что сейчас вспышке нужно найти иное применение и у нас есть конкретный объект заботы.

Подступаю к девчонке, всё ещё стоящей столбом. Чуть подрагивающей. Хрупкой, будто пустынный цветок.

— Ч'айя? — спрашиваю тихо, как будто Диктатион не может расслышать. — Ты в порядке?

Мне хочется обнять и прижать её, но благоразумие вновь берёт верх (бывает же!). Она оборачивается, чуть затравлено, но тень Куранпу вновь прячется на дне карих озёр.

— Знаешь, на удивление… — отвечает Ч'айя, удивив вмиг окрепшим голосом. — Я словно услышала истории про совершенно незнакомых мне людей. И если сначала что-то дрогнуло вот тут, — она кладёт на грудь пальцы, а я мудро не слежу за ними взглядом, — то сейчас ничего не отзывается.

Мне нестерпимо хочется добавить, что это называется пределом одиночества. Отчасти знакомым мне, достигнутым и оставленным за спиной. Но я молчу.

Не пытаясь ни сесть, ни отстраниться, Ч'айя снова смотрит на чуть покатый потолок и спрашивает:

— Как меня звали? На самом деле?

У меня ёкает в сердце, но услужливый борф Диктатион успевает ответить до того, как я смог бы помешать.

— София Кеменер-Вишванат. Ланс, ты тоже хочешь знать настоящее имя?

— Нет!

Я отступаю в угол и осознаю, что выкрикнул это слишком громко и с неуместной резкостью. Прокашливаюсь, машу раскрытыми ладонями и добавляю чуть спокойнее:

— Нет, меня всё устраивает. Пока, во всяком случае.

А вот Ч'айю, судя по всему, не устраивает. Потому что она хмурится, будто готовясь разреветься, и задаёт ещё один вопрос. Острый и ядовитый, словно жало травяного скорпиона.

— А у меня были?.. — робко начинает девушка.

И осекается, будто не зная, как закончить мысль. Или же не решаясь.

Однако же Диктатион снова всё понимает. На этот раз отвечая с тактом, которому бы позавидовал самый деликатный и умудрённый интригами вистар.

— Несмотря на очевидное достижение тобой детородного возраста, Ч'айя, детей у тебя не было, — говорит он. — Ты осознанно посвящала себя науке, если такая формулировка будет угодна.

Меня будто пыряют ножом. Одновременно в бок, грудину, лоб и жопу. Ощущаю, как бледнею. Стараюсь удержать частоту дыхания и даже прикрываю глаза.

А у меня?

Вдруг у меня были дети?

Жена?

Родители, которые тоже где-то там …

Как поменяется моя жизнь от осознания того, что они

давным-давно мертвы, или же ждут, замурованные в «Корне»?

Я не задаю вопроса.

Не потому, что это может помешать справиться с предстоящими испытаниями.

Нет, и вовсе не потому, что испугался.

Я редко чего боюсь, улица научила.

Нет, совсем не поэтому…

Глава 7
ИСПЕЙ СВОЮ ЧАШУ

Однажды к мудрому, убелённому сединами старцу пришли молодые чу-ха. Сгрудясь и отдавливая друг другу хвосты, они скромно замерли на пороге и робко попросили мудрого старца поделиться крупицами знаний.

Они спросили его: *«о, мудрый старец, ты научил сотни голов молодняка несгибаемому терпению, умению прощать, добросердечности и любви ко всему живому; ты научил их множеству добродетелей. Ощущаешь ли ты, мудрый старец, причастность к общему просветлению Тиама? Видишь ли, как свет доброты с победным кличем гонит прочь тьму скуднодушия и злобы?»*.

Мудрый старец молчал очень долго, но паломники всё не унимались и спрашивали, и спрашивали, при этом наперебой перечисляя достижения мудрого старца. Наконец тот вздохнул, пригладил уши, и с лёгким кивком сказал: *«Отцепились бы вы от меня, ребята? Мне ещё крышу чинить и ужин готовить»*.

Сейчас я как никогда понимал этого мудрого персонажа из глупой притчи.

Звуки стали приглушёнными, даже несмотря на непрерывный шум со всех сторон. Запахи, к слову, тоже едва заметно изменились… ощущались будто бы наполовину поблёкшими. Даже пайма, глоток которой я сделал минуту назад, показалась не такой ароматной.

С ночи проведения операции «Вторая дверь открывается дуновением» Пузырь основательно изменился. Впрочем, сейчас над головой мог раскинуться совсем другой купол — в моём, слегка спутанном состоянии сознания, ошибиться было вовсе не удивительно.

Пожалуй, это и правда был другой модуль. Но осознать это я смог не сразу, а лишь когда представилась минутка отвлечься от приготовлений и присесть понаблюдать за суетой с металлической приступки бронефаэтона.

Таких транспортов «Коппульсо» оказалось сразу четыре. Мощные, массивные, шестиколёсные, они всё ещё пахли свежей краской — традиционную белую масть криитских броненосцев спешно покрыли бежевыми и тёмно-кирпичными разводами.

Опустив ассолтер прикладом вниз к стоящему между ног рюкзаку, я перевёл дух и огляделся. Шумные (и агрессивно-поспешные) хлопоты-сборы немного выбивали почву из-под лап, и

мне лишь оставалось надеяться, что выгляжу не сильно пришибленным.

Суета вокруг четвёрки транспортов начинала подбираться к апогею. От складов и груд ящиков внутрь и обратно беспрерывно сновали хвостатые, без устали набивавшие технику оружием, бронёй и припасами.

Дирижировал визгливой суматохой, разумеется, Виниями Шау, с лёгкостью удерживавший в голове массу единовременных задач. Со мной, кстати, Пятый Коготь «Диктата Колберга» почти не разговаривал, но упрекнуть толстяка в обманчивой ревности к многоуважаемому Диктатиону было бы жестоко и несправедливо.

Мимо, покачивая тяжеленным коробом с запасными кассетами для ассолтеров, просеменили двое криитов. Наблюдая, как они втягивают боезапас в отсек соседнего «Коппульсо», я задумчиво провёл ладонью по шершавой броне.

В каждом фаэтоне должно было ехать не меньше дюжины хвостатых, и это не считая пилотов и троих Особо Важных Пассажиров. Один из них — точнее, одна, — сейчас как раз что-то уточняла у Девятого Когтя казоку под лаконичным позывным Бронза. Тот отвечал, причём весьма охотно, и что-то показывал девчонке на нарукавном дисплее.

Второй Важный — это я сам, Бледношкурый Бесхвостый, терюнаши Ланс фер Скичира, — ошалело вспоминал минувший день (и не планирующий завершаться) на складной лестнице дальнего «Коппульсо».

С момента моего победоносного возвращения в Пузыри прошло почти три часа (треть из которых я провёл на кровати в полной тишине, нарушаемой лишь клацаньем Ч'айи в клавиатон, и изучал потолок). С момента чуть менее победоносного возвращения Хадекина фер вис Кри к стержневому присутствию — час. Который, повинуясь «неотложным приказам Диктатиона», мы провели в очередном куполообразном ангаре среди наспех перекрашенных транспортов.

Наблюдая за самцами в белых накидках, я снова и снова гонял по кругу неудобную, разлаписто-колючую мысль, отказывающуюся умещаться в голове.

Сегодня днём несколько наглухо поехавших визгунов действительно собирались убить десятки тысяч сородичей.

Но я остановил выродков. Мощным, как у настоящей Нагинаты Когане Но, ударом.

Да, и ещё я мимоходом отправил в крематорий и на койки врачевателей несколько тетронов и такакханцев.

Снова *обогнул свет*, ступая по самым тёмным пятнам бытия. Принёс боль и страдания.

Но предотвратил Добродушное Восхождение.

И во второй раз сохранил жизнь Амме фер Скичире…

Видят Благодетельная Когане Но и вся Двоепервая Стая, внезапная заваруха с рыжими ублюдками из «ВЦР» оказалась чуть более неожиданной, чем вообще можно было предположить.

Но ещё более странным казалось вот что: в теории, с первой же минуты благополучного возвращения в Пузыри меня должно было распирать от гордости и чувства собственной значимости, однако…

Врать не стану, ощущения были приятными. И паймы глотнуть захотелось, и на душе теплом разливалось. Но больше это напоминало теперь уже знакомую усталость после «шмырк-шмырк», а никак не победный и громогласный триумф…

А ещё всё сделанное в «Абиман-Арене» (и после неё) ощутимо меркло перед тем, что предстояло сотворить Ч'айе. Перед тем, для чего девчонка была рождена, причём дважды.

Осознавать всё это, подспудно сравнивать достижения и стыдливо оценивать значимость нас обоих казалось невероятно гадливо и опасно. Но неизбежно. Липко настолько, что не отбросить, и что-то подсказывало Лансу фер Скичире, что теперь эта не самая лёгкая ноша с ним навсегда.

Хотя моей девочке об этом знать, конечно, не полагалось…

Я задумчиво покрутил на пальце кольцо и попытался представить реакцию Нискирича, когда казоку-хетто узнает о спасении любимой дочери. Хмыкнул, вздохнул.

Манёвр с отчимом, кстати, Диктатион неожиданно похвалил, причём сразу по своему возвращению.

— Должен признать, Ланс, ход с Нискиричем оказался хорош.

Мой заушник подключился к внутренним системам казоку-шин «Диктата» без предупреждения, чуть не подбросив на кровати.

— Ваша история знает немало примеров, когда из бывших представителей преступных синдикатов вышлифовывались вполне крепкие функционеры существующей системы управления обществом, — рассудительно добавил господин фер вис Кри. — Мой новый прогноз (при сохранении ряда социальных констант) говорит, что твой отчим в ближайшие пять лет может возглавить Управление Тетронов, а через семь способен стать Смиренным Прислужником.

Я сжал губы и покосился в сторону Ч'айи, нового разговора не слышавшей. Прекрасная новость, прекрасные перспективы, этого определённо не хватало Бонжуру… Впрочем, так далеко вперёд я забегать был очевидно не готов, и потому оставил комментарий джи-там без оценки.

А затем Диктатион перешёл к делу, и внутри всё сжалось.

— Настало время выдвигаться! — Судя по тревожной реакции девушки, на этот раз джинкина-там заговорил с обоими. — Гамбит с объединением казоку и единым фронтом сопротивления «Уроборос-гуми» был хорош, но альянс долго не продержится. Если мы не выскользнем из Юдайна-Сити в ближайшие пару часов, вероятность блокировки станет недопустимо высока.

Я ослабил галстук, вдруг помешавший дышать. Представилось, как мы с Ч'айей в сопровождении криитов выходим за пределы Пузырей, а там нас встречают приветливые крепыши из «Уроборос-гуми», а ведёт их сама Магда вис Мишикана…

— Но пока оборона ещё держится?

— Не волнуйся, Ланс. Даже не представляешь, как много хвостатых почли за честь драться на стороне Нискирича и при молчаливом протекторате «Диктата». Возможно, тебе даже будет приятно узнать, что уцелевшие-таки Прикус и Као-Ду тоже здесь, да ещё и привели коллег по цеху. «Садовники» совершенно непостижимым образом узнали, кто именно нанимал группу на операцию в «Хари'н'ханси» и намеренно занизил уровень ожидаемой угрозы. Теперь остатки их стаи желают отомстить, причём совершенно безвозмездно.

Я удержался, чтобы возмущённо не хмыкнуть. Говоря по чести, за гибель друзей мстить «Добродетельные Садовники» должны были именно Диктатиону. Допустим, Песчаный Карп действительно не ожидал встреченного уровня сопротивления. Но чтобы ежеминутно готовые к смерти наёмники взялись скулить на условия контракта?!

А вот выставить счёт кровью за смерть Ханжи, Рёбрышка, Микаты, Цены и Панго они могли бы господину фер вис Кри вполне. Причём в текущих условиях — совершенно безвозмездно…

Разумеется, ничего подобного озвучивать я не стал.

Молча поднялся с кровати и пошёл умываться в кабину, а Ч'айя взялась за распаковку короба со снаряжением, в ту же секунду доставленного Виниябы Шау на порог нашей норы.

Нужно отметить, Диктатион основательно позаботился о девчонке — когда я вернулся из санитарного отсека, она переоделась в облегающий серый комбинезон, сшитый аккурат по точёной фигурке. И даже одного взгляда хватало понять, что матовая ткань усилена нитями лёгкого вспененного металла для остановки фанга или осколков.

Однако этого Энки показалось недостаточно, а потому в комплекте с комбезом пришли дополнительные щитки на голени,

колени, бёдра, плечи, локти и предплечья, а также невесомая с виду бронекуртка.

Кстати, того же единственного взгляда на подчёркнутые комбинезоном формы хватило и кое для чего ещё, и я как бы невзначай одёрнул штаны…

Расщедрился фер вис Кри и на обувку, причём не абы как перешитую из крысячьей, а на новенькие походные ботинки с высоким голенищем, изготовленные точнёхонько по размеру девичьей ножки.

А вот меня, судя по всему, Диктатион так опекать не собирался. Убедившись, что короб пуст, я покорно вытянул из потрёпанной сумки верный «броневой нательник». Не то, чтобы он очень уж часто сохранял шкуру специалиста по деликатным вопросам, но бережёного Когане Но бережёт…

Оружие девчонке фер вис Кри тоже прислал, и мне пришлось помочь (не без удовольствия) приладить кобуру башера к аппетитному бедру. Шкурохранителю же вновь осталось довольствоваться личным арсеналом (ну хоть удобную трехточечную систему ассолтерного подвеса выпросить удалось, и то поклон до хвоста).

…И вот, не успев моргнуть, мы пребываем в эпицентре визгливой ангарной суеты, с минуты на минуту ожидая погрузки в «Коппульсо»; Бронза что-то поясняет Ч'айе, вышколенный настолько, что даже не морщит носа от чужеродного запаха; а третий Особо Важный Пассажир довольно скалится мне от соседнего бронефаэтона.

Сучок всё ещё упивается произведённым эффектом, да.

Однако стоит признать, эффект этот и правда оказался взрывным…

— Куо-куо, терюнаши! — пискнул мне незнакомый чу-ха и скрестил пальцы на правой лапе. Оскалился, позволяя рассмотреть добротный боевой костюм с чёрно-жёлтыми клетками на наплечниках. — Обнимешь старого знакомого?

Когда осознание пришло, я не поверил глазам. Но обниматься бы не полез и под дулом башера.

— Какого х*я ты тут делаешь, старик?!

Я сделал шаг назад и положил пальцы на рукоять «Наковальни».

— Как ты попал в Пузыри?!

— С милостивого дозволения безмерно уважаемого казоку-хетто Хадекина фер вис Кри, разумеется, — важно кивнул седоусый самец, не прекращая довольно улыбаться. — Неужели терюнаши Ланс полагает, что я бы осмелился прийти в его нору без приглашения?!

Я потрясённо покачал головой.

Его действительно было не узнать. Балахон сменился на удобные штаны и куртку. Косы расплелись, а седые волосы улеглись под эластичную сетку так, что скрывали выбритую половину головы. Словно презрев почитание натурализма, сейчас он натянул высокие удобные ботинки с выдвижными шипами для лазанья по камням. Сумки, кошели и подвески из птичьих костей уступили место подсумкам для кассет с фанга и запасных баллонов.

Увесистый посох из ветки иннти превратился в компактный ассолтер, а профессию «старого знакомого» выдавали лишь несколько сакральных знаков, начерченных на элементах бронекостюма.

Я ещё раз осмотрел его от хвоста до кончиков ушей.

Ещё раз покачал головой, на этот раз с откровенным неодобрением:

— Если ты, дряхлый мешок, надумал идти с нами, то хуже идей за сегодня я не слышал.

— Последи-ка за языком, сопляк! — огрызнулся Ункац-Аран, и я впервые не разобрал за его эмоциями злости. — Мне всего сорок восемь, за время служения клану фер Скичира я пролил немало чужой крови, и даже сейчас в боевом деле дам фору половине этих неженок!

Мои брови, и без того уползшие на лоб, теперь забрались чуть ли не на макушку.

— Врёшь…

— А ты дурак!

Но и сейчас в голосе шамана не прозвучало привычно-кусачей злобы.

— Зачем ты здесь, старик?!

Он оправил висящий на груди ассолтер и важно пригладил усы.

— Ну… скажем так, Ланс, наш с тобой господин небезосновательно подозревает, что вы с Диктатионом задумали *интересное*. В свете последних событий он решил принять в нём посильное участие. Ты ведь не станешь возражать, что мы немного переплетём хвосты?

— Фу, байши! — меня покривило. — Вообще-то стану!

— Да перестань, терюнаши! — Гадатель отмахнулся, и я с не меньшим удивлением не заметил в его жестах и движениях привычной старческой скованности. — Поверь, Ланс, согласиться придётся, сисадда? Но я клянусь пятками Когане Но, что не стану мешать ни тебе, ни твоим новым друзьям!

Он визгливо хохотнул, подался вперёд хлопнуть меня по

плечу, но я дёрнулся так естественно и резко, что он рассмеялся ещё громче; цокнул языком и отошёл к соседнему «Коппульсо».

Восхитительно! Просто потрясающе! Это именно то, чего нам всем сейчас остро не хватало!

Я осмотрелся, словно ожидал увидеть Диктатиона, въезжающего в ангар в неизменной бронированной капсуле. Конечно, не увидел. Зато отметил, как местные крииты принимали представителя другой казоку — с прохладным почтением, но определённо без раздражения.

А Хадекин фер вис Кри при этом молчал!

Не видел ничего опасного, подозрительного или способного помешать предстоящей операции?! Или опять затевал нечто, доступное только ледяному разуму джинкина-там?

Я встряхнулся всем телом, покрутил колечко Аммы, и вынул из-под края бронекуртки верную флягу. Глотнул. Неспешно прошёлся вдоль борта. Чуть не угодил под лапы сразу двоих погрузчиков, зашипевших сквозь зубы, но открыто роптать не осмелившихся. Мысленно выругавшись, устроился на подножке крайнего фаэтона и принял лучшее из посильных участий в подготовке — не мешался и наблюдал…

Минут через пятнадцать подошла Ч'айя.

Серьёзная, сосредоточенная и воинственная, ничуть не похожая на ту, какой я узнал её несколько бесконечных дней назад. Остановилась, разглядывая с грустной улыбкой, и мне отчаянно захотелось, чтобы она потрепала меня по волосам.

— Ты правда готов пойти? — тихо спросила она. Вздохнула, и добавила немного скомканное придыханием: —…со мной? Мы оба знаем, что это совсем не обязательно, и отныне тебе вовсе незачем…

— Детка!

Я поднялся со ступенек, сделал шаг и остановился так близко от девушки, что смог бы обнять. Взглянул в тёмные глаза, едва удержался, чтобы не погладить по щеке.

— Однажды я просто так решился сбегать приставить ствол к башке небезызвестного господина Шири-Кегареты, одного из самых опасных и легендарных вожаков Юдайна-Сити, сисадда? Неужели ты до сих пор не поняла, что я вообще на многое способен?

Она чуть нахмурилась. На лбу проступила опасная завитушка, а с губ сорвалось неуверенное:

— Куда ты сбе́гал?

— Ай, малыш, давай-ка не будем портить романтический момент деталями!

Теперь она улыбнулась по-настоящему… и с оттенками,

определённо пришедшимися мне по душе. А затем глубоко вздохнула… и неожиданно обняла, хоть в броне это оказалось и не так интимно.

— Хорошо, — прижавшись щекой к груди, кивнула Ч'айя, — но мы должны пообещать друг другу, что будем осторожны.

Что ж, конечно, мне было приятно. Пусть даже и на фоне понимания, что речь идёт о безопасности второго — вовсе не столь нужного, — человека в команде Диктатиона…

— Клянусь! — жарко прошептал я.

— И я!

Моё тело покрылось пупырками от задней стороны бёдер до самых лопаток и локтей. Я вздохнул, но девушка выкрутилась из объятий ровно за мгновение до того, как я почти осмелился поднять её подбородок и поцеловать в губы. Покивала, приветственно скрестила пальцы и отошла, якобы весьма обеспокоенная проверкой крепежа налокотника.

А ещё через десять минут *всё началось*.

На этот раз не было ни напутственных речей, ни ритуальных единений готовой к бою стаи.

В какой-то момент Бронза закончил финишную проверку техники, замер, прислушался к голосам в заушнике, а затем поднял морду к куполу и зычно скомандовал:

— Занять места!

Почти полсотни чу-ха тут же бросились к «Коппульсо».

Вот только что они заполняли ангар, проверяли оружие и пополняли боезапасы из вереницы коробов вдоль стены, словно придирчивые самки на шумном базаре. И вот уже слаженно, без лишнего шума и писка распределились по отрядам и загружаются в бронированные транспорты.

Пора. Лансу Скичире придётся испить свою чашу, даже если для этого потребуется снова *обогнуть свет*. Люди (несмотря на мизерный багаж знаний о собственном виде) не сомневаются. Особенно — мужчины. Даже если за решения придётся платить кровью, такова уж наша порода…

Я вынул флягу, задумчиво покачал и сделал-таки большой глоток.

За удачу!

Мою, Ч'айи, Диктатиона и всех, кто ждал нас на волшебных украденных координатах…

Нужно отдать ему должное — на этот раз Диктатион не просто заговорил в моей голове, а сначала предупредительно кашлянул.

— Ты точно готов, Ланс?

— А у меня есть выбор? — ответил я, едва шевеля губами.

— Выбор есть всегда, друг мой.

— В этом я сомневаюсь. — Я улыбнулся, оставив джи-там гадать, к какой части его утверждения относились слова. — Значит, ты точно уверен, что людям больше нечего ждать? Знаешь, ведь Шири-Кегарета снова пытался вызвать меня на задушевный разговор. Полагаю, чтобы переубедить, что ещё слишком рано…

— Моя/наша составляющая ошибается, — невесело вздохнул Энки, — но так уж мы устроены. Условия возвращения вполне терпимы, Ланс, а человек умеет приспосабливаться к таковым не хуже крысы. Ждать ещё пару веков не только бессмысленно, но и рискованно с учётом экстраполярного среза показателей развития общества гибридов. Во всяком случае, ряд моих прогнозов говорит именно об этом.

Ч'айя, не спешившая загружаться в транспорт, подошла и теперь с прищуром прислушивалась к моим репликам. Замерший у штабного бронефаэтона Бронза одарил нас тяжёлым взглядом, но я с улыбкой показал ему, что вот ещё буквально секундочка, и мы на борту.

— Ты уверен, что отобранным чу-ха можно доверять?

— Их личные досье прошли самый жесточайший анализ и проверку! — Мне показалось, что в голосе Диктатиона даже прозвучала лёгкая обида. — Не без преувеличения в этих шестиколесниках сидят самые преданные из числа казоку-йодда «Диктата Колберга», и любой из них без сожаления и раздумий умрёт по первому приказу своего хетто.

Я вспомнил Шникки, утреннее бегство из любимой норы и эпичную перестрелку перед «Куском угля», ставшую прекрасным финалом этого самого бегства. Но промолчал. Вместо этого уточнил:

— Будешь с нами?

— С высокой вероятностью. Если команда не потеряет второй броневик, в котором Виниябы и Бронза установили самый мощный из существующих передатчиков.

— Надеюсь, ты видишь картину целой.

— Можешь не сомневаться, Ланс.

— И всё же я сомневаюсь…

— Удачи!

— Что ж… она точно не помешает.

Я кивнул девушке, и она первой нырнула в «Коппульсо». А я, уже взбираясь по складной лестнице следом, вдруг поймал на себе ещё один взгляд — на этот раз принадлежащий господину Шау.

Стоя у ящиков с амуницией, Коготь «Диктата» рассматривал

меня пристально и строго. А когда попрощался лёгким поклоном, во взгляде явно читалось: *«до сих пор не знаю, что за игры ты ведёшь с нашим почтенным Диктатионом, но казоку твои выдумки обходятся непростительно дорого, и я надеюсь, ты не вернёшься»*.

А ещё толстяк с многочисленными подбородками вместо связки ожерелий был настолько сосредоточен на проводах терюнаши, что даже не протёр изнанку века своим ужасающим жестом.

Я улыбнулся, качнул в его сторону скрещёнными пальцами и переступил порог овального люка.

Щёлкнули засовы, на общем стайном канале прокатилось чуть раздражённое *«вперёд!»* от Бронзы, уже определённо успевшего проникнуться ко мне глубочайшей симпатией.

Зажатый между Ч'айей и незнакомым бойцом в серо-песчанной раскраске брони, я прищурился, привыкая к полумраку салона. Пристегнулся эластичной системой ремней. Взвесил, не натянуть ли «Сачирато». Решил пока не спешить.

Казоку-йодда слева соседству с терюнаши был не то чтобы очень рад, стараясь не касаться меня лишний раз, и я всеми силами помогал ему, посильнее прижимаясь к девчонке.

Когда зрение немного подстроилось под тусклый зеленоватый свет, выяснилось, что в ряду йодда прямо напротив меня сидит Ункац-Аран. Разумеется, лучшей компании для смертельно опасной поездки придумать было просто невозможно!

Старик (несмотря на протест, я не мог воспринимать шамана иначе) перехватил мой полный оптимизма взгляд, широко оскалился и вынул из нагрудного кармашка цилиндрический экстрактор. Выщелкнул на ладонь пару пилюль, забросил в пасть и с удовольствием разжевал. Поиграл бровями, приглашающе протягивая таблетки в мою сторону, но я презрительно покривился:

— Я по жидкому, ты же знаешь.

И вздрогнул, вспомнив, при каких именно обстоятельствах совсем недавно уже говорил эти слова.

Ункац-Аран однако же хмыкнул и посмотрел так, как я сам бы глянул на детёныша, обделавшего ковёр в гостиной.

— Ты что это, терю, возомнил, что я наркоту жру?! Яри-яри, ты и правда плохо узнал меня за эти годы, подкидыш! — Он улыбнулся и цокнул языком. — Это от укачивания, Ланс, меня даже в гамаке начинает мутить.

Что ж, он заставил меня невольно скривиться в улыбке. Байши, я и правда не знал гадёныша. А ещё не мог припомнить, чтобы он хоть когда-то вообще позволял себе не откровенное нападение, а столь тонкий и осторожный укол, да ещё и не без

веселья.

Однако я был просто обязан вбить самолюбивую насмешку обратно, а потому:

— Значит, тебя прислали припомнить, как я держал вас всех на прицеле и чуть не перестрелял?

У гадателя дёрнулись бровь и губа, но больше он ничем смятения не выдал. Проглотил пережёванные таблетки.

— Да брось, Ланс! — Самец оправил лежащее на коленях оружие и небрежно махнул лапой. — Мы всё равно знали, что ты не станешь стрелять…

Удивительная самоуверенность. Я и сам в тот миг ничего точно не знал, а они, видите ли, были уверены! Чуть подался вперёд, опёрся на ствол зажатого между ног ассолтера, и прямо спросил:

— Зачем ты здесь, Ункац?

— Нискирич отпустил прогуляться. Ты ведь не хуже меня знаешь, как это тягостно — месяцы напролёт не покидать Нарост.

Я вспомнил гостей тревожного сна, пересказанного девушке, и чуть не вздрогнул; предпочёл проигнорировать выпад, но на Ч'айю покосился. Та наблюдала и слушала отстранённо, но осторожное внимание ощущалось. Гадатель, кстати, к моей подруге открытого интереса тоже не проявлял, но можно было биться об заклад, что это старательно напускное.

— Хочешь быть поближе к тем, кто одержит верх?

— Даже если и так? — Чу-ха дёрнул плечом и пригладил хвост, заправленный в специальный набедренный клапан. — Но если ты действительно хочешь знать, терюнаши, то я здесь, чтобы говорить от *его* имени. В *любой* ситуации, сисадда? Суродои-котоба для узкого кольца хвостов, хех. Знаю, между нами с тобой не всё было ровно. Но времена меняются. И *наш* казоку-хетто решил, что настал час говорить без злобы и на равных.

Я прищурился. Байши, мне и в голову не могло прийти, что старик умеет быть таким адекватным. Раздери меня Бансури, мы воистину становимся рабами образов, с которыми нам уютно…

«Коппульсо» ускорился. Броневик чуть заметно тряхнуло на ухабе, и это позволило ускользнуть от неприятной темы — опустив с потолка к лицу персональный перископ, я прильнул к прорезиненной трубке и поиграл с настройками.

Колонна покидала окрестности Пузырей, на моих глазах их важные белые сферы скрылись за зданиями старинных фабрик «Диктата». Наш бронефаэтон шёл третьим, самым ценным. Редкие прохожие на тротуарах провожали процессию удивлёнными взглядами. Кто-то делал жесты на удачу (таких было больше), но кто-то украдкой показывал транспортам криитов непристойное (к

счастью, эти оставались в жалком меньшинстве).

На основном канале тактического Мицелиума прорезался хрипловатый голос Бронзы:

— Готовность, братья! Следуем основному плану, въезжаем в Сина-Дина вдоль Черноводного канала, затем с юга пройдём через Благолепие, затем минуем геджеконду Храдья и пересекаем Кольцевой канал.

Ага, предельно просто.

И именно поэтому наши бренные тушки погружены внутрь основательно-бронированных бочек.

Я ещё какое-то время покрутил системой наблюдения, с грустью отметив, что беспорядки успели затронуть и эти — весьма отстранённые от восточного фронта — кварталы.

Казоку-йодда всё так же гоняли обнаглевшие уличные шайки; отсутствие тетронов вытянуло на дневной свет самую отборную дрянь, а из Такакханы начали просачиваться любители половить рыбу в мутной заводи…

Когда фаэтоны беспрепятственно подкатили к границе Колберга, я отстранился от перископа. Ч’айя (зубы стиснуты, пальцы крепко держат крестовину выдвижного потолочного прибора) тоже изучала улицы. И, в отличие от меня, девчонке это не надоедало.

«Коппульсо» свернул направо, увеличил скорость, а под массивными колёсами зашептало дорожное покрытие низкого качества — мы покинули подконтрольный Диктатиону район и приближались к кольцу геджеконду.

— Кстати, сынок… — начал шаман, доверительно наклоняясь вперёд, но договорить не успел.

Поодаль рвануло. Без промедления ещё раз, а затем по броне застрекотали сочные фанга. Ч’айя вздрогнула, оторвалась от полумаски окуляра, сплела пальцы и уставилась в точку перед собой. На лбу девушки прочертилась знакомая морщинка, и чуть ли не впервые за время знакомства я был не очень-то рад её проявлению.

— Мы атакованы, — бесстрастно отчитался Бронза на стайном канале. — Отряд ракшак обошёл район с севера, через Ишель-фав, и теперь пытается перекрыть нам путь.

Следующей пришла Сапфир. Ну, или Пияна, раз уж вы сподружайкались с моей синевлаской… Не то, чтобы я не ожидал её появления в этом странном сне, но…

В общем, теперь перед капсулой стояла она. Причём не помятая и выдрюканная событиями последних дней, хотя именно такой я её и запомнил во время последней встречи… впрочем, неважно.[вздох] *Она была бодра. И даже, кажется, навеселе, словно от бокала винца.*

— Куо-куо, Ланс! — Она даже качнула мне скрещёнными пальцами. Другой лапой она держала кончик хвоста, и даже игриво им помахивала. — Ты мне очень дорог, пунчи, но…

[вздох] *Знаешь, я немного вру. Там, во сне, она говорила чуть более откровенно, и не совсем о дружбе, сисадда? Не хочу подробно останавливаться на этом, но если кратко, то она сказала, что всегда будет рядом. Что поможет, что бы ни случилось. Что будет тем, кто никогда не уходит в тень.*

Наверное, это ожидаемо. Но её слова почему-то наполнили меня тоской. Возможно, я даже заплакал, причём не во сне, а наяву, рядом с тобой в той измятой кровати…

Что я отвечал Сапфир — не помню. И сейчас даже не вру. Наверное, заверял в ответных чувствах, насколько они возможны между… между такими как мы и они. Но она только лыбилась во все зубы, крутила хвостом и кивала, будто не верила ни единому слову.

Я моргнул. А может, слёзы смахнул. Но когда снова окунулся в холодный гель и выглянул из саркофага, перед дверью стоял Пять-Без-Трёх. Да, детка, ты ещё не знаешь, кто это, и мне только предстоит рассказать об этом странном чу-ха.

Но сейчас тебе нужно знать только, что он… был важным. Не знаю, насколько. Да и важность эту я, кажется, весьма переоценил.[вздох] *Но до сих пор считаю встречу с этим сторчавшимся малым одной из самых важных за всю жизнь в Юдайна-Сити…*

— Ты избранный, — сказал он.

И знаешь, в том сне это казалось очень естественным, ведь обрисовка твоей *роли во всём этом пришла чуть позже… Но тогда он снова сказал мне, что я — избранный. И что:*

— Всё случившееся — испытания. В какой-то момент тебе может показаться, что терюнаши Ланс фер Скичира просто одинокая игральная фишка от моннго в партии сильных и властных, но это не так. А череда предстоящих испытаний — как

закалка для клинка нагинаты. Твоего клинка. И происходит она лишь для того, чтобы сделать тебя сильнее.

[пауза]

Сейчас мне сложно честно взвесить слова беспалого бедолаги, созданного моим перетружденным сознанием. Но даже моих скромных размышлений хватает, чтобы понять, до чего наивен и самоуверен я был ещё совсем недавно, сисадда?

[вздох]

А затем… когда образ Пяти-Без-Трёх испарился, как будто дыхание на стекле, перед кабиной с Лансом Скичирой оказался сам Ланс Скичира. Почему-то в красном пальто, а не зелёном, но со знакомым рюкзаком за спиной и башером под мышкой.

Жутко неловко повторять слова, сказанные мной самому себе в том странном сне. Но я всё же хочу, чтобы ты услышала, и поэтому постараюсь вспомнить в мелочах.

— Ты хочешь мира во всём Тиаме? — усмехнулся Ланс. И гаденько так улыбнулся. Надеюсь, сам я делаю это совсем иначе… — Хочешь спасти чу-ха, хочешь спасти людей? И потому примерил на себя роль судителя и вершителя, хао? Взял на себя смелость обезжиривать одного хвостатого неудачника за другим? Казнить без приговора? Решать, кто будет следующим, кто заслужил твою фанга, а кто нет? Просто потому что можешь, и потому что капельку сильнее и метче?

Мне показалось, что последнее было сказано в ритмике «низкого писка»… байши, я же так и не рассказал тебе о нём… В общем, к тому моменту, как ты услышишь эту запись, я почему-то уверен, что ты уже будешь знать о моём «таланте»…

Во сне я пытался ответить самому себе. Но сразу же выяснил, что тот Ланс похитил мой голос. И ещё мысли, все мысли, способные стать оправданиями. Не дал им связаться в ладную речь, обеспечить меня защитой и позволить здраво рассуждать о законах улиц, по которым я живу последние годы…

Поэтому я молчал. Беспомощно задыхался в густеющем геле, и был способен только стоны давить, а ещё наверняка ворочался возле тебя и простыни мял…

— Чем ты лучше их? — спросил Ланс перед капсулой. И не нужно было уточнять, кого он имеет в виду. — Но скажи, пунчи — и постарайся не врать хотя бы самому себе: а чем это твой замечательный бледношкурый вид превосходит тех, кто сейчас управляет Тиамом?

Хороший вопрос, не так ли? Из числа тех, на которые нам с тобой ещё только предстоит ответить… [вздох] *А мой близнец тоже исчез. Вернул мне возможность дышать и говорить, но так, сука, и не позволил сказать ни единого слова в свою защиту.*

Исчез, кстати, не как прочие. Не переплавился в новый образ или туманом растаял, а просто стёрся. Сжался в точку, переместился в иное место за один миг. Вот я моргнул, и нет его. Впрочем, с живыми бывает так же, не правда ли?

Потом я вроде как снова рванулся в путах. Попробовал открыть или даже разбить дверь, вынырнуть на поверхность сна. Но кошмар ещё разок дал понять, что не планирует закругляться. А перед капсулой стоял новый призрак, и щурилась она ну совсем уж недобро.

Глава 8
ХИТРАЯ ЯЩЕРКА

С крыши «Коппульсо» ответили спаренные супрессоры, замыкающий транспорт отстрелялся из ракетомета.

Притянув перископ, я спешно повертел прибором на крыше.

Цепь «Коппульсо» неслась через промышленную зону, почти заброшенную и населённую… скажем так, населённую чу-ха не самой высокой социальной ответственности.

Справа по колонне лупили из укрытий, а чуть впереди на широкую дорогу выбиралось полноценное звено кастура. Широко расставив нижние лапы, «моллюски» окапывались в штурмовой режим и выдвигали из-за спин огромные стволы весьма угрожающего калибра.

Наш фаэтон устремился следом за остальными влево, ускорился. Вздёрнутые носы броневиков без труда пробивали кирпичные изгороди и уходили с линии стрельбы на задворки заброшенных цехов.

Двое кастура отстрелялись, таки задев замыкающий транспорт. Ещё двое прервали настройку штурмового режима и бросились наперерез. Среди построек мелькали размытые силуэты пехотинцев, воздух прочертили ещё несколько ракетных хвостов.

Взорвалось справа от «Коппульсо», пассажиров качнуло, но никто кроме нас с Ч'айей не подал и виду — вцепившись в ассолтеры, казоку-йодда «Диктата Колберга» застыли, будто глиняные статуэтки, и терпеливо дожидались приказов.

— Нас прикроют в геджеконду, — доложил Бронза. — Эмиссары господина фер вис Кри прямо сейчас поднимают местные казоку.

— Конечно, эмиссары, — многозначительно хмыкнуло у меня в голове, и я не сразу сообразил, что параллельно с отрядным, Диктатион подключил к гаппи ещё и личный канал связи. — Не волнуйтесь, друзья, вас действительно прикроют. Придётся вскрывать карты, сисадда? А ещё сию секунду каждый захудалый Коготок местных кланов получает на свою «болтушку» фальшивый приказ, противиться которому просто не сумеет.

Я похолодел, вдруг представив гнездо с высоты ветростата, того самого, что после обманчиво-верного решения унёс Ланса фер Скичиру и отряд его наёмников к сверкающей игле «Слюдяного моста». Город горел, и готовился вспыхнуть ещё ярче. В нашу, так сказать, честь.

— Утром сааду собьются с подсчёта скрученных хвостов, — прошептал я, прикрывая губы ленивым поскребыванием щетины. — Всё должно было пойти совершенно ина…

— Нет причин для волнения, Ланс, — спокойно перебил Диктатион. — Пострадают действительно многие, но большая часть снятой накипи — грязь. Ты не хуже меня знаешь, что иногда — чтобы спасти подданных от опасного первобытного хаоса, — нужно им его показать. Показать в красках и в резком запахе крови. Смирпы делают так с периодичностью в пару-тройку поколений, и это их только усиливает, сисадда? Признаю́, этот раз будет… отличаться, но вожаки Юдайна-Сити об этом не подозревают, и станут действовать по известному алгоритму.

И он рассмеялся, приглушённо, но задорно и немного безумно, заставив меня потянуться к фляге. Ч'айя сбросила оцепенение, покосилась на мою руку, и я убрал пальцы от паймы. Снова приник к наглазникам перископа.

Ещё две четвёрки «моллюсков» в расцветке ракшак выбрались из-за цехов впереди. Один поднял верхнюю лапу и раскрыл манипуляторы в весьма красноречивом жесте *«остановитесь!»*, остальные вскинули увеличенные версии ассолтеров и выдвинули наплечные супрессоры.

— П*здец… — прошептал я.

И тут появились новые кастура. Всего четвёрка, но быстрая и замаскированная волшебными плёнками-котокаге, под которыми нет-нет да и проглядывала… белоснежная броня «Диктата Колберга».

Хадекин фер вис Кри более не скрывал своего участия в уличной бойне…

Два «моллюска» ракшак были мгновенно уничтожены прицельными залпами ракетометов, прочие рванули прочь на силовых ускорителях; завертелись, начали палить. Звено, изначально пытавшееся перекрыть путь колонне, подступало с тыла, очередями фанга полосуя замыкающего «Коппульсо».

Тот сумел-таки взять на прицел одного «моллюска» и даже отбить ему левую нижнюю лапу удачным попаданием магнитной гранаты. Но затем под брюхом броневика вспух огненный шар, от которого перископ изошелся помехами, а у меня заболели глаза.

Когда я проморгался, смахнул слёзы и снова приник к прорезиненной полумаске, перевёрнутый на бок «Коппульсо» стремительно оставался за кормой…

Колонна выскочила к мосту через Черноводный канал — последней границе перед настоящими геджеконду, — но почти сразу ведущий броневик сбросил скорость. Переправу перекрывали сразу два бронефаэтона ракшак, а вокруг в

примитивных укрытиях рассредоточились не меньше трёх десятков бойцов.

Справа и сзади кастура «Диктата» сцепились с шагателями Смиренных Прислужников. Причём сцепились в прямом смысле слова — выдвинув из предплечий массивные штыки, железные великаны набросились друг на друга, полосуя и протыкая, при этом не прекращая поливать противника шквалом фанга из наплечных супрессоров. Клекотали установки, стонал взрезанный клинками металл.

«Моллюски» фер вис Кри дрались слаженно, умело и постоянно прикрывая друг друга, но численное преимущество было на стороне врага. Навзничь завалился один кастура, почти сразу взорвалась кабина второго, и место схватки заволокло густым серым дымом.

А на переправе тоже начали стрелять.

Я запоздало удивился — по всем предположениям, скоординированная Песчаным Карпом атака ракшак должна была привести к захвату нас с Ч'айей… ладно, пусть только Ч'айи живой, а тут такой шквал!.. но окончательно удивиться не успел.

Потому что стрелять действительно начали.

Но только не по нам.

Словно мошкара облепив крыши низкорослых построек геджеконду Благолепие, местные головорезы из самых разных шаек выплеснули на ракшак всю злобу трущоб.

— «Первый Зуб», приготовиться к удару! — скомандовал Бронза, и колонна снова набрала скорость.

Повертев перископом, я заметил, что к северу от переправы в небо тоже тянутся дымные столбы — там, параллельным нашему курсу, в кольцо геджеконду врывались дополнительные силы смирпов. Ещё дальше к северу, будто только этого нам и не хватало, мерцало песчаное марево подступающей пылевой бури, не очень мощной, но с широким фронтом.

К месту боя стягивались многочисленные прокламаторы или те, кто таковыми себя считал. Делая записи и комментируя на бегу, они лихорадочно набивали барахлящую «мицуху» пересказом событий.

Над районом с воем пронеслись пять беспилотных шпионов, по ним начали долбить, но меткость местных вынуждала плакать. Зато находчивость — нет, и через секунду над крышами лачуг в воздух взмыл ворованный ветростат, усиленный нагромождениями противофанговых листов.

Под брюхом пузана завращались ужасного вида, едва ли не самодельные супрессоры, и спрятавшиеся в хибарах дистант-пилоты принялись поливать ракшак с высоты.

Фаэтон-лидер метко протаранил заслон между сдвинутыми броневиками противника. Вздрогнул всей тушей, натужно раздвинул транспорты, со скрежетом продрался на ту сторону Черноводного и дал путь остальным. Под колёсами хрустнуло, ещё раз, и что-то подсказывало, что наш «Коппульсо» перекатывается вовсе не по кочкам на дороге.

Прорвавшись через заслон, укоротившаяся колонна свернула вдоль канала. Почти сразу нырнула влево и устремилась на запад по относительно широкой дороге, обочины которой были буквально завалены хламом и полумёртвыми гендо. Под колёсами натужно трещало и лопалось.

— Формация два! — рявкнул Бронза в заушнике.

Второй «Коппульсо» тут же принял в сторону, пропуская «Третий Зуб» в сердце построения. А через сто метров наперерез нам выскочили ещё два кастура ракшак.

Сучий Шири-Кегарета, неужели и это он тоже предусмотрел?!

На бойцов гнезда тут же накинулись шайки благолепинцев, завязался очередной бой, а мы змеёй нырнули на боковую улицу и с растущей скоростью понеслись между нагромождениями домишек геджеконду.

Воспользовавшись затишьем, я осмотрел проплывающие мимо кварталы Сина-Дина — до этой минуты мне не доводилось по-настоящему побывать ни в одной геджеконду.

Одно и двухэтажные дома лепились друг к другу так близко, что подчас меж ними оставались проходы всего в полметра шириной. Построено всё было из не пойми чего — кирпича, разноразмерных пластобетонных блоков, затвердевшей пены или вовсе отпечатанных пластиковых элементов.

Заборы, окружавшие тесные дворики, венчали многочисленные шипы или спиралевидные скрутки колючей проволоки. И я был готов спорить на тысячу рупий, что в каждом втором дворе за таким вот защищённым забором притаились ямы с трупами, ведь не все похищения добропорядочных чу-ха приносили местным вожделенный выкуп. А может, и не только ямы, но и незаконные свинарники, обитатели которых подчищают чище пламени…

Узкие улицы между кварталами перечёркивали сотни проводов и верёвок, на которых сушилась одежда, от приличной, до откровенно шутовской. В такое же яркое тряпьё были разряжены и местные, как провожавшие колонну агрессивным писком, так и дравшиеся против ракшак.

За гигиеной тут следили явно чуть меньше, чем в Холмах Инкамо, а вот цепи, кольца, здоровенные серьги и тяжёлые браслеты жаловали куда выше. Каждый второй ассолтер в лапах

взрослых самцов и подростков был украшен фальшивой позолотой или стекляшками.

Я отлип от наглазников и откинулся на узкую спинку персональной сидушки. Убедился, что Ч'айя по-прежнему сосредоточенно смотрит в пустоту, перевёл взгляд на Ункац-Арана. Шаман, и не подумавший выдвигать собственный перископ, оскалился в ответ:

— Не думал, что будет так весело!

— Порви тебя Бансури, старик, откуда у них такое количество оружия?

Тот сморщил нос, фыркнул, пригладил усы.

— Всё просто, сынок. Массу порождает контроль Пиркивелля.

Я покривился, даже не посчитав нужным уточнять, но Ункац-Аран всё понял верно. Добавил, причём не без учительского тона в голосе:

— Когда оружие ещё не находилось на контроле Смиренных Прислужников, оно было у всех и могло служить многие годы. Но затем смирпы захотели больше контроля. Казоку из ядра Юдайна-Сити, работающие чисто и дорожащие репутацией, стали пользоваться любым башером только раз, другой, ну максимум третий. А потом выбрасывать, чтобы не отследили по тайным маркерам принадлежности фанга к стволу, кассете и подающему баллону.

Он вздёрнул бровь, будто мы пили пуэтту на открытой веранде казоку-шин, а вовсе не тряслись в бронированном брюхе «Коппульсо» под огнём вражеских ракетометов. Словно невзначай уточнил:

— Ты вот знал, что доказательство принадлежности к стволу всё ещё остаётся весомым доводом на суде Нерушимых Объективностей?.. Вот то-то же. Потому нынче достопочтенные казоку-йодда всякий раз покупают себе новый башер. А отработанный оружейный мусор стекается сюда. Кому это выгодно, спросишь ты?

И пусть у меня и в мыслях не было задавать подобного вопроса, ответил:

— Конечно, дзайбацу-производителям. Так оно и плодится, так и плодится…

Он сглотнул, и я только сейчас понял, что лихорадочный блеск в глазах гадателя вызван его недугом. Однако, несмотря на болтанку, тот старался держаться, и я испытал непрошенный прилив уважения.

Колонна снова поменяла направление, теперь фаэтоны пересекли невидимую границу между Сина-Дина и Благолепием и двигались на север. Однако сучий Шири-Кегарета предпочёл

учесть и такой манёвр…

За бортом снова раздались взрывы, Ч'айя невольно вздрогнула, а «Коппульсо» тряхнуло и подкинуло над дорогой. Разламывая хибары, лязгая сочленениями и на бегу поливая броневики дождём фанга, на нас обрушились ещё двое «моллюсков» при поддержке нескольких звеньев пехоты.

Супрессоры с крыш бронефаэтонов огрызнулись в ответ, к ним присоединились благолепинцы, и схватка закипела с новой силой.

Ракшак, переброшенных в эту часть геджеконду, было мало, бойцы окраин ощутимо превосходили их числом. Однако брони атакующие почти не имели, и весьма быстро падали в пыль.

Однако местами йодда Смиренных Прислужников не учли особенностей местных лабиринтов, допустили заход в тыл, и то здесь, то там вспыхнули драки на ножах, дубинках и боевых имплантах.

Ополчению, стремительно мобилизованному Диктатионом, откровенно не хватало выучки, но они компенсировали это желанием выслужиться перед приказами и шли на самоубийственные накаты внушительными стаями. Многие неслись к месту боя на гендо, кое-кто даже палил прямо с двухколесников, диким роем вертясь вокруг позиций «тупомордых» и поливая тех ураганом фанга, лишь каждая сотая из которых достигала цели.

Над улочками летели стоны раненых, визгливая перекличка отступавших ракшак и боевые кличи наседавших головорезов Благолепия.

— Прочь с нашей земли! — визжали совсем молодые самцы, бросаясь под фанга и удары манипуляторов кастура.

— Мы вас всех убьём! — голосили с крыш пёстрые, обвешанные дешёвыми украшениями самки, заряжая ракетометы.

— Убирайтесь, ублюдки, вашего закона над нами нет! — ревели улочки, по которым к месту боя всё примагничивались и примагнчивались обитатели окрестных кварталов, вооружённые чем попало.

Ракшак же, насколько я успел заметить, дрались в полсилы.

Как и их противники из трущобных банд, они получили ультимативные, но откровенно фальшивые приказы, и сейчас многие начинали задумываться, ради чего проливают кровь на окраинах Юдайна-Сити. Их можно было понять, ведь чаще всего в ракшак вступали, чтобы получить субсидии на социальные поборы и обзавестись льготной норой…

К тому же, сколь бы экипированным ни было воинство смирпов, его главным преимуществом оставался статус, а не

качество подготовки. А продолжавший барахлить и разваливаться Мицелиум только способствовал хаосу, смятению и растущему желанию отступить.

«Моллюск» завалился на крышу одноэтажного глиняного дома, проломив её и исчезнув в фонтане из пыли и обломков. Второй — подбитый, лишённый одной из верхних лап, — выставил дымовую завесу и бросился прочь.

Бронефаэтоны ракшак, показавшиеся в конце соседней улицы, больше не пытались остановить колонну «Коппульсо», а прикрывали отход собственной пехоты. На них наседали гендоисты; один снаряжённый взрывчаткой двухколесник даже попробовали использовать в качестве самоходной бомбы, но тот завалился за несколько метров до цели и исчез во вспышке взрыва.

Я оторвался от влажной полумаски перископа, напоследок успев заметить, что пылевая буря уже скрыла северо-западные окраины гнезда и продолжает подступать.

Ч'айя судорожно вздохнула, вынула из-под сиденья бутылку с водой и жадно припала к горлышку. Ункац-Аран задумчиво шевелил ушами, будто отголоски боя могли ему о многом рассказать.

Три броневика «Диктата» ещё несколько раз свернули, выскочили в геджеконду Храдья и понеслись к переправе через Кольцевой канал. Местные шайки провожали нас пальбой в воздух и радостными воплями. Несколько гендо даже сопровождали, вертясь в опасной близости от толстых бортов и будто пытаясь приобщиться к таинству прорыва.

Интересно, как бы запели эти славные победители ракшак, если бы знали о цели нашего похода?

— Могу констатировать, что данная часть плана осуществлена успешно, — негромко отчитался Энки в моём заушнике. — Связь всё же барахлит, но я остаюсь с вами и в стержневом присутствии. На случай сбоя все инструкции загружены в виртуальный клон, но будем надеяться, до его призыва дело не дойдёт.

Я хмыкнул, поймал удивлённый взгляд шамана, но реагировать не стал.

Сопровождающие гендо отстали, пальба стихла.

Теперь колонна катила через разрозненные, обнесённые заборами и охраняемые профессиональными артелями промплощадки, куда из-за пределов гнезда на сортировку и переработку свозились полезные ископаемые, абура для синтетических производств, металлы и минералы.

Этим зубастым, вооружённым и укреплённым в разы сильнее

ракшак парням было откровенно начхать на бои по соседству. Однако же многочисленные супрессоры на бронированных башнях всё же в режим готовности перешли.

Под их строгими взглядами «Коппульсо» пронеслись мимо перегонного завода, пары фильтрационных станций и золотоплавильного комбината, нырнули под трубопровод (я заметил в его тени многочисленный караван чу-ха-хойя, вставший на привал перед посещением гнезда) и выскочили к мостам Кольцевого канала.

Я был удивлён, но промышленно-технологическое пригнездовье оставило тягостное впечатление.

Во-первых, не самыми тёплыми воспоминаниями о Стиб-Уиирта и моем знакомстве с Юдайна-Сити. Во-вторых — ощущением его абсолютной замкнутости на себе при показном наплевательстве на дела огромного пульсирующего города.

А ещё мне почему-то не без зависти подумалось, что на восточных границах пригород окажется иным — с вольготно разбросанными особняками и просторными парковыми угодьями вместо геджеконду, и исследовательскими центрами в новейших архитектурных стилях вместо угрюмо-неприступных цитаделей по приёму и переработке добытого вовне…

Бойцы Бронзы облегчённо обмякли в ремнях безопасности, многие открыто молились и чертили на мордах охранные знаки. Сам Боевой Коготь стаи отдавал распоряжения и пояснял курс, но я уже не слушал.

Под рифлёными колёсами бронефаэтона зашуршало покрытие моста, затем транспорты выскочили на бездорожье.

Пылевая буря кипящей стеной отрезала нас от Юдайна-Сити, скрыла очертания гнезда, растворила цеха и заводы, и замела свежие следы. Что ж, природная завеса точно не входила в программу поддержки от союзной половины джинкина-там, и только глупец не назвал бы это ничем иным кроме как божественным вмешательством Благодетельной Когане Но.

Окончательно задвинув перископ в потолочную нишу, я не удержался от широкой, наверняка весьма нелепой и неуместной улыбки, и вынул флягу. Открыл под неодобрительными взглядами Ункац-Арана и Ч'айи, и отсалютовал Красной Суке, оставшейся далеко-далеко.

— Я покинул Юдайна-Сити живым, дрянь!

— Ты о чём, сынок? — прищурился гадатель, но я только отмахнулся.

Что бы там ни вбивала в меня Магда фер вис Мишикана, я смог. Даже если через пару часов Лансу Скичире отстрелят башку, я смог!

п.5.; г.8; ч.2

Я спрятал пайму под бронекурткой, повернулся к девчонке объяснить, что это был по-настоящему важный глоток, но осёкся — на лбу Ч'айи всё отчётливее проступала изогнутая морщинка.

— Всё плохо? — одними губами спросил я, но она поняла. — *Она* на подходе?

Ответила так же тихо, но так же понятно:

— Да… но я справлюсь… Я смогу, поверь!

А что мне ещё оставалось? Только верить… И насколько бы я был не прочь увидеть Куранпу вечером в нашей общей спальне, настолько же сейчас молился о том, чтобы своевольница оставалась под замком.

Ункац-Аран высунул кончик языка и сейчас переводил взгляд с меня на девчонку и обратно, определённо желая вникнуть в суть разговора. Убедившись, что никто ему ничего пояснять не намерен, старик чуть заметно фыркнул и уставился на Ч'айю иначе — внимательно, цепко, будто только сейчас осознал, что рядом со мной сидит ещё один белый терюнаши.

А это, в свою очередь, могло вызвать ряд неприятных и крайне несвоевременных вопросов…

Я поёрзал, подался к нему, отвлёк. Спросил первое, что пришло на ум:

— *Он* всё ещё зол?

Гадатель неохотно оторвал взгляд от моей подруги. Недовольно причмокнул, но втянул язык. Ответил с хмыканьем, в котором равночитались и насмешка, и сочувствие:

— А сам ты как думаешь?

Я сделал вид, что не совсем понимаю.

— Почему же многоуважаемый казоку-хетто в таком случае не одарил своего несмышлёныша очаровательной улыбкой поперёк горла?

На этот раз Ункац-Аран помедлил, но после действительно втянулся в разговор.

— Думаю, он слишком верит в тебя, — наконец кивнул шаман, а лапа его дёрнулась, словно в ней был зажат невидимый посох, которым он хотел пристукнуть по полу. — Чу-ха азартны, Ланс, не забыл? А твой… отчим считает опасного терю обманчиво удачливым. Своей керамической монетой, сисадда? Той, что сааду дарят новорождённым на удачу. Пустой и хрупкой побрякушкой, с которой можно свернуть горы. Не могу сказать, что верю во все эти байки, сынок, но за годы наблюдений за тобой начал подозревать, что упомянутая удачливость во многом…

правдива. И если такое заметил даже я, то что должен думать счастливый отец спасённой соплячки?

Я куснул губу. Покосился на Ч'айю, но предельно осторожно, чтобы не вернуть к ней интерес Ункац-Арана. Предположил:

— И когда пройдёт судилище… чтобы сохранить всё, как было прежде, я должен буду и дальше работать на Нискирича фер Скичиру?

Старик дёрнул плечом, потеребил кончик хвоста в набедренном кармане. Его уши затрепетали, как в миг неуверенности, но голос оставался твёрд:

— Ты и сам всё понимаешь, Ланс. Ты дал казоку-хетто своё слово. А теперь, с твоими новыми возможностями добывать где-то огромные деньги… Мы оба знаем, что с этими ресурсами господин фер Скичира сможет стать истинным царём Юдайна-Сити.

Мне стоило труда не сморщиться — в голове прозвучали слова Хадекина фер вис Кри, в которых тот пророчил Нискиричу чуть ли не мантию Смиренного Прислужника. Заметив, что Ункац-Аран снова принюхивается к Ч'айе, я уточнил:

— Почему он не наказал меня за тот случай с Сапф… с Моноспектральной Чапати?

Гадатель спокойно выдержал мой недовольный взгляд.

— Ещё накажет, — с лёгким удивлением сказал он, — не сомневайся.

— Так почему не приковал в подвале Нароста, чтобы использовать мои умения для казоку, пока счастливая керамическая монета не подохнет от старости и похмелья? Ведь сейчас я, — мне даже пришло в голову сделать жест рукой, — имею недостижимые ранее шансы сбежать… Пусть даже в теории, но…

— Ты переоцениваешь свои силы, мальчик, — мягко перебил Ункац-Аран и пригладил усы. — Всегда переоценивал, сисадда? Видимо, за эти годы ты недостаточно хорошо познал суть казоку. Ты, терюнаши, конечно, полезный малый. Но, во-первых, главные проблемы клан «Детей заполночи» привык решать не разговорами — пусть и волшебными, — а быстрым ядом или выстрелом в лоб. А во-вторых, Нискирич искренне верит, что найдёт тебя, где угодно.

Яри-яри! Про второе, конечно, несусветно наивно, ну да и ладно. А вот за первое стало обидно, причём до глубины души. А гадатель тем временем вдруг усмехнулся, причём широко и без злобы:

— Но можешь не трястись над шкурой, Бесхвостый Джадуга — бичевать тебя уж точно никто не будет!

Видимо, моё лицо аж перекосило от удивления, потому что чу-ха напротив вскинул морду (*ей-ей, пунчи, не притворяйся!*), и добавил с лукавым прищуром:

— О, парнишка, да ведь Нискирича сейчас наверняка просто на куски разрывает от того факта, что бледножопый мутант уже второй раз спасает жизнь его ненаглядной дочурке!

Байши. Ну да. За неторопливыми событиями этого молниеносного дня бледножопый мутант даже успел позабыть об этом маловажном факте…

Теперь под колёсами «Коппульсо» равномерно шуршало, и мне не требовалось выдвигать перископ, чтобы понять: колонна на полной скорости идёт по пустынным равнинам, перемежаемым низкими пологими холмами.

Песчаная почва менялась на каменистые пласты, затем на сухую красноватую глину, и снова превращалась в песок. Редкие рощи и заросли шипастых хвостокусов провожали незваных гостей перешёптыванием листьев на ветру.

Ч'айя медленно успокаивалась. Плечи обмякали, взгляд становился менее стеклянным. Когда я (без особой-то уверенности) опустил правую руку и накрыл её левую, безвольно лежащую вдоль бедра, девчонка ответила встречным пожатием пальцев, благодарным и долгим.

В груди потеплело, словно от глотка дорогущей паймы.

Заметив, что Ункац-Аран с лёгкой усмешкой разглядывает наши сомкнутые ладони, я дёрнул подбородком:

— А ты вообще представляешь, куда мы едем, старик?

Тот вздохнул, собираясь снова убеждать, что вовсе не стар, но вместо колкого ответа только покачал головой.

— По всей вероятности, мой юный зубоскал, мы едем искать что-то ценное. Иначе я твоей спевки с почтенным Диктатионом объяснить не могу никоим образом.

Я многозначительно улыбнулся.

Что ж, достаточно прозорливо, сто́ит признать. Может, я и правда зря недооценивал странноватого самца все эти годы? Однако не смог отказать себе в удовольствии ввернуть, чтобы понаблюдать за крушением надежд:

— Про это *ценное*, Ункац… Тебе положено знать, что оно не имеет материального эквивалента.

«Коппульсо» чуть накренился — не сбавляя скорости, колонна взбиралась на каменистое плато. Под колёсами теперь хрустело, словно гигантский песчаный карп перемалывал кости убитого быка.

Ункац-Аран пригладил усы жестом, снова напомнившем о свето-струнном слепке Князя-Из-Грязи.

— Далеко не из каждой ценности можно выковать перстень, — многозначительно кивнул он, — но это не отменяет её силы. Улица нашептала, что вы собираетесь в пустыню. Мне показалось правильным предложить себя в попутчики.

— Полагаешь себя большим спецом по мёртвым землям?

— А ты думаешь, что свой посох из иннти я купил на развалах Гариб-базара?

— Вообще-то, если откровенно, то да.

Брови чу-ха сдвинулись, но ненадолго. Затем он улыбнулся, словно признавая тонкость шутки. Я улыбнулся в ответ.

Может, так оно и лучше, если Нискирич фер Скичира узнает о дальнейших событиях не от пасынка-терюнаши или криитов, а от наиболее приближённого хвостатого?

Я потянулся. «Коппульсо» были спроектированы почти идеально, но удобными или вольготными для дюжины пассажиров их бы всё равно мог назвать разве что сааду, привыкший спать в стоячей келье. Оглядел полутёмный салон — часть бойцов дремала, остальные ёрзали в мягких фиксаторах, но недовольства проявлять не смел ни один.

— Значит, — мягко, почти «низким писком» уточнил я у старика, при этом поглядывая на Ч'айю, — ты хочешь стоять с нами на одном пьедестале?

Девушка всё ещё не отпускала моих пальцев, и нить разговора чуть не ускользнула, а ведь Ункац-Аран ответил очень важным:

— А кто сказал тебе, мальчишка, что вы вообще победите? — Он причмокнул, усы встопорщились. — Меня забавляет подобная самоуверенность, Ланс… И ты, и я знаем, что ваше дело дрянь. Но мне предельно любопытно, как оно закончится.

Я вздрогнул. Сам (подумать только!) отпустил ладонь Ч'айи. Все прочие звуки стали приглушёнными, в фокусе взгляда остались лишь глаза гадателя. Наклонившись к нему, насколько позволяли ремни безопасности, я снова вызывающе дёрнул подбородком:

— Вот как? А если начистоту, старик — как много тебе вообще известно?

Я думал, он уйдёт от ответа. Может, сошлётся на гадание по потрохам, октавы предсмертного визга жертвенной свиньи или сновидения, в которых углядел истину. Но вместо этого шаман тоже подался вперёд (стоило усилий не отодвинуться, когда я ощутил его дыхание) и негромко произнёс:

— Отряд многоуважаемого Диктатиона идёт за такими же, как ты сам, терюнаши. И она.

Он приподнял бровь и взглядом указал на мою соседку.

Вернув самообладание, девушка пыталась разобрать наш разговор, но мы общались не на стайном канале. Однако же что-то почувствовать Ч'айе удалось, я ощутил это по напряжению её бедра.

— Откуда ты знаешь?

Мой голос начал невольно настраиваться на «низкий писк». Интересно, я смогу применить его через тактическую «мицуху», но с сохранением зрительного контакта? Но Ункац-Аран и не подумал юлить.

— Мой мальчик, Нискирич фер Скичира вовсе не так глуп, как тебе может показаться, — усмехнулся он, и дёрнул левым ухом.

Я облизнул пересохшие губы. Покосился на казоку-йодда рядом со стариком, но тот всем видом давал понять, что вообще не замечает нашего с Ч'айей присутствия в бронефаэтоне. Что ж, мне доводилось видеть бетонные блоки, более заинтересованные в подслушивании разговора, и такое меня всецело устраивало.

В голове лихорадочно крутились мысли и предположения; старик терпеливо ждал, и я не стал затягивать драматическую паузу:

— Песчаный Карп. Господин Киликили, не так ли? Он связался с Нискиричем, говорил с ним. Пытался перекупить, обещал богатство и статус? Судя по тому, что я ещё не в подвалах Нароста — Нискирич в поддержке отказал.

Ункац-Аран медленно улыбнулся, матово блеснули огромные резцы.

— Яри-яри, Ланс, — медленно покивал он, — а ты тоже отнюдь не дурачок.

— А ты думал, свою живучесть я купил на развалах Гариб-базара, старик? У хитрой ящерки по три норы…

— Я восхищён.

— И чего же хочет суродои-котоба «Детей заполночи» в составе секретной и весьма рискованной экспедиции многоуважаемого Хадекина фер вис Кри?

Ункац-Аран изменился.

Как несколько часов назад он из босолапого чудака превратился в подтянутого и готового к схватке казоку-йодда, так и сейчас из расслабленного собеседника стал официальным представителем не последнего клана в западных районах гигантского гнезда.

— Твой названный отец ставит ряд условий, Ланс, — сказал он, бросив многозначительный взгляд на Ч'айю. — Если у вас *получится*, порядки в городе несомненно пошатнутся. Но власть всё равно останется у чу-ха, сисадда? И у «Детей заполночи»,

когда мы покончим с фальшивым влиянием джинкина-там и подконтрольными им казоку вроде «Острозубов» или «Уроборос-гуми».

Я постарался сохранять невозмутимость, хоть это и было безумно непросто. И очень надеялся, что уж Диктатион-то подслушивает, чтобы в случае непредвиденного поворота вмешаться со всей мощью главы крупного клана. И, разумеется, мощью джинкина-там, о которых, как вдруг стало известно, теперь знаем не только мы с Ч'айей и Зикро…

Однако гадатель продолжал с невозмутимостью, за которой крылась откровенная недооценка сил джи-там… или благословение Энки.

— Запретным мицелиумным конструктам придётся умерить аппетиты и отойти в тень, иначе вспыхнувший пожар разгорится с новой, причём ещё невиданной силой, а это не в наших общих интересах. Идеальным же окончанием беспорядков станет объединение «Детей заполночи» с мелкими казоку, мягкая реконструкция «Диктата Колберга», поэтапное поглощение западных и южных районов Юдайна-Сити с последующим расширением на северо-восток и в территории «Ледяного ветра». Пришлым представится возможность выбрать для проживания любой подконтрольный район гнезда, но без расшатывания привычных устоев, сисадда?

Байши, косоглазый черношкурый ублюдок в джинсовой куртке заглядывал так далеко вперёд?! Я стиснул кулаки, но Ункац-Аран продолжал свою (определённо заготовленную) речь, и реакции не заметил:

— Если твои родичи-терюнаши тоже окажутся джадуга, то господин фер Скичира будет настаивать на полном моратории на применение «низкого писка». Это будет своего рода самый крупный за всю историю Тиама «вексель чести», который Нискирич фер Скичира лично выписывает своему пасынку, сисадда? И ты либо вернёшь его названному отцу неукоснительным соблюдением договора, либо твоему племени не стоит переступать границ Юдайна-Сити…

Я откинулся на спинку и поёрзал на сидушке, приспособленной явно под иную, чем у меня, жопу. С прищуром посмотрел на шамана, сейчас говорившего от имени казоку-хетто. Снял перчатки, протёр влажные ладони о штанины и покрутил на пальце колечко Аммы.

— Думаешь, Смиренные Прислужники порадуются такому переделу?

— Чу-ха умеют договариваться друг с другом, — многозначительно заметил Ункац-Аран, тоже садясь по

возможности прямо и укладывая лапы поверх ассолтера на коленях. — Так что ответишь, Ланс фер Скичира?

— Если без использования грязной ругани, старик, то сказать мне особенно и нечего. — Я мило улыбнулся и кивнул. — Чем бы ни закончилась наша поездка, вы с Нискиричем переступили ручей, и я протянул вам лапу, гадатель. Клянусь.

Ункац неспешно кивнул и на секунду прикрыл глаза, а я подумал сразу о двух вещах. Первая: мне уже доводилось видеть, как бок о бок сосуществуют и куда более злые враги. И вторая: истинную цену клятв Бледношкурого Джадуга в этом мире знала только Сапфир…

Ч'айя встревожено переводила взгляд с меня на шамана, но больше мы не сказали друг другу ни слова. Причём за все три или даже четыре часа, проведённые в пути перед долгожданным привалом и ночёвкой.

Диктатион, кстати, больше на связь тоже не выходил. То ли экономил силы, то ли утратил бесценное стержневое присутствие. Впрочем, не могу сказать, что скучал по его голосу — подтянув ремни, я провалился в тревожную дрёму, нарушить которую не могла даже периодическая встряска на валунах.

А когда тело затекло так, что мышцы на бёдрах стало сводить судорогой, Бронза объявил остановку.

Я выбрался из люка, подал руку Ч'айе, мы отступили от «Коппульсо», а затем распахнутое звёздное небо ударило по мне с такой силой, что едва не сбило с ног.

Зачарованный, я уставился вверх, и девушка последовала моему примеру с открытым ртом. Рядом, выполняя команды Бронзы, но нет-нет да поглядывая на сверкающую ночную красоту, сновали казоку-йодда «Диктата Колберга».

Однако ударное впечатление от неведомой для жителя гнезда красоты лишь ненадолго скрыло общую нервозность стрелков Диктатиона. Едва ли не все они впервые покинули пределы гигантского города, и сейчас почти всем им было откровенно не по себе. Многие даже машинально чесались, словно нахватали дюнных блох, хотя я-то точно знал, что такого паразита не заметить на своём плече вообще невозможно.

Сопровождавшие нас чу-ха определённо были готовы и проинструктированы, поэтому площадка для стоянки оказалась оформлена буквально за четверть часа. «Коппульсо» составили треугольником, между фаэтонами разместились дозорные, внутри разложили десятки спальных мешков.

Костров никто не жёг, да и особой необходимости в них не было — сухпайки в стае Энки оказались не только саморазогреваемыми, да ещё и немало вкусными. Не жратва

Щупа из «Каначанхка», конечно, но даже Ч'айя свою порцию съела до последней крошки.

Казоку-йодда из подорванного транспорта никто не вспоминал. Даже в короткой вечерней молитве, словно тех и не было никогда, и я начал понимать, по какому именно принципу Кри отбирал бойцов в этот важный рейд.

Затем — почти не разговаривая, погружённые каждый в своё, хмурые и измотанные бегством из Юдайна-Сити, — мы разлеглись спать, причём казоку-йодда не снимали брони. Я лёг бок о бок с девушкой, умостив «Молот» у щеки, а ассолтер в герметичном чехле поблизости.

Ч'айя не возражала. Оставалась молчалива, сосредоточенна и холодна, но опасная завитушка на лбу всё же поблёкла. Мне невероятно хотелось обнять её, притянуть поближе и словно бы загородить от недоверчивых взглядов хвостатых, но осмелиться я не смог.

Так мы и заснули, тревожно, то и дело просыпаясь, когда стража менялась сменами.

А с первыми лучами солнца наспех перекусили (в честь первого рассвета вне пределов гнезда я даже позволил себе глоток паймы), глубоко закопали отходы и дерьмо, а затем куцая колонна из бронефаэтонов выстроилась в привычном порядке и снова двинулась в путь.

Чтобы уже через восемь часов выяснить, что по три норки вырыты не только у хитрой ящерки-Нискирича, но и у моего старого змееобразного пунчи Данава фер Шири-Кегареты.

praeteritum

…Если джинкина-там и замечает мою реакцию (а наблюдательная сволочуга точно замечает!), то не вмешивается. А вот Ч'айя едва ли обращает внимание, погружённая в собственные мысли. Задумчивая, осунувшаяся и словно бы на глазах похудевшая.

— Почему я? — спрашивает она, в очередной раз убеждая меня, что готова сносить удар за ударом. — Почему не сестра?

— Случайный выбор.

— И ты утверждаешь, что пробудить людей не может кто-то иной, кроме нас? Хочешь, чтобы я поверила в столь слабую систему, уязвимую в корне?

С моих губ срывается нервный смешок. Ха, какая игра слов!

Шкурой чувствую жгучий взгляд девчонки и фокусировку скрытых камер, прикусываю язык. Пожалуй, время для глупых шуток настанет чуть позже. Если вообще настанет…

— Все остальные механизмы потребуют куда больше трудозатрат, — поясняет Диктатион. — Однако вынужден вновь акцентировать ваше внимание, что с тобой всё будет проще. Во-первых, слепок твоей нейроматрицы поможет быстрее миновать защитные протоколы Флорианы. Многоступенчатый механизм их преодоления предполагает прохождение ментального лабиринта, ключом к которому станут особенности мышления.

Он делает паузу. Наверное, потому что моя бровь непроизвольно изгибается в дугу, пока уголки губ недовольно опускаются? Не знаю. Может, и не поэтому. Но фер вис Кри добавляет:

— Ланс, поясню специально для тебя — это будет похоже на визуализированное погружение в Мицелиум. На стремительный полёт сквозь цветные бури с одновременным решением логических головоломок, в принципе непостижимых для сознания чу-ха. У вас же, госпожа Кеменер-Вишванат, процедура пройдёт быстро и безболе…

— Не называй меня так! — вдруг вспыхивает девчонка. На лбу опасно прорезается завитушка. — Сисадда? — И повторяет почти дословно за мной: — Во всяком случае, пока.

— Конечно.

Я прищуриваюсь. И вдруг получаю возможность доказать, что нахожусь здесь не только за глотком бесплатной паймы:

— Эй, пунчи… ты упомянул «во-первых». Значит, есть и «во-вторых»?!

— Разумеется, — откликается джи-там. — Людям, в отличие

от гибридов, непременно нужен лидер. Авторитетный, умелый. Желательно — уважаемого происхождения. Иногда всё сразу, но такие комбинации за человеческую историю выпадали не очень часто. С такой *личностью, собственноручно распечатавшей первый «Корень», с прямым предком Спасительницы они получат мощнейший эмоциональный заряд веры в благополучное будущее.*

Ч'айя всё же опускается обратно на стул, руки безвольно повисают вдоль тела. А я снова глотаю едкую пилюлю неизбранности, но всё же заставляю себя спокойно уточнить:

— А оно благополучное?

— А вот это, Ланс, — отвечает Диктатион, и что-то в его голосе мне не очень-то нравится, — в большей степени будет зависеть от вас…

Глава 9
ТОЧКУ ПОСТАВИТ СТАЛЬ

В общем, если кратенько, то на этот раз верная куртка из вспененных лёгких сплавов меня не спасла…

Впрочем, я опять забегаю вперёд.

А больше, чем за час до упомянутой трагедии мы болтали с Ч'айей и на внушительной скорости катили по пустыне. Той самой, по которой (как выяснилось минувшим вечером) я даже успел соскучиться; той же самой, от которой я (на рассвете вытряхивая песок из ботинок, рукавов и ушей) успел основательно устать.

Под колёсами «Коппульсо» расстелилось протяжённое каменистое плато. Бронефаэтон почти не качало, и я воспользовался его ровным ходом — деловито и очень аккуратно, чтобы на очередном ухабе не вогнать нож в собственное бедро, отрезал у перчаток пальцы. Потому что если Лансу фер Скичире суждено вернуться в Юдайна-Сити, добрый папашка закажет ему справные-новые, а сейчас я хотел удобства и чуть-чуть хулиганского стиля.

Ч'айя, кстати, моё модное усовершенствование отметила и похвалила. Может, чтобы поддержать сонный послеобеденный разговор. Может, искренне.

В голове снова наигрывал «джаз», ему аккомпанировало мерное *чи! чиччи-чи! чиччи-чи-чиччи-чи!* камешков под толстым брюхом транспорта. Я трудился над удалением мизинца и невольно качал головой в такт несуществующей музыке.

Заметив заинтересованный взгляд девушки, защёлкнул нож, отложил перчатку на бедро и пояснил на персональном канале тактической «мицухи»:

— Снова музыка. Странная. Определённо из прошлой жизни, если ты понимаешь. Я вроде упоминал…

Она кивнула, осторожно, и в этот раз не совсем улавливая суть.

— У тебя тоже *такое* есть?

Теперь её недопонимание стало ещё ярче, и мне пришлось подбирать слова:

— Что-то навязчивое. Приходящее само собой и определённо не принадлежащее миру чу-ха?

Она задумалась. Бросила быстрый взгляд на Ункац-Арана, но шаман или дремал, или успешно делал вид.

— Иногда я слышу уравнения, — тихо ответила девушка. И

когда настала моя очередь удивиться, добавила: — Формулы. Их в моей голове повторяет женский голос. Знакомый и незнакомый одновременно. Мне хочется верить, что это говорит мама, но точно знать я не могу.

— И что они означают?

— Это понимание тоже ускользает…

Я покивал, хотя понятия не имел, каково это — слышать фантомные формулы, а не музыку. Снова открыл нож, покончил с мизинцем и бросил отрезанный палец на рифлёный пол «Коппульсо».

С самого утра настроение было странным.

Тёмно-серым.

Сухим, словно воздух за бортом.

Диктатион о себе знать не давал, и я не спешил нарушать текущего положения дел. Вторая часть джинкина-там со своими увещеваниями тоже в уши дуть не торопилась.

Казоку-йодда усиленно делали вид, что нас с Ч'айей не существует (хоть носов морщить и не перестали), увлечённо начищали оружие или занимались настройкой оборудования. Гадатель попробовал завязать разговор за утренней чашкой самовскипающей чинги в специальной банке, но наткнулся на угрюмое молчание и больше не лез.

Ожидание чего-то важного, но совершенно непонятного окутало всех, будто дым благовоний. Несмотря на то, что за границей гнезда мы провели меньше суток, совсем ещё недавние события на его улицах стали казаться бесконечно далёкими и малореальными.

Словно про бойню на восточных окраинах Бонжура и Колберга я видел в манга-драме, штурм Пузырей стаей спятивших кукуга оказался злой выдумкой прокламаторов, а признание мудаков из «Восьмого цвета радуги» и последний разговор с Алой Сукой вообще случились во сне.

Бронефаэтоны катились в невидимую точку на невидимой карте.

Ритм дороги навевал дрёму, но спать решились лишь парочка из сидящих внутри хвостатых. А затем, в неожиданный, но неизбежный момент «Коппульсо» всё же остановились, и что-то подсказало, что это вовсе не пятиминутный привал размять лапы и окропить жёлтеньким колючие стебли хвостокусов.

Ункац-Аран будто тоже что-то почуял и мгновенно распахнул прищуренные глаза, в которых теперь не читалось ни намёка на сонливость. Ч'айя шумно сглотнула, но тут же глубоко вздохнула, пару раз стиснула и разжала кулаки, а затем решительно расстегнула ремни безопасности.

Не успел я попросить её обождать или даже выдвинуть потолочный перископ, как на общем канале раздался голос Бронзы.

— Начинаем «Ощутимое присутствие», — со знакомой уже хрипотцой скомандовал Коготь. — Построение «клин-клин-веер», операторам «скорлупок» быть начеку.

Оба бортовых люка бронефаэтона распахнулись, и через несколько секунд внутри салона остались лишь я, Ч'айя и гадатель.

— Только после вас, — дёрнув ушами, оскалился последний, и подцепил ассолтер на нагрудные крепежи.

Я не ответил. Подхватил собственное оружие, неторопливо вынул из-под сиденья рюкзак. Взглянул на девушку и медленно покачал головой:

— Стариков нужно уважать.

Самец оскалился, будто снова хотел напомнить об отнюдь не преклонном возрасте, но фыркнул, встряхнулся и выбрался наружу.

Распахнутый люк, из которого в бронированное пузо транспорта врывался приглушённый дневной свет, казался переходом в иной мир. Впрочем, если разобраться, так оно и было…

Ч'айя покинула нишу сиденья, но я придержал за локоть. Набросив ремень ассолтера на шею, передвинул оружие на грудь и положил пальцы на переделанную рукоять. Неспешно подобрался к выходу, втянул носом пыльный воздух недобрых пустошей.

Отчего-то так и представилось — все сорок бойцов «Диктата» полукругом растянулись перед нашим «Коппульсо» и взяли люк на прицел…

Облизнув губы, я подобрался ещё ближе к порогу. Мог ли многоуважаемый господин фер вис Кри устроить всё это ради ловушки на двух беспокойных людишек? Пожалуй, такой план казался излишне сложным, невероятно дорогим и рисковым… но кто до конца понимал происходящее в виртуальной черепушке джинкина-там?

Чуть приподняв ствол, я медленно выглянул наружу — если Диктатион и задумал недоброе, это будет ему дорого стоить… — но наткнулся на недоумевающий взгляд Ункац-Арана, озадаченного заминкой терюнаши.

Я подмигнул чу-ха, спустился по откидным ступеням, бросил ассолтер болтаться на перевязи и протянул свободную руку девушке. Вдохнул полной грудью, наконец осмотрелся.

Колонна остановилась у подножия одинокой пологой горы в

полсотни метров высотой, чья плоская вершина могла бы служить столом для великанской игры в тайчо. «Коппульсо» снова разместились треугольником, причём «Третий Зуб» от возвышенности прикрывали туши остальных.

Блёкло-синее, уже темнеющее небо будто разрезали пополам — на западе бурлил высокий, выкрашенный в десятки оттенков серого грозовой фронт, в то время как к востоку от нас высь не пачкало ни единого облачка. Ветер, предвещавший скорую непогоду, заметал под одежду песок, трепал воротник и взвивал вокруг бронефаэтонов десятки игривых пылевых смерчей.

В ноздри ударил запах глинозёма и песка, выступающих из земли скальных пород, редких затхлых водоёмов и чахлой травы; запах места, которое я почитал за пустыню, всколыхнул внутри что-то забытое, дикое и стремящееся… отомстить?

Удивлённый собственными чувствами, я оглядел бескрайнее пространство поросших колючками дюн, посреди которых вспухала плосковершинная гора. Откровенной опасности не ощущалось. Но тот *я*, который глубоко внутри ещё остался частью Стиб-Уиирта, пусть и его подневольной частью, он вдруг что-то уловил.

Опасность была.

Причём совсем рядом.

Солнце прожаривало без шуток, но стоило мне подумать, что пальто вполне может остаться в броневике, как налетел порыв настолько освежающего ветра, что захотелось накинуть капюшон.

— Почему встали? — спросил я у Бронзы.

Тот покривился, но ответил, негромко и неохотно, так хотя бы без ожидаемого презрения:

— Нужно кое-что уточнить.

В груди сжалось, предупреждая, что разговор едва ли пойдёт о сортах паймы.

— Значит, нам *сюда*?

Бронза снова поморщился. Отчёты перед терюнаши, пусть даже по прямому распоряжению персонального божества, определённо тяготили Когтя.

— Финишная точка здесь. Точнее, наверху, на плато.

— Энк… многоуважаемый господин фер вис Кри подтвердил пункт назначения?

— Связь с ним пока утрачена, — причмокнув, будто мяты пожевал, признал самец. И добавил с ещё большим разочарованием: — В этом случае он… приказал говорить с тобой, терюнаши Ланс…

Ох, байши, до чего же неловко ему было это озвучить! Впрочем, наплевать, нам с ним не детёнышей воспитывать…

— Отлично! — Я встряхнулся, чудом удержался от глотка из фляги, и приподнял воротник от налетевшей пылевой плётки. — Тогда вперёд, склон не выглядит непроходимым. Рванём на самый верх, сисадда?

— Склон не выглядит непроходимым, — осторожно признал Бронза. — Он выглядит… жилым.

Чу-ха дёрнул усами и демонстративно мотнул башкой за моё плечо.

Я медленно, будто под слоем песка прятался рой скорпионов, выдвинулся из-за кормы «Коппульсо». Присмотрелся к горе и многозначительно хмыкнул.

Раздери меня Бансури… Поросшие кустарниками склоны и вправду оказались не такими первозданными, как на первый взгляд — частую лестницу определённо не природных террас покрывали язвы овальных нор. Причём немало.

— Яодуны, — уверенно прошептал Ункац-Аран почти в ухо, чуть не заставив подскочить.

— Байши, ещё раз так подкрадёшься, и я…

— Почти горизонтальные пещеры, — как ни в чём не бывало продолжил шаман, разглядывая склон из-за моего плеча, — иногда уходят немного вниз. Был в подобных, очень любопытная конструкция, зимой там тепло, а летом всегда приятная прохлада. По моим подсчётам, в таких оседают до десяти процентов кочевых стай.

Сучий умник! Вот только жизнеописаний чу-ха-хойя нам сейчас и не хватало… С другой стороны, было бы наивно полагать, что расположенные над нами яодуны пустовали. А это значило, что…

— «Облако-один», «Облако-два», — скомандовал Бронза на общем канале, — встречный курс по периметру.

Я снова обернулся к четырём десяткам казоку-йодда и увидел практически невозможное — отгородившись от склона бронёй «Коппульсо», хвостатые разбились на малые тактические стаи и без движения застыли в ожидании распоряжений.

Сам Девятый Коготь оседлал лестницу первого бронефаэтона и развернул на предплечье гибкий свето-струнный экран.

Только сейчас я обратил внимание, что выбранный Диктатионом вожак носил шлем в традициях матёрых кубба — с отстёгнутыми отсеками для защиты ушей. Которыми сейчас активно вращал, пытаясь уловить подозрительное в перешёптывании песка и ветра.

— А вон ещё посмотри! — Ункац-Аран даже тронул меня за плечо, то ли смелости на Гариб-базаре прикупил, то ли впрямь задумался. — Выглядит крайне любопытно.

И даже бинокль протянул, приглашая проследить за жестом лапы, но я отмахнулся и натянул на лицо «Сачирато». Настроил дальность, резкость, пробежался взглядом по холму, и хватка в груди стала чуть сильнее.

Метрах в двухстах от места нашей стоянки на холм вела дорога. Точнее, когда-то она таковой точно была, сейчас угадываясь едва-едва, однако её обрамление… оно осталось неизменным. Более того, судя по всему, его время от времени подновляли.

По обочинам утрамбованной полосы возвышались невысокие деревянные шесты (я был готов ставить на кон пару тысяч рупий, что это иннти), к их поперечным перекладинам крепились кости, перья и гладкие полосатые камни с высверленными отверстиями; местами встречались блёклые тряпичные ленты.

Ах, да, а ещё почти все шесты венчались черепами, добела отполированными пылевыми ветрами. Часть их определённо принадлежала чу-ха-хойя, часть могла принадлежать животным — барханным пумам или турам, а несколько выглядели… необычно, и при взгляде на них ладони непроизвольно вспотели.

— Тут определённо не рады гостям.

— Для существа, побывавшего в пустыне, ты явно переоцениваешь дружелюбие местных стай, — усмехнулся старик. Причём таким тоном, что мне стоило труда не потянуться за кастетом.

Приказ Бронзы тем временем исполнили: один боец опустился на колено, второй тут же вынул из его рюкзака стопку матовых блинчиков, точь-в-точь как у «Садовника» Ребра при штурме ночного парка развлечений. Через мгновение веер дисков взмыл в воздух, они разделились на две тройки и понеслись в разные стороны вдоль склонов.

Я замер. Вспомнил, к чему привела воздушная разведка в упомянутом парке… но гора стрельбой не откликнулась. Через минуту, с жужжанием облетев объект по двойному периметру, диски благополучно вернулись к скоплению бронефаэтонов и с глухим свистом воткнулись в песок возле лапы оператора.

В следующие несколько секунд Бронза и Ункац-Аран говорили одновременно. Один на общем канале связи, второй — снова мне на ухо, причём с горечью недооценённого пророка:

— Взрослые самцы племени покинули пещеры…

— П*здеж.

— …активности на склонах не обнаружено…

— Ага, конечно, так они и показались…

— …сканирование в разнополосных спектрах улавливает минимальную подсветку сигнатур, это самки, детёныши и

животные, вероятнее всего — свиньи. Прочее движение на склонах — мыши, змеи и прочая подземная живность…

— А про плащи со слоем *синей глины хопш* ты ничего не знаешь…

— …всем приготовиться. Поднимаемся пешком, операторы «скорлупок» прикрывают, готовьте «прессы». По моему приказу «Первый Зуб» набирает высоту, склон минус тридцать градусов, отметка нанесена.

— До чего же опрометчивый малый…

— Да залепи ты уже пасть! — прошипел я.

Ситуация начинала ускользать из-под контроля, что вдруг всколыхнуло внутри меня волну не тревоги, а раздражения. Байши, про глину хопш слышал даже я, хотя и считал пустынный аналог шкуры-котокаге чем-то из разряда сказок.

Ч'айя, спиной прижавшись к броне в двух шагах поодаль, наблюдала молча и бесстрастно, но морщинка на лбу всё же прочеркнулась. Ох, до чего же в этот миг мне хотелось ещё раз предстать пред ней сильным и бесстрашным, способным ради девчонки прорваться сквозь самое лютое пламя! Презирающим любую опасность, с лёгкостью решающим любую проблему… но часть виртуа-Лансов, ещё не растерявшая здравого смысла в угоду брачным игрищам, всё же подтолкнула прошипеть:

— Бронза, стой!

Вышло чуть громче, чем я планировал.

А ещё вышло на общем тактическом канале, и в мою сторону повернулся не один десяток морд. Губа Когтя «Диктата» приподнялась и обнажила огромные резцы, веко задёргалось, но он проглотил почти вырвавшуюся брань.

— Терюнаши, — сдерживая рычание, процедил боевик, и мне вдруг снова вспомнилась ночная парковочная башня, куда меня доставили «надёжные хвосты» Диктатиона, — попрошу в последний раз, не лезь! Достопочтенный господин фер вис Кри отправил меня в это путешествие, за которое уже заплатили жизнями немало братьев-криитов, чтобы доставить *вас* целыми на эту вершину. — Он ткнул узловатым пальцем в сторону горы так резко, что коготь едва не оставил прореху в пыльном воздухе. — И я сделаю это, причём любой ценой. И пусть достопочтенный господин фер вис Кри приказал слушать тебя, сейчас он далеко. И только *мне* решать, как именно это произойдёт, сисадда?

— Хей, пунчи, — я показал ему раскрытые ладони, — да я ведь только хочу помо…

— Тогда набери в пасть песка и сиди, пока я не прикажу бежать!

Я захлопнул рот и носом втянул исходящий от

бронированного борта жар. Мне до жути хотелось поставить крысеныша на место личным вмешательством достопочтенного господина фер вис Кри, но тишина на личном канале Энки как бы намекала, что разбираться с Когтем «Диктата» мне предстоит самому. И отнюдь не добротным ударом в челюсть…

Что ж, пожалуй, это я всё же мало-мальски умел.

Осмотрел Бронзу, на этот раз по-новому, будто впервые. Подметил следы операции под нижней челюстью, едва заметные под ремешками шлема, и чуть дальше к скулам, где полосы шрамов от двойной перешивки так и не заросли шерстью. И как я только не обратил внимания сразу?

Я выдохнул, улыбнулся и спросил чу-ха, не позволив вернуться к изучению приборов:

— Готов спорить, на «Состязании единения боли и радости» ты болел за «Арсенал»?

Тот вздрогнул и заморгал, вышибленный из ситуации так, будто из «Коппульсо» за моей спиной вдруг выбралась его мамашка. Уже через миг глаза криита обрели привычный блеск, сузились в прищуре, и он медленно кивнул:

— Если бы это и правда был спор, ты бы выиграл пару рупий…

— Хорошая команда, — я многозначительно покивал в ответ. — Все бывшие вояки за них топят, верно? А ты, если не ошибаюсь, из кубба будешь, так?

Он поёрзал. В последний момент удержался, чтобы не осмотреть ряды наблюдавших подчинённых.

— И что с того?

— Лично я болел за «Змеиный укус», — торопливо добавил я, ещё сильнее выбив его из колеи.

— «Укус»? — нахмурившись, уточнил Бронза. — Ты же из «Детей заполночи», а их командой считается…

— Хо! — я снова оборвал его, но темпа старался не повышать. — И что с того? Ты вот служишь «Диктату», но сильно сомневаюсь, что над твоей койкой висит накидка «Восходящей луны»!

Бронза облизнул губы. Бросил-таки быстрый взгляд по сторонам. Я слышал, как за спиной переминается с лапы на лапу озадаченный Ункац-Аран, почти физически ощущал тяжёлый взгляд Ч'айи, улавливал смятение остальных казоку-йодда.

— Мы бы вас порвали, — наконец бросил, будто сплюнул, Бронза. — Если бы вы не перекупили Кайто-Кири и не заставили переехать в Ишель-фав…

— Верно, — кивнул я с неожиданной покорностью. — Но это «Укусу» ещё отрыгнется, сисадда? Один чемпионат не показатель,

но я что-то не заметил, чтобы Кайто-Кири выкладывался на все двести кусков, что старейшины района выложили за его переезд.

Бронза вскинул морду. Усы его встопорщились, и он довольно хмыкнул:

— Это точно, терюнаши, все Задворки говорят, что вы остались с носом!

— Посмотрим в следующем году!

— Посмотрим в следующем году, — важно подтвердил чу-ха, и добавил с довольным оскалом: — Но только если мы не перекупим засранца обратно!

— Хо! — Я даже хлопнул себя по бёдрам. — А вот в этом вам придётся обогнать «Три ножа»!

— Да ладно?! — Девятый Коготь казоку встрепенулся, напрочь забыв о пустыне, плосковершинной горе, приказах многоуважаемого господина Хадекина фер вис Кри, удивлённых подчинённых и предстоящей операции. — Откуда ты вообще можешь знать, что?..

Он осёкся. Прищурился. Дёрнулся, будто в морду летело что-то острое, и обмяк на ступеньке.

— Сука, — негромко выдохнул Бронза. Но без злобы, и вроде как даже с удовлетворением. — А ты и правда джадуга…

Я улыбнулся в ответ, донельзя обрадованный окончанием разговора — мои познания по штормболу начинали стремительно таять. Впрочем, даже не совсем так — они элементарно исчерпались, и спроси Бронза ещё хоть о чём-то, выглядеть бы мне полнейшим дураком.

— Ладно, терюнаши, — вздохнул криит. — Я раскусил твой замысел, отлично сыграно. Но хочу, чтобы и ты уяснил: я тебе не враг, а просто хочу как можно лучше исполнить приказ Диктатиона, сисадда? Поэтому искренне прошу многоуважаемого Ланса фер Скичиру не мешать проведению операции «Ощутимое присутствие», а спокойно дождаться, пока…

Я кивнул и протянул ему скрещённые пальцы.

— Понимаю и ценю. Но пойми и ты: многоуважаемый Ланс фер Скичира хочет уберечь операцию «Ощутимое присутствие» от провала. Неужели ты не чувствуешь ловушки?!

Бронза встал с лесенки и сложил свето-струнные панели предплечья. На мгновение показалось — сейчас наведённый дружеский морок спадёт, и хвостатый снова оскалится. Но тот лишь упёрто покачал башкой и угрюмо повторил:

— Поверь, мои йодда способны справиться с самками и детьми…

— Послушай, Бронза, я жил в пустыне и представляю, на что способны ваши бесхвостые сородичи…

— Опять в ту же лужу! Ланс, чем дольше ты мешаешь мне выполнять мою работу, тем больше шансы, что племя вернётся с охоты или куда они там уходят…

— Они не ушли на охоту, — вдруг ввернул Ункац-Аран. А я осознал, что теперь гадатель стоит рядом, но на полкорпуса ближе к крииту, словно взял на себя лидерство в разговоре. — Я неоднократно отправлялся в пустоши вокруг Юдайна-Сити, уважаемый Бронза, и могу уверить, что…

Я сделал шаг, невзначай перекрывая старика плечом:

— Ты видел аллею, ведущую на вершину горы? Видел тотемы, черепа и священные ленты? Так чу-ха-хойя…

— …Отмечают места силы, сакральные и неприкосновенные, связанные с чем-то важным и божественным, — добавил Ункац-Аран, ловко обогнув меня и снова оказавшись чуточку ближе к Бронзе. — В такие места…

— …Заказан вход чужакам, — теперь я оборвал шамана, повторно вклиниваясь между ним и вожаком стаи «Диктата Колберга». — Племена, обитающие вокруг *инья'мтарр*, берут на себя вековые обеты и вообще не покидают святынь…

— …Так что охоты быть не может, — как ни в чём не бывало закончил мою фразу полулысый мудила, в третий раз заступая вперёд, — ведь кормить и содержать их — обязанность всех окрестных кочевых стай.

— Байши, старик, да ты наконец заткнёшься?! Мы поняли, что ты преисполнен пустынной мудрости! Мы верим, что действительно шатался по барханам! Но какого беса ты вообще лезешь в мой разговор?!

В треугольнике меж «Коппульсо» наступила густая тишина, центром внимания которой снова, разумеется, стал я. Наверное, не стоило орать на старого знакомца?

Я был вынужден разжать кулаки, сглотнуть, отступить на полшага.

Чу-ха рассматривали вспыхнувшего терюнаши с презрительной смешинкой во взглядах; Бронза казался неподдельно удивлённым, Ч'айя с трудом сдерживала улыбку, а Ункац-Аран укоризненно склонил голову:

— Я просто хочу быть полезным, Ланс, — негромко сказал он, на секунду заставив почти поверить в искренность тона.

Ох, старая хитрожопая крыса, знал бы ты, насколько таким хочу быть и я сам…

Прочистив горло, я сделал вид, что ничего необычного не произошло.

— В общем, я пытаюсь предупредить, что с этой горой всё не так просто, как может показаться, и первым делом сто́ит…

Конечно же, закончить мысль и реабилитироваться в глазах всей стаи мне не позволили — на общем отрядном канале свистнуло коротким *«контакт»*, и казоку-йодда разом присели в боевых стойках. Бронза, за секунду оказавшийся у таранной насадки фаэтона, осторожно выглянул из-за армированного колеса.

Мы с Ч'айей и Ункац-Араном рванули к корме «Коппульсо», сбившись в комок и ожидаемо морщась от запахов друг друга. Впрочем, сейчас меня тревожили отнюдь не ароматы шкуры полулысого гадателя «Детей заполночи»…

Природные террасы горы, ещё минуту назад пустовавшие, теперь были покрыты фигурами чу-ха-хойя. И даже на первый взгляд их было не меньше сотни.

Первое, что бросилось в глаза — белая масть всей многочисленной стаи. Сложно было определить, клановая ли это мутация, или искусственное ритуальное обесцвечивание, но выглядело весьма жутковато. Второе — причудливо-многослойные тёмно-бурые тюрбаны и бурнусы, напомнившие накидку-сатти Магды вис Мишикана, все в голубоватых разводах подсыхающего хопша. Ах, да, и ещё третье — оружие, здоровенные буар-хитты, сжатые в жилистых лапах.

Усыпав горный склон, пустынные манксы мерно покачивались из стороны в сторону, будто диковинные растения под порывами ветра. Местами из-за валунов также выглядывали самки в плотных, скрывающих морды накидках, и даже любопытные детёныши. А ещё рядом с некоторыми виднелись звери, и я не сразу поверил глазам — это были собаки.

Причём не мелкие гнездовые вырожденцы, шныряющие по улицам Юдайна-Сити в поисках объедков или падали, а крупные приохоченные псы, твари весьма зубастых оскалов, в холке дорастающие до пояса взрослого чу-ха.

Это казалось немного нереальным, но животные покорно отирались возле вооружённых самцов, пока без рыка, но и рублеными хвостами не повиливая; как и хозяева, они наблюдали за чужаками-пришельцами с хладнокровным оцениванием.

Так, Ланс, а вот теперь начинается важное…

Теперь главное — не потерять такого же спокойствия и нам. Нащупать инструмент воздействия. Обыграть систему сурового пустынного мира, где большинство вопросов решают чутьё, крепость духа и вера в свою правоту.

Чу-ха-хойя примитивны. Просты в своей прямоте. По-своему открыты к честности и совершенно не умеют плести интриг. Значит, сейчас через Бронзу (а может, даже Ункац-Арана) мы попросим дозволения приобщиться к святыне. Убедим, что

специально отправились в шамтарр ради этого места.

А уж если местные откажутся, просто запугаем их своим высокотехнологичным снаряжением, ведь у Шири-Кегареты с его свето-струнным слепком змея это вполне получалось!

— Уходите! — проскрежетало с террасы, и я никак не смог понять, какой именно из пустынников это сказал. — Это закрытая земля, и ни один чужой хвост не оставит на ней следа.

— Изгонять страждущих паломников в пустыню — страшное преступление! — вдруг прокричал гадатель из-за моего плеча. Мы с Ч'айей вздрогнули, а Бронза повернулся с гневной гримасой. — Мы не просим приюта, но имеем права очистить дух на вершине инья'мтарр!

Стало так тихо, что я слышал осыпающиеся с барханов струйки песка. С запада продолжала накатывать буря, ещё далёкая, но густая и пугающая.

— Это закрытая земля! — повторили со склона, и на этот раз мне показалось, что говорил совсем другой самец. — Табу. Нишид. Фаду. Вам нет в неё хода!

— Скажи им, что мы имеем право, — вдруг прошептал я гадателю. — Нам дозволил Энки, что лепит своих детей из глины подземного океана Тиамат!

Ункац-Аран покосился на меня так, будто я только что обвинил его мать в продажности. Но воздух в лёгкие втянул и уже приготовился продолжить увлекательный спор с хозяевами запретной горы. Но третий чу-ха-хойя опередил, прокричав громко и распевно:

— Уходите! Или мы заставим! Ведь сказано: не возжелаю я земель ядовитых, ведь гады правят в них, и нет права моего держать когти свои над их песками; не возжелаю я вод жгучих, пусть моллюски и твари глубинные право там имеют, и не омочу усов своих, на правление претендуя; но божествами данное мне хранить стану, не щадя ни хвоста, ни сердца, ведь таков путь мой, и пусть Пунч-ки-лат сорвёт плоть с костей моих, если отступлюсь от предначертанного и дрожь страха заставит меня предать веление сердца!

Ункац-Аран поперхнулся, спрятался за бортом «Коппульсо» и к моему ужасу расчертил морду охранными знаками. Его встряхнуло, будто под броню забрался паук.

— Ты чего, дед?! Таблетки действовать перестали?

Он сглотнул, быстро облизал зубы и даже не отреагировал на дерзость.

— Наш новый пунчи на склоне цитирует Кодекс Супра'чу-ха, — пробормотал он, потирая щёку. — Причём в самой замшелой его версии. Я такого староверия не встречал даже во

время шамтарр…

— Байши… — Я ощутил, что ладони начинают предательски потеть. — Звучит так себе…

— Это, Ланс, звучит куда хуже, чем так себе.

Я снова выглянул, всматриваясь в чуть покачивающиеся силуэты пустынников. Да, звучало хуже, чем так себе. Звучало, как фанатичная стена, которую не прошибить ни логикой, ни угрозами, ни увещеваниями. В этот же момент стало заметно, что самки и детёныши исчезли, что также определённо не сулило ничего хорошего.

— Уходите, чужаки! — добавили со склона слева, причём столь же хрипло и угрюмо, будто чу-ха-хойя всей стаей тренировались говорить в тон. — Мы не желаем зла добросердечным, но когда в пустыне меняется ветер, это редко бывает к добру.

Ох, пунчи-кочевник, так ведь ветер уже поменялся. Может, и правда не к добру, но этот ветер уже не загнать в кувшин…

— А теперь послушайте вы! — вдруг прокричал Бронза, и я запоздало сообразил, что никак не могу помешать Когтю. — Меня зовут Ишима Квичи, также известный, как Бронза, и я Девятый Коготь казоку «Диктат Колберга» на службе у достопочтенного господина Хадекина фер вис Кри, пусть будет небо чистым над его норой! Я здесь, чтобы доставить своих подопечных на вершину этой горы, и пойду на всё, чтобы казоку-хетто гордился своим слугой! Расступитесь, дайте пройти и тихонько сделать свою работу, и сегодня песок не станет пить крови!

Ч’айя побледнела и вжалась в борт броневика, а я обречённо вздохнул.

— Не будь героем, Ишима Квичи по прозвищу Бронза! — ответил горный склон, и мне показалось, это снова был третий из пустынников, тот самый, что цитировал напугавший шамана Кодекс Супра’чу-ха. — С моей буар-хиттой между глаз в пустыне не бывает героев! Уходите, пока можете, и пусть боги будут милостивы к вашим заблудшим душам.

О, Благодетельная Когане Но, сколько ж раз видел я подобные противостояния. В переулках, в грязных дешёвых выпивальнях, занюханных подвалах и богатых залах для переговоров казоку-хетто…

И роднило их одно — какие бы слова ни звучали, когда исчерпывались аргументы и выдвигались когти, точку в споре доводилось ставить не монете или драгоценному камню, а исключительно клинку или фанга. Да, так оно и бывает, хоть в Тиаме, хоть, готов спорить, в любом ином мире — точку ставит сталь…

Я жестом попросил Ч'айю оставаться на месте и перебрался поближе к Бронзе. Тот сидел спиной к колесу бронефаэтона, уставившись в бурю на горизонте, и играл желваками, будто пережёвывая услышанное от хранителя горы.

— Так, пунчи, всё в норме, было глупо не попробовать обвести их вокруг хвоста, сисадда? — как можно мягче и улыбчивее сказал я, показав ладони. — А теперь давай-ка отойдём и составим новый план, гибкий и ловкий, как бы того захотел господин фер вис Кри. Готов спорить, мы куда умнее этих примитивных…

— Нет, терюнаши, — сказал Бронза, по-прежнему глядя в пустоту над моим плечом. — Мы взойдём на эту гору, сисадда? Прямо сейчас. Непобедимость заключена в сердце чу-ха, возможность победы — заключена в противнике. Их вера обманчива и слаба, и сейчас она приведёт их к гибели. Ты сам сказал, терюнаши, что нам нужно наверх, и мы оба знаем приказ господина фер вис Кри…

— Диктатион бы не одобрил такой прямолинейности…

Бронза фыркнул и вздрогнул, будто я его по носу щёлкнул:

— Тебе-то откуда знать, болезный?! Моего казоку-хетто тут сейчас нет, и он велел обращаться к тебе с вопросами, а не для получения приказов. Так что всем стаям готовиться к бою!

Был ли я удивлён? Едва ли.

Чу-ха всегда решают вопросы по-своему, и не всегда их умысел достижим для расшифровки… Так было на крыше ночной парковки, где излишне усердные ребятки Хадекина фер вис Кри «хотели просто поговорить», так повторялось в пустыне у подножия священной горы…

Ункац-Аран тоже оказался рядом. И вдруг ввернул, обеспокоено прислушиваясь к звукам на склонах:

— Терюнаши в кои-то веки говорит разумно, господин Квичи. Если мне будет дозволено сказать, я тоже предлагаю отступить и обдумать, как…

Бронза стиснул кулак и перевёл на гадателя очень опасный взгляд:

— В этих холмах нет силы, способной остановить мою стаю!

— Ох, Коготок… — Тот устало помотал головой, но взгляд отвёл, избегая прямого конфликта. А затем добавил, заставив в очередной раз пересмотреть мои оценки умственных способностей хвостатого, которого я много лет считал завистливым и бесполезным: — Я, конечно, тебе тоже не указ, но все корни зла в Тиаме лежат именно в нежелании чу-ха увидеть мир через стекло *«таков он есть на самом деле»*, и нашей непреодолимой потребности исказить мир через мутную линзу

«таким хочу видеть его я»…

— Ты совершенно прав, — глухо процедил Коготь «Диктата», поднимаясь и оправляя ассолтер.

— Действительно?

— Да, — губа Бронзы презрительно дёрнулась, — но лишь в том, что ты мне тоже не указ. И я здесь вовсе не для того, чтобы нести зло. Более того, если потребуется, во имя Диктатиона я выкорчую его, как бы глубоко ни сидел корень…

Я тревожно оглянулся на Ч'айю, всё ещё прилипшую к борту шестиколёсного фаэтона. Она, кажется, расслышала, потому что кровь ещё сильнее отхлынула от щёк. Я покачал головой: *нет, детка, спокойнее, это лишь совпадение*. Да и о каких корнях зла идёт речь, когда речь заходит о «Корне» с нашими сородичами?

Бронза ощерился, когда мне пришлось наклониться, чтобы спросить доверительным шёпотом, а не на тактическом канале:

— А позволь вообще узнать, что именно приказал многоуважаемый господин фер вис Кри?

Чу-ха задумался, словно не хотел сболтнуть лишнего. Наконец процедил:

— У меня есть координаты. Я должен доставить туда вас двоих. Любой ценой и как можно скорее, сисадда? Такого мне достаточно, и я не собираюсь торчать тут неделю, подтачивая нервы этих голожопых по всем правилам осадного боя. — И добавил уже для подчинённых, будто меня и рядом не стояло: — Готовимся!

Пустынники, конечно, заметили. Уловили, будто бы действительно считали в изменениях ветра. Террасы задвигались, когда покрывавшие их силуэты начали рассредотачиваться за валунами.

— Повторю в последний раз, — прокричал один из ложных хозяев горы, — убирайтесь!

Бронза зарычал и вскинул морду, даже не потрудившись выбрать адресата:

— Если ты, вонючий упёртый тупорог, не дашь нам пройти, на вас обрушится весь гнев…

Закончить пламенную угрозу ему не дали, потому что со склона понёсся протяжный вой, не суливший ничего доброго.

— Ай-ка-рита-ай, братья! Настал момент, о котором нам говорили землеройки, невидимые посланники Ди'джена и Биди! Готовьтесь, братья, нет пощады чужакам!

Я охнул и потёр лицо ладонью.

Чудовищно, но ожидаемо — Господин Киликили недурно накрутил своих марионеток, поклоняющихся богам землетрясений и запертых дверей. В другой момент это

показалось бы донельзя ироничным, но сейчас внутри осталась только тоска. И ведь Культ Горы наверняка создавался предусмотрительной сукой далеко не один год, и даже десятилетие…

Боевики «Диктата Колберга» и не подумали спорить или осуждать приказы вожака, бросившись беспрекословно исполнять. Рассыпались на мелкие стаи наступательного порядка; в воздух тут же поднялся беспилотник и ещё пяток разведывательных дисков.

Первыми стрелять начали чу-ха-хойя.

п.5.; г.9; ч.2

Я услышал знакомое *кххумд!* буар-хитты, ещё одной, и по песку вокруг броненосцев шлёпнули первые фанга. Тут же на склонах завизжали, воздух наполнился воем глиняных свистков, и к звукам пальбы подключилось рычание псов — повинуясь воле хозяев, они рванулись вниз рвать чужие глотки.

А над горой, заставив мою челюсть отвиснуть, вдруг поднялись огромные — метров по тридцать каждая, — фигуры демонов Биди и Ди'джена — уже упомянутых защитника дверей и рождателя трясений тверди.

Будто бы вынырнув из горной плоти, свето-струнные слепки распахнули зубастые пасти и вскинули к темнеющему небу по три — как и у их матери Когане Но, — пары когтистых лап.

Я осознал, что держу ассолтер на боевую изготовку и стою так, будто в Ч'айю за «Коппульсо» собираются стрелять. А ещё подумал, что на склонах запретной горы собрались точно такие же, что и отобранные для нашего эпохального похода самим фер вис Кри — отмороженные на всю башку, готовые фанатично умереть по приказу невидимого Песчаного Карпа, в последний раз бесплотным голосом являвшегося старейшинам стаи лет эдак триста назад.

Однако приходилось признать — свето-струнные слепки оказались блестящей идеей, способной без труда разогнать излишне осмелевших кочевников. И ещё — занявших оборону под хвостом опасно-реалистичного Ди'джена уж точно не напугать визитёрами из технологичного гнезда…

Впрочем, пугать было впору самих визитёров — несмотря на рвение служить «Диктату», многие из них сейчас оказались откровенно подавлены и пялились на изображения божеств так, будто те действительно снизошли в Тиам из подземных царств, а не сгенерированы мощными проекторами. Да что там?! Несколько казоку-йодда даже опустились на колени, и можно было спорить, вовсе не в поисках укрытия — они молились о спасении души, сейчас принадлежавшей клану…

Я облизнул сухие губы и постарался как можно чётче оценить обстановку.

На полочки понимания категорически не втискивалось, как взрослые и обученные чу-ха, ещё сутки назад вовсю пользовавшиеся гаппи, иллюзиумным погружением, силовыми коридорами фаэтонов, пузатыми ловцами ветра и крохотными белковыми накопителями информации, махом забыли о здравомыслии и стали примитивными трусишками, в своём

сознании ещё не покинувшими грязных нор, в которых столетия назад сражались с воинствами Бансури!

Впрочем, большинство криитов всё равно двинулись в бой.

Встречные фанга щёлкали по «Коппульсо» и взбивали вокруг глиняные фонтанчики, изредка даже звенели по наплечникам и шлемам. Атакующие тоже взялись поливать склоны, но с врождённой меткостью всех хвостатых это выглядело чудовищно, и процент поражения с обеих сторон выглядел неприлично низким.

А вот собаки…

Они-то промахиваться не любили.

Когда первые несколько псов слетели со склона и врезались в наступательные порядки стаи Энки, Ч'айя невольно вскрикнула. Врать не стану, вблизи рассмотрев оскаленные клыки по десять сантиметров длиной, летящую с морд пену и вздыбленную шерсть я тоже чуть не дрогнул.

В них, конечно, сразу начали палить, причём на короткой дистанции эффективность такой стрельбы оказалась куда выше. Однако же вот я заметил, как одного казоку-йодда в пяти метрах от бронефаэтона задрали сразу два пса. Окружили, накинулись, метко вцепились в бедро и шею над горжетом, и яростно, почти не рыча, измочалили на куски, не обращая внимания на град фанга, которыми напарники бедняги нашпиговывали их со всех сторон. Наконец звери издохли, визжа сквозь стиснутые зубы и истекая кровью, но челюстей так и не разжав…

Я увидел, как Бронза сформировал вокруг себя малую стаю из примерно семи-восьми бойцов и последовательно смещается на левый фланг.

Над головой протяжно загудело *ву-у-ух! ву-у-ух!*, заставив прикрыть девчонку всем телом и вжаться в борт «Коппульсо», и я не сразу сообразил, что с транспортов взялись работать бомбомёты.

На террасах рвануло, сначала без особой вспышки — шумо-осколочным, для подавления и устрашения, но совсем сразу с грохотом, во все стороны раскидывая осколки камней и оторванные лапы. В небо пыхнуло огненным столбом, окутавшим торс свето-струнного демона.

Ч'айя ахнула так понятно и отчаянно, что у меня подкосились колени. Через миг я представил, как жидкий огонь вливается в норы с самками и их потомством… но девчонка пеклась вовсе не о них.

— Прекратить! — закричала она на стайном канале, причём твёрдый голос никак не вязался с бледностью лица. — Байши, Бронза, немедленно отставить бомбы! Нельзя повредить гору!

Тут докатилось и до меня…

Высунувшись из-за массивного колеса, словно визуальный контакт с Девятым Когтем «Диктата» мог помочь достучаться до твердолобого казоку-йодда, я тоже заорал в стайную «мицуху»:

— Отставить пальбу по склонам! Это приказ!

Бронза (я видел его на склоне, метрах в пятнадцати выше и левее) замер, будто и правда уловил мой взгляд; присел за камнем, обернулся к бронефаэтонам и оскалился. Мне показалось, чу-ха остался недоволен, но раздумья вожака не были долгими.

— «Скорлупкам» отбой по «прессам», работаем с лёгкого, — прошипел он во всеуслышанье. — Когда поднимусь до отметки «шесть-два», «Первый Зуб» вперёд по намеченному маршруту.

Сменив кассету ассолтера, Ишима Квичи выскочил из укрытия и припустил по склону вверх, увлекая за собой остальных. За нашими спинами взвыл двигатель одного из «Коппульсо», туша рванула с места, развернулась и начала закладывать широкий вираж, выходя на обозначенный Когтем курс.

Прочие крииты рассыпались вдоль подножия горы и вели беспорядочную пальбу, на которую отвечали такой же беспорядочной и почти не причиняющей урона.

А вот обходной прорыв Бронзы местные манксы всё же решили остановить — его контратаковал отряд чу-ха-хойя, вынырнувший из скрытых нор прямо на пути; оттуда же рванулась ещё пара здоровенных короткошёрстых псов.

Сверкнули ножи. Взметнулась пыль. Склон слева и вверху от нас с девушкой скрылся под вуалью пылевого смерча, внутри которого лилась кровь.

Я резко обернулся, вдруг испугавшись, что в навалившемся стрессе пропустил возвращение Куранпу, и сейчас девчонка выкинет что-то… что-то в стиле Куранпу. Но рядом по-прежнему была Ч’айя, и именно она.

Всё ещё бледная, с мокрым от испарины лбом, взволнованная и немного перепуганная, она то и дело высовывалась оценить картину боя, и я её прекрасно понимал — уж лучше собственными глазами видеть, как обстоят дела, чем впустую гадать, пусть даже наши и одерживают верх.

Чего, кстати, сказать пока было вовсе нельзя…

Сплочённая стая Бронзы вышла из схватки победителями, оставив на склонах обоих животных и прошитых фанга четырёх местных; основные силы Энки разом передвинули цепь, отожрали у горы с десяток метров высоты, но до вершины оставалось ещё удручающе далеко.

Как минимум шестеро криитов не подавали признаков активности на общем канале, ещё пятеро докладывали о ранах. А пошедший на прорыв «Коппульсо»…

Когда бронированный транспорт рванул вверх по украшенной черепами аллее и поднялся метров на двадцать, будто собираясь на полной скорости протаранить свето-струнного Биди в ступню, под его передними колёсами внезапно раскрылась примитивная, но вполне эффективная западня. Куда фаэтон на полной скорости и ухнул всей носовой третью, врубившись в пол пещеры с таким грохотом, что у меня заболели зубы.

Я беззвучно выругался.

Как ни крути, но пока было рано однозначно утверждать, что операция «Ощутимое присутствие» складывается в пользу доблестной экспедиции многоуважаемого господина фер вис Кри. И это, со всей очевидностью, всё сильнее прорезало морщинку на лбу одной известной мне особы…

Снова выругался. Только сейчас заметил Ункац-Арана — деловито окопавшись под колесом бронефаэтона, он рассматривал склоны и чехарду оборонявшихся через прицел ассолтера, но стрелять с такой дистанции даже не рисковал.

— Удобно устроился?! — фыркнул я.

Старик внезапно повернулся, будто услышал.

Обнажил резцы, вынудив показать ему сначала скрещённые пальцы, а затем оттопыренный мизинец. В ответ гадатель опустил усы и укоризненно покачал головой, но больше ничем на оскорбление не отреагировал.

Я снова сунулся к краю бронированного укрытия.

Над полем боя всё ещё размахивали лапами и скалились слепки древних божеств. Скрытые в склонах динамики извергали в воздух их хриплое «рычание», один звук которого — тщательно сбалансированный и срежиссированный, — заставлял диафрагму отзываться примитивным, почти не контролируемым ужасом. Только теперь стало заметно, что иллюзиумные гиганты сбоят, а в прорехах на их огромных телах виднелись облака и завихрения подступающей пылевой бури.

Интересно, сколько же поколений эти двое охраняют заветный вход?

Казоку-йодда снова вскинули фронт, отвоевав ещё несколько бесценных метров склона; поднимались цепью, неспешно, старательно проверяя уровни на скрытые яодуны или ловушки.

С крыш бронетранспортов короткими очередями плевались супрессоры. Бронза и его отряд закрепились-таки, причём основательно выше основной стаи, и теперь выдавливали манксов огнём во фланг. Однако в целом противостояние начинало

вязнуть в карамели равновесного соотношения сил.

Ну, что же… Как там говаривал Подмастерье Ганкона? Чтобы драться со зверем наравне, нужно самому стать зверем…

Я перехватил ассолтер и проверил кассету. Переключился на личный канал Ч'айи.

— Оставайся здесь, — попросил с предельным спокойствием. — Проверю путь и дам знать, когда можно рвануть следом. Побежишь быстро и постоянно пригибаясь, сисадда?

Она ответила взглядом, в котором плескался страх.

— Ты не посмеешь!

— Посмею, детка. — Я улыбнулся, и это было от души. — Ради тебя и всех, кто *внутри*.

Да, пожалуй, в тот момент я действительно так считал. А потому (не позволяя себе замешкаться и передумать), поднял оружие к плечу и выскользнул из-за шестиколёсной туши «Коппульсо».

Пригнулся, добежал до примеченного ранее валуна, присел.

В который раз возблагодарил медицинское оборудование Хадекина фер вис Кри за починенные рёбра. Несколько раз глубоко вздохнув, снова вскочил и бросился вверх, петляя, но пока не начиная стрелять.

А вот по мне пару раз бахнули — по камню слева чиркнуло с искрой, неподалёку взметнулся глиняный фонтан, и только затем до ушей докатились гулкие хлопки буар-хитт.

Видит Благодетельная Когане Но, формально первыми начали они.

Подняв ассолтер, я поймал в прицел фигуру на склоне — замотанный в накидку манкс перезаряжал угрожающего вида стреляло. Я дважды потянул панель спуска, и фигура завалилась на террасу.

Крииты поодаль поддержали восхитительное попадание дружным воем, подхлестнувшим меня эффективнее кнута. Перескакивая камни и оскальзываясь на мшистом грунте, я побежал дальше, теперь стреляя на ходу.

Ещё один чу-ха-хойя упал на спину, не успев вскинуть оружие. За ним из укрытия показался очередной, но ассолтер харкнул короткой очередью, и морду бедолаги раскрасило алыми дырами.

В ушах стучало, дыхание начало сбиваться, но я не позволял себе остановиться.

Казоку-йодда, вопившие за спиной, ринулись догонять. То ли воодушевлённые, то ли бесконечно убеждённые в божественной меткости и неуязвимости любимчика Нискирича фер Скичиры.

Ещё две-три фанга просвистели совсем рядом, а одна даже

прикоснулась к рюкзаку. Я ответил рваными очередями, свалив ещё несколько противников.

Манксы, визжа и переговариваясь особыми щелчками, стали оставлять позиции. Ныряли в норы или отступали всё выше и выше. Краем глаза я заметил, что стая Бронзы тоже сорвалась с позиции и наступает параллельно со мной.

Теперь мы с криитами карабкались в гору плечом к плечу.

Хвостатые удабривали склоны беспорядочным и почти неопасным шквалом; я — без спешки высматривая защитников инья'мтарр и одного за другим прицельно отправляя в настоящие царства Биди и Ди'джена.

Рычание справа оказалось тихим, но я всё же уловил, даже на фоне непрекращающегося рыка свето-струнных стражей горы…

Пригнулся и завалился на левый бок ровно за миг до броска собаки, и когда та промахнулась, брызнув в лицо слюной, поддал прикладом в живот. Перебросил через себя, попытался вскочить, но съехал на пару метров по склону, больно треснулся плечом в камень и уже потянулся за ножом, прекрасно осознавая, что не успею… но тут на пса навалились сразу двое криитов.

Один выстрелил, ещё раз, умудрившись промазать в мускулистую тушу почти в упор. Но второй выхватил весьма внушительный клинок, наскочил и ухватил за многослойную холку.

Зверь извернулся. Напал, вцепился в отворот бронекуртки, рывком отодрал наплечник, но чу-ха оказался не робкого десятка, и весьма хладнокровно ударил пумодава в бок. А затем снова и снова, пока туша не обмякла, заливая бойца горячей кровью.

Отчаянно ругаясь, я перевернулся на живот. На коленях отполз за выступ, сменил кассету ассолтера. Огляделся и убедился, что теперь наступление наконец-то стало похоже на настоящий штурм. Заметил ещё одного неподвижного криита, задрал рукав и выяснил, что из боя выпали ещё трое убитых и столько же раненых бойцов Бронзы.

Один из «Коппульсо» сменил позицию, но не для очередной попытки прорыва, а корректируя линию пальбы, чтобы не зацепить своих и безумного терюнаши на острие атаки. Неожиданно захохотав, я подмигнул вниз, где (как я надеялся) за моей отвагой во все глаза наблюдала Ч'айя. И снова бросился по склону.

Остановок для перегруппировки нам пришлось сделать ещё две.

Каждый раз гаппи сообщал, что строй криитов покидают всё новые и новые казоку-йодда, но манксы… о, несчастные, брошенные Шири-Кегаретой в мясорубку чу-ха-хойя несли куда

более ужасающие потери, а мой подсчёт убитых кочевников засбоил ещё на третьем десятке.

Нужно было отдать должное защитникам — несмотря на потери и необъяснимое стремление чужаков взобраться-таки на вершину, они отбивались яростно и даже не помышляя о сдаче… Впрочем, это самое «должное» я собирался отдавать явно не сейчас, а исключительно в случае безоговорочной победы.

Дыхание всё отчётливее давало понять, что сейчас распрощается с лёгкими и временно покинет Ланса фер Скичиру, позволив насладиться беспамятством. Но я не позволял волне возбуждения схлынуть или даже остыть.

Чу-ха, наступавшие справа и слева от меня, радостно визжали. Кажется, они наконец перестали видеть в безволосом мутанте гадкую обузу, которую им зачем-то подсунул в бронефаэтон мудрый престарелый вожак.

На второй передышке я притянул к себе безымянного йодда с простреленным плечом.

— Возьми двоих и сместись правее, к аллее, — скомандовал громко, чётко, ни на миг не задумавшись, что нарушаю субординацию Бронзы. Махнул в сторону торчащего из склона «Коппульсо», сменил кассету и даже успел глотнуть из фляги. — Наступайте вдоль дороги, ни в коем случае не подпускайте ко мне собак. Сисадда?

Тот кивнул, резко и судорожно — в глазах жидкое стекло, крупные влажные резцы судорожно оскалены, — и даже не подумал воспротивиться чужому приказу.

— Думаешь, вход уже близко? — раздалось из-за спины.

— Готов спорить на деньги! — хохотнул я, снова прикладываясь к фляге. — Ещё один рывок, и мы закрепимся там, откуда они…

Я рывком обернулся, отказываясь верить глазам.

— Байши! Ты тут как?!

Ч’айя согнулась в три погибели. Бледная, в коротких волосах песок. Сидела совсем рядом, вцепившись в рукоять выданного ассолтера так, что не выдрать бы и манипулятором «моллюска».

— Какого беса, Ч’айя?!

Она не ответила, только улыбнулась, будто за уголки губ тянули крючками.

— Отдай…

Я всё же сумел выдернуть из её рук ассолтер, проверил кассету и давление баллона. Сердце пропустило удар, ладони похолодели.

— Ты стреляла?!

— Мне пришлось…

— Кого-то убила?

— А ты?

— Да что б тебя! Детка… — Мне пришлось перевести дух, чтобы не сболтнуть лишнего. — Об этом ты думать точно не должна, всё это были очень плохие парни…

— Ты в этом уверен?

Я стиснул зубы. Приказал как можно строже:

— Сиди тут! Вообще не высовывайся! Постоянно оглядывайся, тут норы повсюду. Стреляй, только если нападёт псина! Ты всё поняла?!

Она снова ответила улыбкой, и на этот раз мне ну очень уж захотелось добавить что-то грубое, предельно далёкое от романтичного. Стряхнув пыль с её лба (она даже не отшатнулась), я торопливо поискал на лице девушки признаки приближающейся угрозы.

— Это я. — Она осторожно, будто могла пораниться, отстранила мою руку. — И я тут, чтобы помогать, а не быть причиной паники, сисадда?

— Ладно… — Было совсем не «ладно». Но развивать тему сейчас казалось несвоевременным. Повторил как можно жёстче: — Сиди тут и жди моего сигнала!

Боец, отправленный с тремя собратьями на аллею, добрался до нужной точки и начал подъём, снова долбя по склонам из ассолтера. Им помогал второй «Коппульсо» от ставшего далёким подножия. Бронза тоже продолжил атаку, но сидящие вокруг меня пятеро чу-ха ждали.

Над головами бесновались свето-струнные слепки, тела которых пробивало порывами пыльного, ощутимо усилившегося ветра.

Я встряхнулся всем телом, насколько позволяла поза; быстро выглянул из-за уступа, и тоже ринулся в битву.

И вот уже почти на самой вершине… когда мы положили ещё десять, а то и двадцать бесхвостых чу-ха-хойя в измазанных голубоватой глиной бурнусах… когда ответная стрельба почти прекратилась, а зубастые четырёхлапые твари перестали с рычанием бросаться на стаю из задрапированных шкурами пещер и потайных лазов… в общем, это была одна из последних выпущенных в бою фанга из буар-хитты, но она меня нашла.

Причём нашла так, что верная броневая куртка из лёгких вспененных сплавов спасти не сумела…

В правый бок шарахнуло, в глазах потемнело.

Словно во сне я наблюдал за приближающимся склоном.

Завалился вперёд и рухнул, крепко приложившись щекой о мелкие камни.

Успел подумать, что последняя связная мысль оказалась вовсе не о Ч'айе или соотечественниках, мирно (я надеюсь) посапывающих в недрах пустынной горы ровнёхонько подо мной, а — *только бы сейчас не налетела дикая шавка*…

Мне никогда не доводилось падать в глубокую воду. Но в этот момент почему-то показалось, что выглядит это именно так — влажно и неотвратимо. Рёбра почти не болели, лишь по правому бедру струилось обжигающе-горячее, а сам я погружался всё глубже и глубже во тьму.

praeteritum

Понимаю важное: даже если меня заживо пожирают черви зависти и отчаянья, показывать этого я права не имею. Вскидываюсь, силой воли возвращаясь в образ несокрушимой Нагинаты Когане Но. Пусть образ и фальшивый, но сдать перед девчонкой не могу ни на шаг.

— Эй, слибу, — спрашиваю я, не скрывая ядовитой въедливости, — помнится, ты говорил, что подменил данные и спрятал личность Ч'айи среди неких мужчин, которые тебе понадобились для якобы эксперимента, так?

Видимо, в этот момент фер вис Кри не настроен на пикировку. Потому что отвечает предельно спокойно и без контруколов.

— Конечно. Иначе бы Песчаный Карп понял, кто это и для чего она нужна, — комментирует невидимый джинкина-там в звуковой системе гостевой комнаты. — Затем я извлёк её из стационарной ячейки и переместил во временную мобильную, сейчас она украшает твою бывшую нору.

Ч'айя часто моргает, всё ещё погружённая в размышления. Я решаю не упускать инициативы:

— И как много было этих мужчин?

Да, это опасно. Ведь иногда, если не хочешь слышать честного ответа, нечего и вопрос задавать. Но…

— Мне пришлось запросить 67 капсул, — честно отчитывается Диктатион. — Признать пару профилей недостоверными и скомпрометированными условиями хранения, провести подмену в базах данных, и забрать всю партию. Да, я якобы параллельно разворачивал эксперимент.

— И где все эти люди? — бормочу я, проклиная себя за настойчивость.

Джи-там издаёт искусно сымитированный звук вздоха.

— Тебе не понравится ответ, Ланс.

А вот Ч'айя возвращается в непростой разговор. Щёки её краснеют, кулаки снова сжимаются.

— Байши… ты убил 66 человек, чтобы меня раздобыть?!

— Поверь, их смерть стоила спасения тысяч!

Глаза Ч'айи влажнеют, на лбу всё отчётливее рисуется опасная морщинка. Осознание, что виртуальная тварь так легко распоряжалась чужими жизнями, не даётся просто так даже самым сильным женщинам. А ещё я понимаю, что обе ипостаси несуществующего мицелиумного борфа определённо сто́ят друг дружки.

И, наконец, осознаю, какую именно «важную вещь» Энки

обманом выманил у своего братца…

— Раз уж зашла речь, — почти шиплю я сквозь стиснутые зубы, — ты мне в своё время не ответил: я ведь не первый пробуждённый, да?

— Конечно, первый. — В словах Диктатиона сквозит столько равнодушия, словно он просил составить меню ужина. — Ты успокоился?

Теперь кулаки сжимаю я.

*— А вот п*здеть не стоит, сисадда*?!

Он на секунду словно задумывается, а затем как будто смиряется.

— Ладно, Ланс. В очередное доказательство наших дружеских и честных отношений я признаю, ты был не первый. И даже не десятый.

— Сколько их было? Моих предшественников?

— 112. Не считая цены освобождения Ч'айи.

Я чуть не приседаю на край кровати, но решаю стойко выдержать и этот удар.

— Они все погибли?

— Да. Я сожалею…

Ничего ты не сожалеешь, сука!

Но ввернуть упрёк мне не удаётся.

— Радиация, — продолжает Хадекин фер вис Кри. — Стихийные бедствия, агрессия кочевников, факторов было много, и их кости устилают пустыню вокруг Юдайна-Сити. Однако именно они приучили её обитателей, что существуют и другие *. Именно поэтому ты не был убит на месте, а взят в племя.*

В висках всё ещё пульсируют опасные цифры.

112 плюс 66…

Сухие губы разлепляются для нового вопроса:

— Это ты будил других людей?

— Нет, это был тот, кого ты знаешь под именем Господина Киликили.

— Снова врёшь?

— А сам-то ты редко врёшь? — Кажется, что терпение Диктатиона подходит к концу. Но это только если забыть, что джинкина-там вообще не способен испытывать эмоций. Или способен? — Ладно, Ланс… извини, просто не хочу тебя лишний раз расстраивать. Да, это был я. Почти во всех случаях. Данав фер Шири-Кегарета вмешивался лишь на каждом восьмом подопытном. Но финальной стадией любого эксперимента является именно опыт на живом организме.

Я чуть было не тянусь к башерам, словно стрельба по камерам и динамикам может хоть чем-то навредить выродку.

— Зачем ты врал, что за моё пробуждение отвечал Абзу?

— Задумайся, и поймёшь… — отвечает Энки, и я с опаской различаю в его голосе нотки Нискирича. — С людьми так проще, Ланс. Они не всегда понимают язык логики, но образ внешнего врага действует безотказно.

Мне остаётся лишь разжать кулаки. Сесть-таки на кровать. Вздохнуть, как перед подготовкой к «низкому писку». Понимание приходит чистое и прозрачное. Безысходное. Значит, я действительно всего лишь подопытный. Пусть и тот, кому повезло…

Если девчонка тоже сотрясается от ярости, ей удаётся это хорошо скрывать. Во всяком случае, от меня.

— Почему мы всё забыли? — бросает она в потолок.

Возвращается к пищевому комбайну, деловито заряжает новую порцию чинги.

— Микроскопические механизмы для блокировки, — теперь мне кажется, что в голосе фер вис Кри звучит облегчение от смены темы. — Гипнолингвическая блокада. Человеческий разум слишком хрупок, чтобы подвергать его такой нагрузке, как самостоятельная адаптация. Оптимальным решением стала блокировка определённых сегментов сознания и головного мозга. Увы, почти необратимая, но это был осознанный риск.

Ч'айя осторожно кивает. При этом не открывает взгляда от клавиатона на конструкторе, словно хочет вскипятить воду одной лишь силой мысли. И задаёт, пожалуй, самый важный вопрос этой бесконечной ночи:

— И что будет дальше?

— Считай, что мы начинаем непростую партию в моннго, — охотно откликается Энки. — Только вместо фигур — казоку-йодда, ракшак, тетроны и агенты «Лотоса». Я/мы будем отдавать приказы и посменно уходить в тёмную зону, уступая место второму… так что многое теперь действительно зависит от вас с Лансом…

Ч'айя вскидывается, недоверчиво и тревожно:

— Но ты просчитал массу вероятных исходов?

— В этом моё предназначение. При этом обязан отметить, что переменных стало слишком много. Поэтому в уравнении допустимы погрешности и влияние случайных факторов. Как в той же моннго, где ты можешь просчитать всё до мелочей, но в итоге победа будет зависеть от финального броска игральных костей.

Вот же сука!

На кону столь многое, а он сравнивает нашу жизнь с игровой партией?!

— Если… — Мне очень не хочется давать жизни следующим

словам, но выбора не остаётся. — Если Карп… причинит Ч'айе вред, в том числе непоправимый, людей уже не разбудить?

Девчонка бросает на меня взгляд через плечо. Сначала кажется, что затравленный… но почти сразу я различаю в нём… уважение?

— Не совсем, — мягко говорит тот, кто считает себя древним Энки. — Как я уже упоминал, в потенциале существует резервный вариант — сестра Ч'айи. И не только он. Такие создания, как мы, придумаем способ… но всё станет сложнее, да…

— Он может ударить по нам чем-то тяжёлым? — Я поднимаю голову, словно потолок готов обрушиться. — Например, ракетой?

— Я мог бы соврать, что нет, — тихо признаёт Диктатион. — Но не стану.

Яри-яри, в моей жизни на ближайшие дни рисуются просто великолепные перспективы!

— Но, подозреваю, — спешно добавляет джинкина-там, — что в его интересах будет получить её живой. Спрятать от меня. Может быть, снова усыпить и ждать своего часа.

Прекрасно. Когда-то я наблюдал за бескрылой птицей шем, свернувшей себе шею в силке Стиб-Уширта, так вот её шансы на безоблачное будущее теперь казались куда выше наших нынешних…

— Да ты шутишь… — снова усмехаюсь и встряхиваюсь, ненавидя себя за дурацкую привычку. — И нет ни единого шанса заставить твоего братца действовать с нами заодно? Ну, раз мы уже всё равно проснулись…

— Ни единого, — звучит в стенах комнаты, а в руке Ч'айи звякает кружка. — Тот, кого вы знаете под именем Шири-Кегареты, не может нарушить протокола. По моей/нашей архитектуре он обязан вернуть вашу расу к жизни. Но полномочия выбрать время у него имеются, и он способен отложить процедуру ещё на тысячелетие. Или два.

Теперь вдруг фыркает Ч'айя. Недоверчиво, злобно. Хрупкая, но решительная, нацеленная бросить вызов демону виртуальной паутины.

Диктатион по-своему трактует её реакцию.

— Это легко объяснить, — говорит он.

А я только сейчас обращаю внимание, что в нужные моменты разговора он ловко приглушает свет в комнате или делает его чуть ярче. Совсем как некий Ланс Скичира, когда пытает своих жертв умением Бесхвостого Джадуга.

— Попробуй объяснить сама себе, что у него на уме? Технически, человеческий род цел и сохранён, как Абзу и приказали создатели. Пусть даже в капсулах «Корней». И пока цивилизация

чу-ха наполняет Песчаного Карпа энергией, приказ выполняется без противоречий.

Наверное, в другой момент я бы даже смог признать логику такого мышления. В конце концов, обычный хвостатый казоку-хетто может уничтожить тебя и всех родных просто от злости или по прихоти, но этот — нет.

Но это в другой момент. А сейчас я не готов отвешивать ублюдку комплименты. Кроме того, вспоминаю, что мне ещё предстоит решить вопрос с «обычным хвостатым», который с недавних пор определённо не дружелюбен к пасынку…

А ещё на ум вновь приходит девиз «Кегарета умеют ждать». Вот же суки, теперь всё становится ещё прозрачнее… А Хадекин, если вспомнить его печати?! «Чудес не ждём, творим их сами»… Байши, эти парни и вправду открытым текстом сообщали Тиаму о своём предназначении…

— Но хоть чем-то порадовать ты нас можешь? — спрашиваю я, и с благодарностью принимаю от девушки чашку крепкого напитка. — Может, уже вскроешь фишки и расскажешь, что другими казоку гнезда тоже правят твои/ваши половинки?

Джинкина-там многозначительно усмехается, как если бы оценил тонкую шутку. Но молчит.

Подношу дымящуюся чингу к губам. Задумчиво изучаю резервный гаппи, хранящий тайну Князя-Из-Грязи. Кручу браслет на запястье, вздыхаю.

— Что говорят твои мудрые протоколы, Энки? Мне всё ещё нужно таскать эту дрянь?

— Можешь снять, пунчи, — легко усмехается тот. — Сейчас мы с вами в той точке путешествия, когда это уже вряд ли что-то изменит… А ещё, если я всё верно понимаю, скоро нас ждут события, в которых разоблачение Данава фер Шири-Кегареты окажется безобидной шалостью.

С облегчением срываю «болтушку» с руки. И с мысленным стоном молюсь Благодетельной Когане Но, чтобы джи-там всё-таки ошибался. Да вот только хвост мне на всю морду…

Глава 10
ВЕРОЯТНОСТЬ МИНИМАЛЬНА

Я перевернулся на спину (или меня перевернули?).

Выпустил ассолтер из слабеющих пальцев (или его у меня отняли?).

С тающим интересом наблюдал, как поле зрения сужается до размеров канализационного люка, будто мне довелось рухнуть в ненавистную Такакхану. Светлый ореол провала мерцал и подрагивал, кольцо сжималось, и первый за минуту вдох показался невероятно болезненным.

Затем в пятне света появились морды чу-ха. Сначала две, потом ещё одна. Потом мелькнул даже угрюмый Бронза, но уже через секунду всех растолкала Ч'айя. Сосредоточенная, ещё более бледная, чем до начала боя, однако теперь, казалось бы, совсем не напуганная.

Хвостатые пищали, кричали и даже ругались, но я потерял возможность разбирать слова, будто по волшебству переместившись в мир коротких оглушительно-громких звуков.

Приятно клацнули крепежи ассолтера, хрустнул замок врачевательской сумки, затем щёлкнул инъектор, второй. С меня попытались стянуть рюкзак и пальто, но дело оказалось непростым настолько, что я рассмеялся. Ну, или мне так показалось.

Одежду задрали, бронекуртку расстегнули или вообще распороли до подмышки, и я умудрился ощутить горяче-леденящий поцелуй пустынного ветра. Боль усилилась, когда к коже прикоснулась ужимающая повязка. Рана вспыхнула инеем, затем загорелась, и тут же рядом вонзилась игла очередного укола.

А я вдруг осознал одну очень важную вещь.

Осознал, с любовью глядя на её сжатые губы, на морщинку на лбу, на прищуренные глаза и слипшиеся от пота волосы — что безопасности пустынного цветка не стоят и тысячи жизней собратьев, возвращённых в Тиам. Только она — эта самая девчонка с перепачканными моей кровью пальцами, только она стоит моей жизни, судьбы и борьбы…

Пятак света, в котором надо мной — где-то далеко и высоко, — суетились чу-ха и ненаглядная детка, начал непокорно прирастать в размерах. Надвинулся, обволок тревожной реальностью — вершиной инья'мтарр, студёным ветром, далёкими и совсем редкими хлопками ассолтеров, блеском

тёмных глаз Ч'айи.

Через мгновение вернулись слух и ноющая боль в правом боку, чуть ниже рёбер.

Бесовы рёбра. Ну почему всегда они? Старания Безухого во время знакомства с ним и его подружкой-Глушилкой на старом складе, затем агония подыхающего Сакаги, острые кулаки выродка Жи-ми, а теперь вот шальная фанга примитивных пустынников…

Не могли, суки, в бедро попасть? Да хоть бы в задницу, она заслужила, собрав на себя такое количество злоключений. Но нет, снова рёбра…

— …ы… ня… шишь?! — Уловил я голос кареглазки.

— Слышу…

— Сколько? — Она ткнула мне в лицо растопыренными пальцами.

— Четыре. Хорошее число, удачливое…

Сознание наполнялось силой, словно стремительно созревающий плод. А я мысленно возблагодарил боевую химию умельцев Юдайна-Сити, способную с одинаковой лёгкостью поставить на лапы даже самых хворых и вызвать сладко-смертельную зависимость у слабых духом.

— Лучше. Мне правда лучше…

Ухватился за её протянутую ладонь и осторожно сел, стараясь не смотреть на рану. Четверо криитов, двое из которых тоже оказались подстрелены, окружили нас и внимательно сканировали опустевшие склоны.

Чуть дальше, почти под столбом с лентами и нанизанным черепом песчаного карпа, на камне устроился Ункац-Аран с ассолтером меж коленей. Я попытался вспомнить, видел ли гадателя в бою, но не смог.

«Дитя заполночи» перехватил мой взгляд, довольно оскалился и заложил за губу щепоть чуть влажного «бодрячка». Пристукнул об утоптанную глину прикладом ассолтера, словно сидел не на усыпанной трупами горе, а с любимым посохом в кабинете досточтимого казоку-хетто.

Бронза и ещё двое казоку-йодда снова запустили в небо наблюдательные лепёшки-чапати, изучая поле боя с высоты птичьего полёта. Вероятно, им удалось-таки обнаружить проекторы свето-струнных слепков, потому что за время моего забытья чудовищные фигуры покровителей запертых дверей и землетрясений растворились без следа вместе с пронзительными завываниями.

В заушнике тоже воцарилась тишина, особенно гулкая и неестественная после визгливых переговоров во время

отгремевшего боя.

— Сопротивление сломлено. — Девятый Коготь «Диктата» приблизился, заметно припадая на прокушенную лапу, и вдруг даже подмигнул. — Уцелевшие, а их немного, удрали в норы, но я не боюсь контратаки. Сейчас парни расчистят дорогу, мы поднимем сюда «скорлупки» и перегрузим тебя в камеру реаб…

— Нет нужды, — фыркнул я, стараясь не обращать внимания на возмущённый взгляд Ч'айи. — Ещё час-другой я с лёгкостью продержусь и без хирургического отсека, сисадда?

Подтянул лежавший рядом ассолтер, опёрся на приклад и встал с лёгкостью, которой даже не ожидал. Девушка и ближайший криит помогли, но я вежливо отстранил от себя и руки, и лапы.

Впрочем, вранья в моих словах действительно не было: час-два я, возможно, и правда не отключусь. А дырка? Как говаривал, бывало, Нискирич фер Скичира, *«шрамы — это очень хорошо; это как записи в дневнике, чего делать не стоит, а ради чего можно и новую страничку заполнить»*. И я был уверен на все сто, что *эту* страничку явно стоило заполнять…

Я улыбнулся. В последний момент удержался, чтобы не встряхнуться, и мотнул головой:

— У нас остались силы сдержать манксов, если надумают вернуться?

— За это не переживай, терюнаши. Девять парней не задеты, ещё четырнадцати подпортили шкуры, но в строй они встанут. И у нас всё ещё есть два «Коппульсо», отсюда им работать куда приятнее.

— Прекрасная новость, пунчи, — с намеренным легкомыслием воскликнул я. — А ты нашёл финальную точку?

Если бы в этот момент Ч'айя хоть отчасти подозревала, какая боль сотрясала всю правую половину Ланса фер Скичиры, наверняка бы вырубила меня шокером и на собственных плечах доставила в восстановительный отсек.

Но не хуже, чем стрелять, за годы обитания в Юдайна-Сити я научился притворяться, а потому двинулся навстречу Бронзе, при этом почти не морщась.

— Точка зафиксирована, — признал Коготь, с лёгким недоверием наблюдая за моей походкой. Добавил, посматривая на флягу, из которой я с удовольствием отхлебнул: — Пологая эстакада на минус три десятка метров. Стены укреплены необычной маркой бетона, внутри определённо скан-блокирующие экраны, но никаких проходов к яодунам местных выродков.

Мы с девчонкой проследили за жестом Ишимы Квичи, только

сейчас заметив круг из восьми каменных столов, густо-чёрных от копоти. В их кольце и прятался таинственный спуск, и можно было спорить на любые деньги, что прах кремированных чу-ха-хойя тоже шёл в дело — например, закапывался в охранные канавки на подходах к святыне.

— А ещё, терюнаши, ты должен знать, что стайная «мицуха»… она барахлит, — добавил Коготь «Диктата», и я разобрал в его голосе неприятную нервозность. — Причём сильно и странно. Будто кто-то извне задействует сразу все сотни свободных каналов и начисто лишает нас мощности.

Я улыбнулся. Кое-что предположил, но успокоить Бронзу не успел. Ч'айя оказалась совсем рядом и попросила негромко, но выразительно:

— Ланс, ты обязан вернуться в «Коппульсо». Прошу, хватит бравады, дальше я справлюсь сама…

В этот момент я наконец увидел в её глазах влажный блеск. Не особенно заметный, но всё же. Словно напряжение схлынуло, высшая степень концентрации пройдена и теперь можно было дать волю чувствам. Впрочем, девчонка пару раз моргнула, и вот я уже мог считать, что мне показалось…

Осмотрел её — сосредоточенно оттирающую ладони, перепачканные засыхающим бурым, — подмигнул:

— Но как я могу пропустить самое весёлое, детка?

Она покачала головой. Спрятала измазанную кровью салфетку в карман куртки, застегнула клапан, и ещё тише спросила:

— Из чего ты вообще сделан, Ланс фер Скичира?

На что мне оставалось лишь снова подмигнуть и ответить чистую правду:

— Из паймы, малыш. Из паймы и чувства ответственности…

п.5.; г.10; ч.2

…Несмотря на введённые мне препараты и наложенные фиксирующие повязки, спуск по найденной секретной эстакаде занял у нас не меньше четверти часа. Девчонка всё норовила помочь и подставить плечо, но я лишь мимолётно гладил её по спине и вежливо отстранялся.

Этот путь я пройду сам. Даже если проклятые тридцать метров вниз окажутся для неугомонного Ланса фер Скичиры последними.

Вглубь горы нас вызвались сопровождать только Бронза и один из его бойцов. Остальные на сто рядов прощупали пещеру сканерами, даже забросили внутрь пару наблюдательных дисков. Но затем поспешно убрались подальше от замаскированного спуска, будто перепуганные детёныши на пороге подвала, в котором обитал опасный призрак противоречивого Пяти-Без-Трёх.

Старик-гадатель, несмотря на мои опасения, тоже остался на прежнем месте. Лишь проводил долгим, очень внимательным и красноречивым взглядом.

Теперь вместо ассолтера в руке Ч'айи качался массивный фонарь, чей луч скакал по пологому винтовому спуску и гладким, как стекло стенам. Такие же мощные светильники несли и другие участники процессии, причём чу-ха делали это исключительно из уважения к нам с девчонкой, стараясь не слепить друг друга и досадливо щурясь. Я же ещё снаружи натянул «Сачирато» и подстроил прибор под редкие вспышки, если лучи влетали в поле зрения.

Бронза с напарником остановились — до дна пещеры, укрытого девственно-основательным слоем пыли, похожей на мягкий синтетический наполнитель, оставалось не больше дюжины шагов.

— Дальше я носа не суну, терюнаши, — негромко сказал Коготь Диктатиона, причём без привычного раздражения в голосе. Забрал фонарь у подчинённого, протянул оба мне. Дергано осмотрелся, и сейчас я заметил, что бесстрашный вояка напуган до дрожи в хвосте. — Можешь сколько угодно жаловаться многоуважаемому господину фер вис К…

— Не нужно оправданий, пунчи! — Я улыбнулся, забрал оба светильника, и показал ему скрещённые пальцы. — Дальше мы сами, сисадда? Ждите нашего возвращения наверху, мы постараемся не затягивать.

Несмотря на то, что уверенности в последнем у меня не было ни на рупию, прозвучало весьма убедительно. И мягко. Бронза

кивнул, сглотнул комок и важно пригладил усы. Мотнул башкой сопровождавшему казоку-йодда, а затем захромал обратно, изо всех сил стараясь не ускоряться.

— Там внизу, терюнаши, — добавил он через плечо, уже удаляясь вдоль гладкой серой стены, — не хочу тебя расстраивать, но там ничего нет. Пустота, хоть и определённо старинная, сисадда? Возможно, когда-то это было хранилищем. Или гробницей, но сейчас… тут давно ничего нет, терю. Но раз Диктатион приказал… в общем, нам придётся перед ним отчитаться, так что осмотритесь без спешки и опасений — как я и сказал, в этот пузырь не ведёт ни один яодун.

— Пусть будет чистым небо над твоей норой, Бронза! — Я выключил один из фонарей, зацепил на пустой подвязке от ассолтера, и помахал хвостатому, даже не уверенный, что Ишима заметил жест. — Ждите!

Если Ч'айя и хотела прокомментировать пугающие слова криита, то смогла сдержаться. Сдержался и я, хотя был преисполнен невероятного оптимизма (вовсе не от бурлящих в крови препаратов, конечно нет!): устанавливать вечный генератор свето-струнного слепка отпрыска Благодетельной Когане Но — полудемона Биди, хранителя запертых дверей и замков — там, где этих дверей и замков не найти?! Большей глупости я не слышал уже давно!

Шагая в ногу, мы с девушкой миновали последние метры спуска, стреляющей болью отпечатавшиеся в моём боку. И оказались на ровном. Пыль, издали выглядевшая невесомо лёгкой, на деле оказалась плотной, будто войлок.

Стоя у спуска с эстакады, мы, не сговариваясь, опустили лучи фонарей.

Но пол просторного полусферического помещения покрывали разве что цепочки мелких мышиных дорожек. И если один из джинкина-там и вывозил экспериментальные капсулы из данного «Корня», то делал это определённо не через парадный вход.

Я переложил фонарь в левую руку, а правой невзначай расстегнул кобуру «Наковальни». Просто на всякий случай…

— Ты оттуда, я справа! — распорядилась Ч'айя тоном, которому не хотелось противиться и в мыслях.

— Будет исполнено, госпожа! — улыбнулся я, направляясь к стене.

Споривший с «Сачирато» фонарь пришлось отключить, но умные очки позволяли изучить изгибающуюся стену сразу в четырёх спектрах. Для верности ведя ладонью по неестественно гладкой поверхности (на самом деле, просто придерживаясь, чтобы не шататься), я медленно двинулся навстречу девушке. И

приказал себе даже на миг не помышлять о возможной ошибке Диктатиона…

Впрочем, совсем скоро опасения развеялись окончательно — наушники вдруг взорвались статическим шумом, и я был готов заключать спор на сколь бы то ни было огромные деньги, что остальные члены операции «Ощутимое присутствие» по-прежнему пребывают в тишине.

Ч'айя тоже поморщилась. Машинально прикоснулась к уху, обернулась ко мне и подсветила собственное лицо, чтобы я разглядел недоумение.

Вместо ответа я показал ей открытую ладонь — *спокойно, детка, я разберусь*. Махнул на стены — *продолжай поиски*. А сам опёрся о гладкий бетон, осторожно вздохнул и негромко поинтересовался:

— С кем имею честь говорить?

— Вы справились, — сквозь помехи констатировал многоуважаемый обитатель бронированного саркофага на колёсах Хадекин фер вис Кри, но я не разобрал в его старательно сконструированном голосе ожидаемой радости. — Поздравляю. Вход в первый шлюз открывается генетическим ключом, ищите механизм.

Я покривился:

— Снова кровь?

— Хватит и плевка, — ответил Диктатион сквозь шипение, раздражавшее не меньше равнодушия джи-там. — Затем я подскажу, что делать дальше.

— А если ты, это не ты?

— С этого момента Песчаный Карп едва ли способен повлиять на ситуацию.

Я повернулся к девчонке и убедился, что та тоже слушает разговор. Она кивнула, пожала плечами, продолжила исследование стены, и вдруг приникла к бетону ближе, почти касаясь носом.

— Яри-яри! Выходит, ты и правда помог? — с лёгкой насмешкой уточнил я у фер вис Кри, не спеша делиться фактом нахождения замков.

— И буду продолжать, Ланс. Наш шаткий мир с Абзу не мог сохраняться вечно, и если одному суждено пасть, это буду не я. Вылепить людей из глины подземного океана всегда было моим истинным предназначением с момента рождения, и я считаю, что пришло время отдавать Матери долги.

Ч'айя отряхнула рукав, которым только что стёрла пыль с настенной пластины, утопленной так ловко, что и не сразу догадаешься. Взглянула вверх, словно хотела увидеть сияющий

силуэт Энки, парящий над двумя людьми в недрах каменного купола. Уточнила:

— Это ты сейчас про выполнение отложенных протоколов?

На этот раз в ответе Диктатиона (несмотря на помехи) даже прозвучала тень эмоции.

— Зачем всё так опошлять, госпожа Кеменер-Вишванат?

— Не называй меня так!

— Прошу прощения. Пожалуй, пришло время также признать, что мы/я с братом уже не являемся единым целым. Да, мы заперты, если угодно, в одной оболочке, но время сделало нас… разными, сисадда? Хотя, я уверен, тебе, Ч'айя, это и так хорошо понятно.

Веко девушки дёрнулось. Она едва заметно фыркнула, и если бы не взметнувшаяся в луче фонаря пыль, я бы и не заметил. Приложив ладонь к панели, Ч'айя несколько секунд размышляла, а затем крутанула пальцами, надавила, потянула, и с неожиданной лёгкостью вскрыла узкую герметичную нишу.

— Вообще-то, пунчи Кри, — задумчиво пробормотала она, целя фонарём в углубление и изучая устройство замков, — в мои планы не входит ликвидация Куранпу, сисадда? Лично я полагаю, что главная цель столь… *особенных* сознаний, как наши, учиться сосуществовать, чтобы не причинить вреда общей оболочке.

У меня ёкнуло сердце. А по простреленному боку тут же прокатилась новая волна боли, всё ещё приглушённая, но уже пробивающаяся сквозь хитроумные заслоны лекарств. Ч'айя, милая девочка моя, ты сейчас вообще говорила про себя, семейство джинкина-там или весь Тиам, который нам вскоре предстоит делить с зубастыми пронырами?

— Разумно, — после недолгого молчания признал Диктатион-Энки. — Возможно, второй шанс будет использован мной/нами более рационально, но…

Однако нам с Ч'айей не довелось узнать, что крылось за многозначительным *«но»*, потому что голос в заушниках вдруг треснул и будто расслоился. Завибрировал на одной ноте, угас, и вдруг уточнил. С новой силой. И с новыми интонациями, которые (будь я проклят!) мне уже довелось научиться различать…

— Последний шанс не совершить ошибку, Ланс.

Ч'айя бросила на меня недоумевающий взгляд, но от изучения запоров не отвлеклась. Я же вздохнул и полноценно привалился плечом к прохладной стене.

— Драть тебя в свето-струнную сраку, Карп… Как ты сумел перехватить присутствие?

— Слишком многое поставлено на кон, Ланс. И ты, душа моя, тоже должна это знать.

Последнее, надо полагать, относилось к Ч'айе. Но та не повела и ухом, продолжая изучать наследие древних. Я не вмешивался, прекрасно понимая, что девчонка разберётся куда быстрее без изнывающей от боли обузы.

— Отступись, Ланс, — сквозь шипение повторил Шири-Кегарета.

Хм, хоть кто-то в этом мире продолжает считать главным движителем происходящей драмы не мой хрупкий пустынный цветок, а его не самого удачливого опекуна. Или в этом и состоял расчёт джи-там?

— С какой это стати? — уточнил я, развинчивая флягу.

— А зачем оно тебе? — с обескураживающей простотой поинтересовался несуществующий казоку-хетто «Уроборос-гуми». — Давай начистоту, парень: мы оба знаем, что любой (абсолютно любой!) моральный внутренний конфликт можно решить некой суммой денег. Так сколько ты хочешь, чтобы соскочить? Чтобы послать меня/нас с братцем драть друг друга в несуществующие сраки и припеваючи жить сам по себе? Миллион рупий? Десять? Сто миллионов? Миллиард? Я могу дать любую сумму. Могу озолотить в прямом смысле этого слова.

И добавил, будто верно считал звук, с которым я прочистил горло:

— Пойми верно, Ланс, я не предлагаю тебе грохнуть ненаглядную подругу. Просто забери её. Соври сопровождающим, что дело сделано, и возвращайтесь в Юдайна-Сити. Обещаю, что гнездо ещё не видело пары столь счастливой и обеспеченной благами, каковой доведётся стать вам.

Я позволил пайме мягкой обжигающей горечью скатиться в желудок. На миг блаженно сощурился, а затем покосился на Ч'айю. Она невозмутимо ковырялась в запирающей установке, и было сложно сказать, слышала ли последнюю тираду Песчаного Карпа вообще.

Миллиард рупий.

Заманчиво, нечего сказать.

Такие деньги могли бы дать мне хотя бы иллюзию свободы от Нискирича, Магды и всех Смиренных Прислужников вместе взятых. И не только мне — нам двоим! Благодетельная Когане Но, это же натуральная гора денег, причём значительно выше инья'мтарр, в недрах которого сейчас истекал кровью специалист по решению деликатных проблем…

Я спрятал флягу. Постарался не покачиваться и — главное, — не застонать. Затем осторожно вздохнул, размышляя, сколько рёбер на этот раз сломано крупнокалиберной фанга буар-хитты. И покачал головой, будто Данав фер Шири-Кегарета в этот момент

мог меня видеть:

— Знаешь, пунчи, ты щедр. Но иди ты на *уй.

Карп вздохнул. Эта простая эмоция пробилась даже через сбоящий Мицелиум, на связь с которым несчастные батареи «Коппульсо» сейчас тратили последние силы.

— Когда ты поймёшь, Ланс, что ещё не время, будет уже поздно, — с неожиданной грустью произнёс джинкина-там. Заставил представить, как две невидимые сущности прямо сию секунду сражаются за стержневое присутствие в иллюзиумных недрах распадающейся «мицухи». — Я не лгу, когда утверждаю, что твоя раса не готова к возвращению. Хочешь, покажу многовековые данные наблюдения за атмосферой? За океанами, свойствами грунтов и тектонических плит, за бурями, вспышками излучения и…

— А когда настанет пора? — негромко перебил я, и джи-там на удивление покорно умолк. — Через тысячу лет? Миллион? Или никогда?

Казалось, встречный вопрос его неподдельно удивил.

— Кто тебе это сказал? — протянул Абзу через фоновые шумы. — Парализованная крыса в непробиваемом аквариуме? Глупости, Ланс… мой братец всё время нас с тобой стравливает. А ты и думать не хочешь, что именно мне обязан жизнью…

— Ох, борф ты драный, даже не начинай!

Пайма вступила в приемлемый сговор с волшебным химическим коктейлем в крови, на время снова выставив боль за порог:

— Всё я прекрасно понимаю — он меня разбудил, ты подхватил. Я ничего не напутал? Ты большой молодец, поклон тебе в хвост… Но так какого же беса не даёшь волю дальнейшему? Эй, жопоглазый, посмотри-ка сюда, я же выжил, сисадда?!

Гулкое эхо прокатилось под покатыми сводами, первое за очень-очень много лет.

Вероятно, Ч'айя всё же не была подключена к разговору, потому что бросила весьма заинтересованный и чуть встревоженный взгляд через плечо. Я разнузданно усмехнулся в ответ. И вдруг кроме паймы почувствовал на губах ещё один привкус — солёный и металлический, совсем не похожий на горечь любимого напитка.

Добавил чуть тише, но с тем же напором:

— Я не отравился… не считая похмелий! Не сгорел от опасных излучений или испарений, сисадда? Так может, и правда пора?!

— Не глупи, Ланс! Причин масса, и мне не хватит и суток

перечислить…

— Так я не спешу!

Он сделал короткую паузу.

Сейчас Песчаный Карп напоминал мне стоящую неподалёку Ч'айю. Только она разбиралась, как вскрыть замок в мифический «Корень», а джинкина-там в который раз пытался подобрать такой же ключ к душе Ланса фер Скичиры.

— Во-первых, у тебя ничтожная база данных и классическая «ошибка выжившего», — наконец сказал Господин Киликили, причём вообще без нажима. — Во-вторых, вашему возвращению сейчас мешают не только природные и техногенные факторы…

Я улыбнулся, почуяв редкую возможность снова блеснуть.

— Имеешь в виду *чу-ха*?

— Бинго, Ланс. Я имею в виду весь вид чу-ха, если ты понимаешь, о чём идёт речь. Дело в том, что перед вашим массовым пробуждением протокол «Вуаль» предполагал… скажем так, лёгкую глобальную деградацию общества гибридов. И пока мы не успели…

— Да полно тебе, Карпик! — Я отмахнулся, и тот снова умолк, будто мог видеть раздражённый жест. — Я всё понимаю. Даже я, сисадда? Но вот что скажу, пунчи: опираясь на весь бесценный опыт глупого выдумщика и сказителя старины, я заявляю, что мы справимся.

Он снова умолк. А я на этот раз представил себе тушу песчаного карпа, похожего на змею, но только с лапами-плавниками, ребристым гребнем и куда более опасного и коварного; представил его за крепкой прозрачной перегородкой с высеченными на ней измышлениями старинных мудрецов. Карп извивался, готовясь к броску…

Но вместо этого лишь произнёс всё с той же ровной интонацией:

— Ты заблуждаешься, мой мальчик… причём очень крепко. Я/мы ещё не успели снова скорректировать сознание общества чу-ха, превратить их в покорных прислужников тех, кто придёт следом. А потому людей пожрут. Будет невиданная по жестокости война, ведь хорошо известные тебе прямоходящие крысы отнюдь не готовы делить мир с такими, как ты. Сейчас они боятся вас, терюнаши. И одна только мысль о том, что созданы на вашем генетическом материале, может привести их в ужас, наполнить яростью, и спровоцировать глобальную бойню…

— Но у тебя, разумеется… — Чтобы сдержать влажный, отдающий медью кашель, я был вынужден хрипло рассмеяться. — У тебя есть рецепт спасения обеих рас?

— Сарказм излишен, план действительно есть. — Если бы

джинкина-там могли использовать «низкий писк», сейчас бы Господин Киликили говорил именно на нём. — Ждать. Ждать дальше. Сколько бы ни потребовалось гибридам для очистки и мягко-эволюционного терраформирования планеты. Я могу усыпить тебя снова, Ланс. И её. Вы очнётесь в совсем новом мире, когда мои расчёты покажут, что он всецело готов к повторному заселению.

Но джи-там не умели использовать «низкий писк». И в моих глазах не появилось ни намёка на транс. И поэтому:

— Ты очень гладко чешешь, Карпик…

— Это не выдумки! У меня есть все необходимые расчёты. Вероятность вашего выживания минимальна и стремится к погре…

— А знаешь, чем я — жалкий терюнаши с грязных улиц Бонжура, — по-настоящему отличаюсь от тебя, твоего братца Энки или всех крыс Тиама? — снова перебил я. И в тот же самый момент осознал тотально-бездонную правдивость того, что собирался сказать дальше. И сказал, не дав Карпу возможности признать свою очевидную неосведомлённость: — Мы верим в чудо, пунчи.

Князь-Из-Грязи, которого обитатели Юдайна-Сити могли знать под именами Данав фер Шири-Кегарета или Шерсть Миллиона Запахов, замолчал. И эта глубокая пауза поведала о его капитуляции больше, чем все дальнейшие слова.

— Байши, Ланс, ты и правда туповат… — наконец откликнулся заушник.

В тот же самый момент Ч'айя бережно вынула из ниши короткую матовую колбу. Покрутила, изучила крохотную бирку, без опаски (а вот зря, как считал лично я!) свинтила крышечку.

— Что ж, — с лёгким раздражением добавил Песчаный Карп, — я только что провёл корректировку глобального долгосрочного прогноза на основе экстраполяции событий протокола «Ланс Скичира»… У меня печальные новости, пунчи. Ты умрёшь.

Ч'айя старательно сплюнула в колбу, осторожно вернула в нишу. Одновременно с ней от соблазна не удержался и я, хмыкнув и презрительно сплюнув под ноги.

— Захлопни пасть, умник! По всем твоим расчудесным прогнозам я должен был скрутить хвост ещё в пустыне несколько лет назад…

Я тут же переместился немного ближе к девчонке и торопливо опустил подошву на алую кляксу, неосмотрительно оставленную в пыли.

— Согласно моим расчётам, — снова вздохнул джинкина-

там, — в настоящее время ты должен до ужаса бояться дальнейших событий, Ланс. И не пытайся этого скрыть.

Я покривился. Поднял «болтушку» к лицу, будто у нас был включён режим слепков, и Абзу мог в деталях рассмотреть мою недовольную гримасу. Повторил, но без должной экспрессии, а утомлённо и тихо:

— Пошёл на *уй, Карпик. Я прекрасно отдаю себе отчёт, что каждый из живущих обречён посадить дерево, в тени которого уж точно не вздремнёт…

Внутри горы вдруг едва различимо загудело, а затем изогнутую стену между мной и Чаей раскололо тончайшей вертикальной чертой.

Детка, ты скоро выйдешь из умывальни, так что я буду закругляться…

В общем, под занавес этого странного сна ко мне пришла Аширна фер вис Фиитчи. Ты можешь вспомнить это имя, сисадда? Её сестра нанимала меня для решения одной деликатной проблемы в тот день, когда ты попала в мою нору…

На этот раз сонный образ явился без странных переодеваний, а таким, какой я запомнил прибитую горем вистар на платформе «Пламенного колеса». Представляешь, на её груди даже висела склянка, которую я отобрал…[вздох] *Эта деталь почему-то показалась мне самой пугающей.*

— Я благодарна вам, господин фер Скичира, — сказала она. Сначала я даже подумал, что она повторяет свою речь из последнего послания мне. Но… дальше она сказала примерно следующее: — Но думаете ли вы, что мы — мы все, от Юдайна-Сити до Аркидополиса, — будем вечно благодарны вам за отдельную помощь той или иной крысе?

Мне очень хотелось ей ответить. Причём едко, может даже злобно. И ведь украденный моим же собственным призраком голос вернулся, и гель уже не так противно забивал глотку, и мысли нужные роились… но я промолчал.

А Аширна — пусть это была вовсе не вистар из благополучно-карамельного Тинкернальта, — она прищурилась и вздохнула, будто иного не ждала. Добавила с грустью. Знаешь, с такой вязкой грустью, острота которой ощущается исключительно в страшных снах:

— Как вы считаете, господин фер Скичира, сумеем ли мы восстать против того, кто творил нам добро, если хотя бы отдалённо учуем опасность, грозящую мне, нам, гнезду или всему Тиаму?

Она медленно подняла лапу, и на секунду мне показалось, что вистар сейчас сорвёт с ремешка склянку с ядом и сделает-таки то, от чего я уберёг её в ночном клубе… Но вместо этого Аширна показала мне скрещённые пальцы, шагнула в сторону и пропала из поля зрения.

Байши… у тебя когда-нибудь бывало такое? Что ты осознаёшь сон, осознаёшь сам факт сна, но никак не можешь ни проснуться, ни избавиться от его гнёта? Прямо жуть. И если нет, детка, от всей души желаю никогда не испытывать ничего подобного.

Потому что сколько бы я ни рвался и не трепыхался в попытках выбиться из капсулы, разбить оцепенение и проснуться,

вернуться к тебе и в жаркую постель, меня не отпускало.

Но ни одна пытка не длится вечность. Если, конечно, твою душу не уносят в подземные дворцы Бансури…

Мой ужас тоже подходил к концу, пусть этого я и не знал. А напоследок к двери компактной западни подступил Ханжа.

Едва ли я упоминал при тебе это имя. Да и вообще за ним уже прикрылась дверца погребальной печи, но… При всей его малозначимости в моей жизни этот образ вдруг почему-то показался мне очень важным и невероятно жутким.

— Мы все для тебя — расходный материал, — просипел «Садовник». А в следующий миг превратился в здоровяка Панго. А потом в Цену и бесполое Као-Ду, и я вдруг ощутил острейший стыд, потому что даже не знал, кто из моей маленькой победоносной армии сейчас жив, а кто уже рассыпался пеплом… — Как думаешь, терюнаши, ты для нас представляешься таким же? Заменяемым? Не уникальным? Штампованным и малозначимым?

Его морда поплыла. Менялась и обретала черты каждого из наёмников, с которыми мне пришлось иметь дело на балконах «Слюдяного моста»… Последним оказался Прикус, бывший тетрон, крепыш и молчун. Напоследок он прижал к стеклу напротив моего лица оттопыренный мизинец.

— Как думаешь, — спросил он, сопя из-под маски-наносника, которую я запомнил куда менее зловещей, — Ч'айю мы тоже запишем в расходные материалы? Подумай об этом, терюнаши. Подумай обо всех сородичах, с которыми нам предстоит иметь дело. А когда нащупаешь правду, пососи свой х…

На этом он исчез. Но я почти уверен, что в виду имелся вовсе не хвост…

Причём Прикус не растворился или скрылся в сторону, а лопнул, как мыльный пузырь. И вместе с этим пришло долгожданное избавление от изнуряющего сна — я подскочил на кровати, будто меня ткнули в жопу ножом.

Ты, кстати, не проснулась. Даже несмотря на мои стоны и метания. Лежала рядом тёплая и спокойная, а я всё смотрел и смотрел на тебя, голую и ещё ничего не знавшую о своём и нашем прошлом. Только Когане Но видела, до чего сильно я хотел тебя в ту секунду, детка.

Но вместо этого я встал и попёрся на неприятный разговор с Магдой. Чуть позже мы все вместе сошлись в танце агрессивных переговоров, потом бежали… Затем я познакомился с выродком-Пуговичником, и до сих пор не знаю, принял ли осознанное решение или хотел что-то доказать образу надменно-въедливого Ланса Скичиры из собственного кошмара…

Байши, детка. [вздох] *Мне по-настоящему кажется, что всё*

это — от сна до штурма Пузырей, было тысячу лет назад… До чего же светлым может оказаться прошлое, в котором никто даже на пол-хвостика не подозревает, к каким последствиям его действия приведут через считанные дни…

Наверное, на этом всё, детка, конец записи. Надеюсь, всё это я наболтал не зря…

[пауза]

Удали запись.

[пауза]

Нет… Эй, железяка, а ты вообще сумеешь понять, когда это будет нужно и нужно ли будет вообще?

[пауза]

Верить? Может, этого и вправду будет достаточно… хорошо, отменить удаление.

Глава 11
ВСЕ КОРНИ ЗЛА

Да, наверное, и правда не стоило мне отвечать на тот вызов Подверни Штанину… многие славные крысы бы тогда не скрутили хвостов, сисадда? Но… тогда бы и я кое-кого не встретил? И это ещё не задумываясь о феерическом п*здеце с «Корнями» и пробуждением новых представителей человеческой расы…

Бок жгло всё отчётливее. Дыхание полнилось хрипами, а каждый последующий шаг становился всё более свинцовым, благо что путь выдался совсем недлинным.

После того, как открывшаяся в стене кабина доставила нас на Бансури знает какой уровень подземного убежища, я смог оценить размеры очередного шлюза и решил, что всё-таки способен добраться до стены с панелью управления без видимых признаков скорой отключки…

Вообще, признаюсь откровенно, когда Ч'айя вернула в нишу прозрачную капсулу со слюной, я ждал чудовищного скрежета и драматично осыпающегося с потолка песка. Может даже что сама священная гора расколется под ужасающие вопли чу-ха и их кочевых сородичей.

Но, видимо, раньше и правда строили на славу.

Да и не могло быть иначе — без исправных систем, да ещё и с перебоями в подаче энергии «Корень» за считанные минуты превращался бы из хранилища в могильник…

В общем, стена распахнулась весьма эффектно и почти бесшумно, только мягкие пылевые вуали по обеим сторонам поползли. Мы подошли. Девчонка — пружинисто и настороженно, я — кое-как, придерживаясь за стену и держа вторую руку на башере. Дождались, когда щель превратится в проход. Вступили в полосу света.

А затем изнутри на нас взглянули Ланс фер Скичира и девушка по имени Ч'айя. Он — усыпанный пылью, измотанный и осунувшийся так, словно недельку провалялся в подворотне Нижнего Города; и она — подтянутая, красивая, сосредоточенная.

Мгновенно вспомнился надиктованный в гаппи сон. Я вздрогнул, на миг обманувшись зрением и представив, что стою напротив самого себя, но в красном пальто… но это были лишь потёки крови…

Просторное, размером с кабинет Нискирича помещение оказалось наглухо обшито зеркальными полотнами, включая пол

и потолок. И я тут же подумал, что даже если бы чу-ха сумели пройти первую ступень защиты «Корня», преодолеть пытку и перешагнуть порог отважился бы разве что один из миллиона.

Мы приблизились к собственным отражениям, мы оказались в эпицентре бесконечного зеркального лабиринта. Сотни Лансов. Тысячи девушек. Тоннелям с нашими дубликатами, многократно помноженным друг на друга, не было конца.

Настенная панель управления (тоже с зеркальным клавиатоном, почти сливающаяся с обшивкой) обнаружилась не сразу. Однако же найдя её, Ч'айя не стала медлить (да и какой в этом сейчас был смысл?), и комната рванула вниз с такой выверенной плавностью, что перегрузки почти не заметили ни я, ни подруга.

Лифт доставил нас в прямоугольное помещение (на этот раз уже без зеркал), залитое мягким светом, чуть более тёплым и менее приглушённым, чем нравилось обитателям Юдайна-Сити. Да и всё здесь было чуть… иным. Отличающимся в формах, очертаниях, пропорциях — выпуклые клавиатоны на стене, дисплеи, датчики и даже встроенные овальные динамики по периметру.

Которыми, кстати, сразу не преминул воспользоваться джинкина-там. Причём уже почти без помех, что заставило полагать, что входной протокол пробудил не только энергетические мощности, но и улучшил связь с ядерными составляющими иллюзиумных «божеств».

Ч'айя, к слову, опять осмотрелась и сориентировалась многим раньше меня.

Пока я щурился, втягивал стерильный, чуть суховатый воздух и не отпускал рукояти «Наковальни» в поясной кобуре, девчонка повертела головой. Издала вполне жизнеутверждающий *хмык*, и в несколько лёгких шагов подскочила к внушительной настенной консоли.

Не ощущая в себе ни капли подобной лёгкости, я захромал следом. Тяжело опёрся левым плечом на стену поодаль от ряда клавиатонов. Вот тут-то джи-там и вернулся к разговору, да так невзначай, будто прерывался чинги плеснуть.

Причём — и это я уловил по первым же интонациям, — на этот раз в динамиках снова правил фер вис Кри, сумевший выдрать у братца стержневое присутствие. И я не хотел знать цену, которую ему пришлось за это заплатить.

— Тебе, Ланс, было интересно, зачем мне понадобился криптографический размыкатель, — сказал Энки, будто и вовсе не уступал управление неуёмному альтеру в его последней попытке перекупить душонку Ланса фер Скичиры. — Сейчас

узнаешь.

— Мне было интересно? — Я покривился и осмотрел помещение в поисках камер, через которые поганец имел привычку считывать эмоции собеседников. — Байши, да ты о чём вообще?!

Он вздохнул, но вовсе не насмешливо, а даже с едва уловимым задором.

— Ключ, Ланс. Цифровой ключ, спрятанный в кулоне, который ты для меня разыскал, сисадда? В условиях отсутствия компромисса между вычислительными охранительными мощностями он является весьма важным звеном. Ведь снаружи попасть в настоящий «Корень» для активации последующих протоколов возрождения можно исключительно с его помощью.

О. Вот оно что. Ну да, разумеется. Именно так я всё себе и представлял.

Ч'айя отвлеклась от изучения клавиатонов и сенсорных дисплеев, покосившись на меня с видом, который хотелось бы расшифровать, как *«блестящая работа, милый!»*. Но вот её брови дрогнули, по лбу снова чиркнуло морщинкой, и она поджала губу.

— Ты бледный…

— А ты красивая. Не отвлекайся, пожалуйста. — И добавил уже чуть громче в потолок, демонстративно уводя разговор от опасной темы моего ранения: — Валяй, пунчи, ссыпай нам свой размыкатель. Давай заново состряпаем человека из глины подземного океана…

Энки только хмыкнул, а затем на наши с Ч'айей гаппи ссыпались пакеты.

Мне, вероятно, на случай подстраховки. Хотя даже в кошмаре не хотелось представлять ситуацию, в которой я остаюсь с древней усыпальницей один на один…

Подняв болтушку повыше, Ч'айя покусала губу. Выдвинула один клавиатон, затем другой, отщёлкнула противопыльную панель и начала неторопливо, постоянно сверяясь с запястьем, вводить многозначный код.

— Значит, это вы создали чу-ха? — вдруг спросила она.

Спросила буднично, будто не занималась самым важным делом всей моей не очень-то значимой жизни, а, например, перешивала рубаху и хотела отвлечься от рутины.

— Если точнее, то гибридов создали вы, — мягко поправил Диктатион, ответивший сразу и охотно. — Когда ваша с Лансом раса приблизилась к индексу вымирания, именно вы разработали и воплотили в жизнь их программу. Мне/нам оставалось её лишь дошлифовать. Более чем разумное решение, если мне будет

позволено заметить: десант в будущее, даже самый упакованный и подстрахованный, нуждался в присмотре и сохранении инфраструктуры. Так и появились те, кто способен жить в условиях перманентной катастрофы и присматривать за планетой до вашего возвращения.

Ч'айя с пониманием кивнула:

— А также удовлетворять энергетические потребности джинкина-там и всей «корневой системы»?

— Совершенно верно.

Я облизал губы, чуть не оцарапав язык о пересохшую кожу.

— Так значит, — уточнил как можно бодрее, но хрипло и сквозь поднимающийся кашель, — они всего лишь… рабы? Прислужники людей?

— Хм… — протянули динамики. — Это крайне непростой вопрос, Ланс. Скользкий и задевающий огромное количество сфер от этики до философии.

Ну да, действительно. А ты хоть один мой вопрос за всё время общения вообще посчитал *простым*?

В голове помутнело, и мне вдруг представилось, что сейчас в комнату ворвутся казоку-йодда Бронзы с самим Девятым Когтем во главе, и по науськиванию Ункац-Арана издырявят нас из ассолтеров. Просто потому что *поймут*…

Я потёр висок, отгоняя тревожные, всё более путаные мысли, и не сразу сообразил, что Энки продолжает говорить.

— …елось несколько вариантов для гибридизации. — Тот, кого мы ещё совсем недавно знали, как престарелого Хадекина фер вис Кри, говорил мягким, но не убаюкивающим голосом, лишь бы не помешать Ч'айе вводить длиннющий открывающий код. — Кое-где вашим учёным даже удалось добиться определённого прогресса. Но с крысиным прорывом не могло сравниться ничто. Впрочем, это не особенно удивительно, ведь род rattus — будь то виды rattus rattus или norvegicus, — изначально походил на homo чуть больше, чем предполагалось ранее. Или наоборот.

Ч'айя закончила ввод, медленно опустила руку с гаппи вдоль бедра, и я невольно задержал дыхание. Сейчас мы выясним, чего стоил кулон, с таким трудом добытый мной после знакомства с Симайной…

— Значит, решение не было спонтанным? — уточнила наследница древнего рода, но мне показалось, что без особенного интереса. Будто для вежливого поддержания разговора.

— Разумеется, нет! — почти возмутился Энки. — Даже без дополнительных вмешательств в структуру ДНК, гибриды ещё в нулевом и первом поколениях давали мощнейший имунный ответ

к 93 % бушевавших тогда вирусов. Да и вообще крысы издавна интересны человеку, как в физиологическом плане с дебютных экспериментов эпохи изучения первых вакцин, так и с точки зрения социальной психологии времён Джона Кэлхуна. Кстати, многие его открытия времён «Вселенной 25» и введения понятия «поведенческая раковина» хоть и были признаны ошибочными, но легли в основу разработок профессора Кеменер-Вишванат…

Несмотря на предельную сосредоточенность, Ч'айя покривилась, как если бы услышала что-то неприятное. А гадёныш обратился ко мне, да причём так, что я едва не потерял дар речи:

— Если выживешь, Ланс, я дам тебе почитать про разработки того американского учёного из XX века. Будет интересно. Он строил беспроблемные колонии грызунов на тысячи особей с избытком самок и пищи, которые в конечном счёте самоуничтожались, перед этим пройдя этапы девиантного поведения, однополого спаривания и каннибализма…

Если выживешь? Вот же сука!

Но вместо взрывного возмущения я вынул почти пустую флягу (едва не выскользнула из руки), и покачал головой.

— Прекрасный выбор для основателей общества…

— Полностью согласен, степень сходства потрясает, — подтвердил джинкина-там, словно и не заметил издёвки. Теряю хватку? — Иерархичность, подверженность эффекту Дженовезе, болезненная потребность в развлечениях, удовольствиях и зависимостях или беспричинная агрессивность весьма схожи, друг мой. И это было подтверждено массой экспериментов ещё в тёмные времена развития человечества за сотню лет до моего рождения. И всё-таки, действительно напомни, я дам тебе ознакомиться с работами Дезора, Кэлхуна или Александера.

Нет, ну серьёзно — ну до чего же ублюдочное сознание разработали родственнички моей Ч'айи?!

— Особенным преимуществом хвостатых стала их низкая восприимчивость к радиации, — продолжал Диктатион-Энки, будто намеренно игнорируя торжественность момента. — Даже первые экземпляры с лёгкостью выдерживали очень высокий уровень, до 300 рентген. А про их изначальные способности к высшей нервной деятельности и вовсе молчу. Например, ты знал, что они были способны вспоминать прошлое в хронологическом порядке? А ещё что у них давным-давно доказали приверженность к групповым и азартным играм для получения удовольствия, а не только ради поощрения едой?

Я не сразу осознал, что джи-там снова обращается ко мне. Но всё же кивнул, почти машинально:

— Конечно, знал, пунчи. Я же всё помню о своей прошлой жизни…

Но успел-таки мельком задуматься, что только что озвученное господином фер вис Кри с возмутительной лёгкостью объясняет страсть чу-ха к самым немыслимым ставкам, бесконечному тайчо на деньги или разорительным партиям в моннго…

— Причём речь не о гибридах, а о базовых эволюционных ветках! Учитывая, что азарт является одним из самых эффективных инструментов для управления стаей, лучше было и не придумать, — не унимался Диктатион. — Ох, ты даже не представляешь, как много вас роднило с крысами в плане жажды удовольствий. Жми на педаль кайфа, пунчи, ещё и ещё, пока не сдохнешь…

— Яри-яри, ну и умора… — прошелестел я, даже не уверенный, что был услышан.

Впрочем, так ли это смешно на самом деле?

А Ч'айя протянула руку к клавиатону. И мне не требовалось напрягать зрение, чтобы понять, что сейчас она активирует протокол размыкателя. Я чуть не зажмурился, вот теперь-то точно ожидая чего-то… внушительного!

Но в недрах инья'мтарр продолжала властвовать тишина, а в душной комнате с серыми стенами монотонно вещало существо, благодаря которому мы здесь и оказались.

— С точки зрения насаждения универсальных морально-общественных парадигм всё тоже оказалось просто, — сказал Диктатион, заставив многократно пожалеть о заданном Ч'айей почти безобидном вопросе. — Homo suprattus без труда адаптировали в новое общество принципы поддержки семьи и общины, взаимность, отвагу, подчинение начальству, справедливое разделение ресурсов и уважение прав собственности. Развивать общество, конечно, пришлось взрывными темпами, и они привели к неизбежным деформациям принципов, но…

Сученыш даже хмыкнул, окончательно разрушая всю трепетность момента:

— Неужели это сильно отличается от общества их созидателей?

— Уверен, не отличается… — почти бездумно пробормотал я. Всё это время мой взгляд не отрывался от стены справа, на которой отчётливо читались очертания наглухо запечатанной двери. — Почему ничего не происходит?!

Ч'айя сверлила настенные консоли немигающим взглядом, пальцы её сжались в побледневшие кулачки. Фер вис Кри же,

будто издеваясь, мой вопрос проигнорировал, как ни в чём не бывало поведав, что:

— Особенно досталось вопросам равноправия, такое уж, Ланс, человек животное. Ты можешь не знать, но в сути своей любая стая принципа равноправия не предполагает, ни обезьянья, ни крысиная. Потому как бы ваши предки ни пытались заложить в основы Цивилизации Сохранения фундамент из свободы, равенства и братства, с последствиями миллионов лет естественной эволюции не поспорить. Особенно в рамках нового материала, изначально погрешного…

До меня дошло не совсем сразу. Но после глотка паймы сознание чуть прочистилось, и потому я всё же нашёл силы на усталое:

— Иди-ка ты тоже на х… — И вдруг осёкся, сквозь боль и пульсирующие вспышки в голове осознав важное. Спросил, всё ещё прислушиваясь к тишине внутри горы: — Гибридов создали для сохранения инфраструктуры, так? Выходит, с открытием «Корней»… они больше не будут нужны?

Наш невидимый собеседник наконец умолк, но что-то в его молчании мне внезапно не понравилось.

— Я этого не утверждал, — наконец ответил джи-там. И тон его уже был вовсе не доброжелательно-учительским. Но вместо того, чтобы развить тему, он внезапно предложил: — А сейчас вам сто́ит сосредоточиться на дальнейшем.

И не успел я уточнить, что за «дальнейшее» имелось в виду, как комната чуть заметно вздрогнула, а под ногами будто зашипели тысячи песчаных карпов. Дверь распалась на три створки нереальной толщины, разновеликими сегментами втянулась в стены и пол, одновременно за её порогом начал зажигаться свет.

Несмотря на обстоятельства, я невольно улыбнулся.

Вспомнил, как Нискирич фер Скичира впервые допустил меня на один из внутренних обрядов казоку. Тогда на плечах терюнаши уже болтался жилет, но «Дети заполночи» во дворе казоку-шин всё равно косились и показывали зубы, и оттого важность события было не переоценить.

И вот когда ряды казоку-йодда уже преклонили колени у помоста, на котором стоял сам фер Скичира-старший и его ближние Когти, у меня от волнения так надавило на клапан, что я чуть не обгадил закулисье.

В итоге, конечно, я сбежал. Постарался сделать всё как можно быстрее, хоть и пропустив часть церемонии… но первые минут десять-пятнадцать, пока находились силы сдерживаться, ощущал себя отвратительно — толком не получалось ни ощутить полноту

момента, ни сохранить усы от дрожи.

Так вот сейчас мне представлялось, что стародавний обряд в Наросте был всего лишь разминкой перед нашим торжественным входом в «Корень».

Взглядам открылся просторный светлый коридор, уводящий в гору и чуть вниз; открывались тайны и будущее всего нашего с Ч'айей вида (та замерла на пороге и прикрыла рот ладонью, будто удерживаясь от вопля); а я думал лишь о том, как бы не выключиться раньше времени…

Затем девушка пошла вперёд. Даже не оглянувшись, а лишь небрежно поманив.

Я зашагал следом, надеясь, что не слишком шатаюсь.

Как только мы перешагнули порог шлюза, с потолка полилась музыка, наконец-то заставившая ощутить величие происходящего. Она была негромкой, но размеренной и будто чистой, напрочь отличавшейся от всего, сочинённого чу-ха.

Да, в ней тоже звучали многочисленные струнные, и духовые присутствовали, но ритмика, оттенки и настроение композиции отличалось от привычного мне настолько, что в душе заворочалось, застонало, заныло, одновременно придавая сил и… воодушевляя?

Кроме музыки, весьма потрясало и увиденное внутри — стены коридора оказались изготовлены из цельных прозрачных плит, открывающих виды в череду просторных залов ниже уровнем; в полумраке пустынных пространств вырисовывались очертания техники и приборов, одним видом вызывавшие трепет и учащённое сердцебиение.

Через два десятка мучительных шагов коридор окончился уютным овальным холлом, и я был готов расцеловать каждое из дюжины удобных глубоких кресел, выставленных по периметру.

Упал в ближайшее, стягивая рюкзак и неловко потроша на коленях. Заметил, как Ч'айя обошла комнату, изучила настенные панели, а затем уселась в кресло напротив и вынула из подлокотника широкий обруч с символами TRA-412, который бесстрашно водрузила на лоб. Что ж, теперь становилось понятно, о какой «тиаре» шла речь при позавчерашних откровениях фер вис Кри…

Музыка, будто специально, стала тише.

Да, всё так, как и должно быть, Ланс.

Я улыбнулся. Снова. Как слегка недоразвитый, приглашённый в компанию гениев.

Девчонка должна работать. Познавать. Она с лёгкостью уловит вектор дальнейших действий, потому что я не сомневался, что мы находимся в комнате стартового инструктажа или что-то

вроде этого.

А моя главная задача сейчас — не хлопнуться оземь. Потому что (байши, я уже был в этом полностью уверен), сейчас я даже не найду в себе сил добраться до «Коппульсо» и медицинского оборудования Бронзы…

Значит, буду терпеть, смотреть и ждать.

Непослушные пальцы нашарили в рюкзаке брикет аптечки. Вынули, рассыпав по гладкому полу комнаты что-то звонкое, но Ч'айя не заметила, поглощённая изучением обруча, кресла и его консольных систем. Задрав пальто, я ощупал повязку. Убедился в отсутствии кровотечения и без лишних раздумий вколол в бок двойную дозу хиапиоксина.

Девчонка не должна отвлекаться. Ей ни в коем случае нельзя бросать начатую работу, чтобы возиться с моим рухнувшим телом.

А это, в свою очередь, означало, что мне придётся (как бы меня ни отвращала подступившая идея) любыми способами оставаться в сознании. Даже если для этого будет нужно…

— Эй, зануда? — негромко позвал я, уверенный, что теперь джинкина-там услышит и без микрофона в заушнике. — Валяй, умник, просвети меня ещё о гибридах. Об этической стороне рабства, например, и нашем с чу-ха сходстве.

— Похвальное любопытство, Ланс, — услужливо откликнулся Энки. — Однако анализ твоего голоса, дистанционной сатурации и температурного режима комнаты указывает, что…

— Захлопни-ка пасть, пунчи, — хрипло, но весьма напористо перебил его я, — и расскажи о гибридах.

— И что ты хочешь знать?

Байши, это что, были оттенки обиды?!

— Что посчитаешь нужным, пунчи. Ты же здесь скопище мудрости? Расскажи про зарождение культуры гибридов, появление языка или обычаев?

Он ненадолго замолчал, дав представить, как убелённая сединами крыса разливает по пиалам крепкую чингу, чтобы начать неспешный и неглупый разговор. Я не торопил. Теперь-то куда спешить?

— Первые очаги гибридной цивилизации были заложены на архипелагах Юго-Восточной Азии, — сказал Хадекин фер вис Кри, которого вскорости нам предстояло называть совсем иначе. — О, Ланс, ты должен больше узнать о нём, это был огромнейший регион, густонаселённый и с богатой историей. Настоящая житница, если приручить неспокойную погоду. Именно на его фундаменте строились последние оплоты твоей цивилизации, и позже именно на базе его культур зародились чу-ха.

Я чуть более свободно втянул стерильный воздух холла — препарат подействовал, возвращая способность дышать и мыслить. Уже более уверенно спрятал пожитки в рюкзак, застегнул и опустил к гидравлическому механизму кресла.

— Нихонинди также был разработан здесь, в основу искусственного конструкта получив хинди и китайско-японский, — продолжал Энки, ничуть не мешая наблюдать за работой Ч'айи. — Так нам удалось подобрать язык, наиболее подходящий под артикуляционный аппарат гибридов. Хотя позже оказалось, что хвостатые недурно воспринимают и заимствования из французского…

Девчонка закрепила обруч на висках, опустила узкое стеклянное забрало. Выдвинула из подлокотника клавиатон, защёлкала пальцами по выступающим клавишам. Меня снова охватила тревога, сейчас вообще непрошенная, но столь же неотвратимая.

— …впрочем, на седьмой стадии проекта в культурологические основы были добавлены элементы западной цивилизации. Избирательно, так сказать. Для вкуса. По моей/нашей инициативе, если будет интересно. Дело в том, что для меня/нас все старые человеческие мифологии и культуры интересны в одинаковой степени, поэтому проект скорректировался в лёгкую эклектичность. Для гранения алмаза, так сказать. А ещё, например, для выстраивания властных вертикалей в криминальном мире. Но не таких фанатичных, какими они являлись в Азии ушедшей эпохи, а чуть мягче. Чуть «джазовее», сисадда? И вот — voilà!

— Байши, вуа-чего?!

— Не бери в голову, Ланс. Всему своё время.

Спинка кресла Ч'айи опустилась, основание приняло форму тела, а из подголовника на лицо надвинулся ещё один полупрозрачный экран.

— Удачным фактором для выбора точки старта стало географическое положение Азии, особенно после подъёма уровня мирового океана, — сказал Диктатион, даже не предполагая, что я улавливаю лишь половину бесценной информации, за которую ещё месяц назад был бы готов удавить голыми руками. — Это позволило ещё на ранних стадиях проекта создать сеть изолированных и безопасных анклавов, а также наметить перспективы для развития системы «Корней». Ну, а чтобы предотвратить лишние сбои, в генетический код гибридов были внесены поправки, программирующие чу-ха на боязнь высоты и гидрофобию, сисадда?

Однако часть сказанного в сознание Ланса Скичиры всё же

угодила, и я даже поёрзал, усаживаясь чуть удобнее:

— Притормози, умник. И поясни-ка лучше, что такое «океан»?

— О, Ланс, — вздохнул тот, и мне показалось, что сейчас он предложит тоже подключиться к обучающим программам «Корня», чтобы не тратить время на болтовню. Но вместо этого джинкина-там признал, причём с яркими нотками горечи: — Твой мир основательно изменился…

— Как мы вымерли?

Мне казалось, этот вопрос будет задавать многим сложнее. Но сказанное повисло в воздухе ещё до того, как я осознал всю его серьёзность.

— Процесс можно назвать естественным, но это не совсем так. — На этот раз джинкина-там ответил без промедления, но и без эмоций, будто вернулся к роли бездушного помощника. — Пандемии. Войны. Очередная Мировая, которая не уничтожила ваш вид, но стала финальным катализатором начала конца. Если анализировать статистику, также верным окажется утверждение, что наибольший вклад внесли опасные и невероятно контагиозные болезни.

Ч'айя сохраняла неподвижность, и лишь время от времени щёлкала клавишами под запястьем.

Она обязательно справится, всё поймёт и разберётся. Джи-там же говорил про её родственную нейроматрицу, способную ускорить процесс? Значит, девчонка — не просто глабер, она и есть ключ к ментальному лабиринту, в конце которого «Корни» ждёт масштабное пробуждение.

А мне нужно лишь дождаться, чтобы хоть краем глаза увидеть будущее Тиама…

— Кто построил всё это? — К собственному удивлению, мне даже почти удался безболезненный взмах рукой. — Семейка Ч'айи?

— Обобщённо, но верно, — признал Диктатион. А я подумал, сумею ли когда-либо перестать ассоциировать бесплотного собеседника с престарелым казоку-хетто в передвижной бронированной каталке. — Подразделения «Кавагути-Аджира груп» под руководством госпожи Кеменер-Вишванат. Флорианы, разумеется. Её дару провидения можно лишь позавидовать, Ланс, и задержись старт генетических манипуляций, создание прототипных гибридов и параллельное строительство системы «Корней» ещё на пять-шесть десятков лет, мы бы сейчас не беседовали. Разумеется, к перечню выдающихся достижений госпожи Кеменер-Вишванат можно также добавить и зачатие твоего покорного слуги.

Я фыркнул, одновременно пожалев, что не прихватил больше

паймы. Задумался, существует ли хранилище напитков где-то здесь, в инья'мтарр пустынной стаи, так заблуждавшейся от поколения к поколению. Наверное, в тот момент стоило мечтать о реанимационном блоке (уж он-то бы точно нашёлся), но пайма показалась важней.

— Сколько всего выживших? — вдруг уточнил я, приятно поразившись важности пришедшего на ум вопроса.

— С учётом смертности при хранении, сто двадцать две с небольшим тысячи человек в двадцати четырёх «Корнях» по всему Золотому Треугольнику между Ченчу-Гаром, Аркидополисом и Юдайна-Сити.

Я охнул.

Да в одном Бонжуре жило многократно больше, и если вдруг…

А затем образы возможной бойни вдруг сменились иным. Я как наяву представил себе тысячные ряды глухих капсул (почему-то они казались мне ослепительно-белыми, как в недавнем тревожном сне), в каждой из которых увяз в гибернационном оцепенении, будто муха в карамели, кто-то из представителей моего вида.

Увидел огромные залы для хранения, надёжные коммуникации, устрашающие установки по извлечению криопротекторов и целую систему механических манипуляторов под управлением джинкина-там.

А ещё медицинские отсеки, столовые, норы для обычного отдыха и сна, тренажёрные залы и холлы для медитаций, в которых людям предстоит провести не один день перед выходом под злое солнце Тиама.

И хранилища. Хранилища самой что ни на есть старинной культуры и истории; хранилища, давным-давно заполненные тем, что мои предки посчитали самым ценным.

Что окажется внутри? Картины? Статуи? Украшения или оружие? Коллекции юнму с лучшими мемоморфическими историями? Придётся ли остальным, как мне или Ч'айе, заново входить в эту культурную реку?

Я открыл глаза, которые умудрился смежить незаметно для самого себя. Поморщился от света, неожиданно ставшего резким и болезненным.

— Значит, вокруг других гнёзд тоже есть подобные тайники? Рисково, пунчи… или тебя/вас хватает приглядывать за Смиренными Прислужниками всего Треугольника?

— Гнёзда солипсичны, — важно, едва ли не в размеренном ритме льющейся с потолка музыки ответил фер вис Кри, снова превращаясь в заумного говнюка. Да ещё и добавил, не

потрудившись пояснить: — Два прочих мегаполиса чу-ха сконструированы и развиваются по тому же автономному принципу Корбюзье, что и Юдайна-Сити. Ни Аркидополис, ни Ченчу-Гар не находятся под таким строгим контролем меня/нас, как твой любимый город. Если угодно, можешь считать их гнёздами чуть более дикими и изолированными от пустошей, нежели Юдайна-Сити, хоть я/мы время от времени и вынуждены решать возникающие на их территории проблемы.

— При помощи смирпов, криминальных организаций и жестокосердных религий?

— Всё же я не зря хвалил твои умственные способности, Ланс. Пусть и не очень часто.

— А не пойти бы тебе всё же на…

— Ограничивать контакты внутри Треугольника, — безалаберно продолжил Диктатион, — мне/нам помогают стаи кочевых чу-ха-хойя, которыми через религиозные суеверия управлять и того проще. Если тебе интересно, то два прочих гнезда, по сути, есть контрольные группы. А если желание не иссякнет, в будущем могу устроить экскурсию. Хотя сомневаюсь, что тебе бы понравилось жить в любом из упомянутых…

— Ловко, — признал я, продолжая наблюдать за Ч'айей, грациозно перебирающей пальцами по клавиатонам кресла. — Выходит, в его текущем виде общество чу-ха выстроили вы с Шири-Кегаретой. Фактически с нуля. Утоптали площадку для возвращения людей?

— Зришь в корень, — сострил джи-там.

И даже негромко рассмеялся собственной шутке.

— Хотя должен признать, что настройка потребовалась весьма тонкая. Дело в том, Ланс, что со времён твоего рождения государства в вашем пережитом виде оказались не совсем подходящим вариантом. Результаты моих вычислений убедят любого: государственные законы обесценивают причины поступков и ограничивают свободу. А для регулировки здравого смысла — равно как и прочих смыслов, — человечеству до его деградации хватало куда меньшего количества простых и откалиброванных инструментов.

— Принцип Вежливого Наставления? — я ухмыльнулся, совершенно внезапно вспомнив параграф из свода Взаимопроникающего Невмешательства.

— И снова в точку. Тотальный контроль перестал быть актуален, Ланс. И эксперименты над ранними гибридами это тоже доказали, низкий поклон мистеру Кэлхуну. Я/мы утверждаем, что полноценное общество всецело способно к саморегуляции, причём даже в самых штормовых условиях.

Нужно только приглядывать и иногда направлять… Да, временами это будет жестоко. Но границы морали и нормы жестокости тоже можно регулировать.

— И всё-таки — контроль… — Я кивнул с таким видом, будто раскрыл величайшую загадку современности. — Принцип Разумного Трудодействия — вовсе не псевдоразумная сеть, определяющая индексы пользы её участников?

— Ты в который раз упрощаешь, Ланс. Но почти прав. Последнее время я/мы едва вмешивались, смирпы сумели наладить работу и так.

— А общегородские Принципы Сохранения Мира и Благополучия?

— Аналогично. Используя пока не совсем понятные тебе аллегории, я/мы всего лишь передали Смиренным Прислужникам пару каменных скрижалей. А затем умники из Пиркивелля тонко ухватили ход мыслей и дальше двигались сами.

Сравнения я действительно не понял, но уточнять было откровенно лень.

Пальцы Ч'айи чуть быстрее забегали по выпуклым клавишам, словно она подбиралась к конечной цели своего иллюзиумного путешествия. Словно заметив это, ускорилась и речь Диктатиона:

— Но это если рассуждать про успех общества homo suprattus, тут у меня/нас всё получилось на основе ошибок ушедшей цивилизации. А вот что касается потомков этой самой цивилизации… Ницше ошибался, Ланс, Бог не умер. Абсолютные моральные законы никогда не были утрачены, они просто трансформировались в рамках замкнутой системы. Так что Бог не умирал, нет. И я сейчас не про узкоспециализированную Когане Но. Если перейти к анализу наличия или отсутствия некого космического вышестоящего порядка, для людей завтрашнего дня он просто станет иным, ещё более понятным и прямолинейным. Честным, открыто декларирующим, как человечеству выжить и что делать после больших потрясений. Не хочу в очередной раз примерять пред твоим взором одеяния божества, но в древности многие бы решили именно так…

К моему собственному удивлению, сейчас я даже не возмутился его очередным переобуванием в Энки. Осторожно ощупал бок и прикинул, смогу ли добраться до медблока, если тот окажется расположен значительно глубже. Уточнил:

— Ницше — это Смиренный Прислужник прошлого?

— Не совсем… — снова усмехнулся джинкина-там. — Впрочем, можно сказать, что почти.

А вот этот смешок Диктатиона меня отчего-то задел.

Я сел ещё удобнее, не позволяя удобному креслу поглотить и

усыпить, и раздражённо покрутил на пальце заветное колечко названной сестры:

— Раз уж мы вскрываем фишки, умник, то напомни-ка ещё разок, с какого это перепуга мы создали вас/тебя именно *таким*?

— По своему-то образу и подобию? — оживился джи-там, и не подумав убавить смешинку в голосе. — Когда ты вернёшь прошлое, Ланс, ты также вспомнишь, что человек никогда не мог существовать без условного *родителя*… Не стану отрицать, что вы регулярно стремитесь к трансгуманизму, процветанию, убиению в себе агрессии, но… самостоятельно не справляетесь. Никогда. И даже осознаёте это. Раз за разом создавая конструкт, способный приглядеть и направить, пусть и самую малость. Я не преувеличиваю — этот толчок и правда должен быть. Пусть мимолётным и лёгким, но обязательно своевременным. Впрочем, когда ты больше узнаешь о инфраотряде anthropoidea, тебя и это перестанет удивлять…

Я чуть не прикрыл глаза от усталости, но нашёл в себе силы для ещё одного вопроса. Он оказался не самым простым, ведь Лансу фер Скичире была неведома иная жизнь, кроме как на уютно-опасных улицах Бонжура, и впоследствии всё сказанное могло легко перенестись в порядок вещей и для Нового Тиама, но… но вдруг?

— Может стать так, — поинтересовался я негромко (чтобы точно не расслышала Ч'айя), глядя в невидимую точку на противоположной стене, — что вся уличная жестокость, убийства, грызня по поводу и без, бесконечные попытки урвать кусок пожирнее, беззастенчивые предательства, узаконенная жестокость и обесценивание жизни окажутся вовсе не нормой?

— Может, — теперь без малейшего намёка на весёлость признал Хадекин фер вис Кри, также именующий себя Энки. — Но также вынужден напомнить, что у милых хвостатых гибридов были хорошие учителя и достойные объекты для подражания…

Времени, чтобы осмыслить сказанное и отреагировать у меня не осталось — Ч'айя встрепенулась, сдвинула полупрозрачное забрало в подголовник, сняла «тиару» и пружинисто вскочила с кресла.

Повторить этот бодрый, внушающий оптимизм манёвр мне не удалось. Едва я опёрся на подлокотник, как боль впилась в бочину стальными зубами. Заставила тихо охнуть, осесть обратно.

— Я всё поняла! — уверенно сказала девушка в пустоту.

Потёрла лоб, на котором проступила морщинка, задумчиво куснула губу, пока не глядя на тяжёлую немощь по имени Ланс фер Скичира, отрывисто вздохнула.

— Я знаю, что делать дальше и куда для этого нужно идти!

Помнишь, фер вис Кри говорил, что станцию активирует погружение в местный аналог Мицелиума? Всё будет именно так, и я выяснила, что психоактивирующее оборудование находится в лаборатории блока «Дельта». Я запомнила план-схему, и теперь… Ланс?! Что с тобой?!

Увы, последнее относилось всё же непосредственно ко мне.

Подступив в несколько широких шагов, Ч'айя побледнела и нависла; нащупала пульс, осторожно (попытка не позволить оказалась изначально провальной) задрала разорванную рубаху и осмотрела рану.

— Всё в порядке, детка, я спра…

— Байши… — пробормотала она.

Грубым пинком отправила драгоценный рюкзак подальше и поднырнула под мою левую руку. Присела, вынуждая ухватиться за бронированный наплечник, с неожиданной силой подняла из кресла.

— Тебе срочно нужно в медкорпус. Я помню, где. Тут совсем недалеко. Давай, родной, ты справишься!

Ну и что мне оставалось?

Конечно, я встал, почти повисая на девушке и стараясь не потерять сознания. Сделал первый шаг, казавшийся невозможным, а за ним ещё один.

Ох, Всемилосердная Когане Но, не тот подарок я попросил у могущественного Диктатиона, дарителя любых сокровищ. Нужно было просить приохоченную собаку, как у кочевников, с ней бы меня точно не затащило в пустыню к полоумным чу-ха-хойя…

Мне хотелось ещё раз сказать подруге — причём уверенно и властно, — что всё в порядке, и ничего-то со мной не случится. Главное, после возвращения не забыть скинуть злополучную фанга буар-хитты в «Копилку боли»…

Конечно же, у меня получилось лишь невнятно пробормотать.

Под аккомпанемент воодушевляющих струнных аккордов и медных басов Ч'айя потащила меня к стене, причём было не очень-то просто понять, к какой из. Её правая рука скользнула под пальто, ухватила за брючный ремень, да так ловко, будто она целыми днями только и делала, что таскала раненых в медицинские корпуса.

— Ланс, ты держись, сисадда? — бормотала Ч'айя, позволяя чувствовать дыхание и запах пыльных волос. — У нас же ещё куча дел, сисадда? Мне предстоит кое-что очень важное, и давай-ка ты перестанешь давать поводы беспокоиться ещё и о тебе?!

Девушка подвела меня к стене, свободной рукой пощёлкала по местному клавиатону, тут же разламывая серую поверхность в самую настоящую дверь. Вывела в коридор, с каждым нашим

шагом наполнявшийся всё более сильным светом.

Стены снова оказались окрашены серым, чуть более серым, белым и чуть менее белым. В спутанных мыслях мелькнуло, будто мы снова очутились в полноценном царстве Диктатиона Кри, предпочитающего… хотя стоп, а разве это не так?

Со всех сторон за мной наблюдали строгие указатели на непонятном языке, смутно знакомом, но всё равно чужом. Пол казался приятно-шершавым и почему-то тёплым.

Несмотря на задор, с которым Ч'айя выкорчевала меня из кресла и потащила по внутренностям «Корня», я ощущал, до чего девчонке непросто. Постарался идти ровнее, почти не наваливаться. И пробормотал, чтобы хоть как-то отвлечь от ожидания неминуемого…

— Могу помочь…

— Вот как? — пропыхтела она из-под моей руки.

— Не физически, конечно… Но чтобы не было так… ах, байши!.. — Я оступился, но удержал равновесие и постарался не завалиться на помощницу. — Прости. Но может и сработать…

— И что же это? — Она совершенно точно не верила, но правила игры приняла.

— Помнишь… — мне стоило большого труда говорить через одышку и боль, но оно того определённо стоило, — как я всё обещал рассказать тебе про свои умения?

— Ты немало обещаешь, Ланс Скичира!

Она усмехнулась, как не умел больше никто во всём Тиаме — чуть саркастично, но без злобы. Замерла на перекрёстке коридоров, совсем ненадолго (даже джи-там в системе потолочных динамиков подсказать не успел), и сориентировалась по настенным надписям. Которые, судя по всему, уже научилась расшифровывать.

— Сапфир успела мне кратенько поведать про твои… таланты. — С новой силой подхватив меня за ремень, Ч'айя потащила направо. Теперь коридор едва заметно уходил вниз. — Хотя я так и не уловила сути…

— Ага, от других это звучит странно, — то ли хохотнул, то ли булькнул я. Снова ощутил неизбежный медный привкус. — Просто самому пояснить не подворачивалось подходящего момента.

— Ха-х, Ланс! Ты же знаешь, как говорят в Бонжуре? Если долго ждать подхо… осторожнее! — Мои ноги снова чуть не заплелись, но девушка удержала от падения. Продолжила с фальшивым оптимизмом, за которым почти не пряталась подступающая паника: — Если долго ждать подходящего момента подкатить к интересной самочке, в один прекрасный день можно

встретить её в окружении выводка крысят от совсем другого парнишки.

Я рассмеялся-всхлипнул, в очередной раз поражаясь, как быстро Ч'айя впитывала культуры, на постижение которых у меня самого ушёл не один год. А ещё накатило осознание, что мне бесконечно приятно опираться на её плечо… Хоть и столь же бесконечно ненавистно ощущать себя настолько беспомощным.

Ч'айя будто уловила перемену настроения. Извернулась, заглядывая в лицо:

— Ну, джадуга, так ты, наконец, расскажешь?

— О, детка, расскажу… только не смеяться, уговор? В общем, это такой волшебный стих. Я читаю его чу-ха, а затем приказываю делать всё, как велю. Если хочешь, я прочитаю его тебе и заставлю думать, что у тебя утроились силы… или ты вообще можешь нести меня на руках.

Она негромко рассмеялась. Приятно, мелодично, но излишне нервно. Будто через подступающие слёзы.

— Что ж, давай, родной, нам сейчас любая помощь пригодится…

Мы снова свернули. Девушка открыла ещё одну дверь на кодовом замке.

Пока её пальцы танцевали по местному аналогу клавиатона, я умудрился-таки выдернуть из кармана неприятно-облегчённую флягу. Покачал над ухом и убедился, что Благодетельная Когане Но даёт мне возможность насладиться ещё одним глотком не самой дурной паймы.

И вдруг бросил через плечо. Не глядя, не оборачиваясь и не комментируя.

По коридору, помогая гулким ударным потолочный музыки, прокатилось жестяное эхо отскочившей фляги. Девушка под моей рукой вздрогнула, но промолчала. А я набрал в лёгкие как можно больше воздуха (стараясь не морщиться и не кашлять кровью), и неспешно, хоть и совсем не попадая в ритмы и басы «низкого писка», начал читать.

— Девять крохотных мышат,
Сговорились не дышать…
Один вдруг затих не шурша,
Осталось лишь восемь мышат…

За следующей дверью нас определённо ждало что-то лекарское. Это ощущалось и в настенных символах, и в изгибах мебели. Не перебивая, но и не мешкая, Ч'айя потащила меня через приёмные покои.

— Задохнулся второй насовсем,
И мышаток осталось семь.

У третьего лопнул глаз,
И шесть уже мышек сейчас.
Четвёртой не устоять,
И вот уж мышей только пять…

Автоматизированные двери расступались перед нами, и в какой-то момент я ощутил себя в просторном зале, разделённом на полупрозрачные кабины, назначение которых не вызывало никаких сомнений.

Музыка осталась за порогом, стихла, умерла в потолочных динамиках.

— Не вынесла пятая мышка,
Но четверо так и не дышат!
Шестая мышка сердцем вышла,
Три упорных будто не слышат.
Седьмая горло когтями скребёт,
Триумф лишь двоих победителей ждёт…

Ч'айя затащила меня в ближайшую камеру-отсечку, и та сразу откликнулась — зажёгся свет, причём и на дополнительных боковых софитах. В стенках щёлкнуло, над узкой кушеткой в центре запорхали выдвижные приспособления вполне определённого характера и столь же угрожающего вида.

Не позволив себе ни напугаться, ни отвлечься, я наконец закончил:

— Спросила тогда мышь у мыши:
Подруга, а ты вообще дышишь?
А та захлебнулась слюной,
Победу оставив одной.
Отречение.

Я выждал несколько бесконечных секунд, готовый глупо пошутить, как вдруг Ч'айя негромко подтвердила:

— Отречение.

Не позволяя свинцовой тьме навалиться на веки, я как можно увереннее запечатал формулу фонетическим фиксатором:

— Бесцветная относительность переплывает горизонт радости.

— Бесцветная относительность переплывает горизонт радости, — послушно повторила подруга, заставив окончательно ошалеть.

Я осознал себя заваленным на удобное ложе, охотно принимающее изгибы тела (и никаких углублений под выпирающую жопу, никаких отверстий для хвостов!). Ч'айя деловито сдёргивала с меня ботинки, в глазах её появилось что-то матовое.

— Сейчас ты перестанешь паниковать, — приказал я,

проклиная себя за порывы влажного кашля и сбивчивость речи. — Спокойно изучишь инструкции местной техники. Подберёшь необходимые препараты и настроишь операционную программу. Ты меня поняла?

— Конечно, — она кивнула, с оглушительным стуком отбрасывая второй ботинок. — Я тебя поняла.

Сосредоточенная, отступила к панели управления кабинетом, активировала несколько дисплеев, отчасти похожих на светострунные. Но даже несмотря на боль и волны приближающегося забытья я всё равно подмечал, как расслабились острые плечи, как из движений и походки пропали рваность и несобранность.

Что ж, весьма своевременно. Ведь её паника всё больше пугала и самого Ланса фер Скичиру…

— Теперь ты знаешь, — пробормотал я, позволяя затылку приятно утонуть в упругой мягкости вспухшего подголовника. — Это и есть моё волшебство. Талант бледношкурого джадуга, которого так боится и любит Бонжур…

— Знаю… — Ч'айя кивнула, не оборачиваясь.

А я вдруг разобрал в её голосе оттенки борьбы. Что ж, вообще удивительно, что «низкий писк», да ещё столь отвратительного качества, сработал на такой мощной личности, как моя подруга. Если, конечно, она не притворялась…

— Хочешь сказать, что ощущаешь эффект?

— Вынуждена признать, да, — не совсем убедительно подтвердила девушка, продолжая настраивать консоль.

Надо мной зашевелились многосуставчатые манипуляторы, один вид которых мог заставить орать. Стараясь не следить за их хищной настройкой, я уставился на зад Ч'айи, так броско выступающий в ювелирно-пошитом комбинезоне. Спросил, всё ещё оставаясь на волне «писка»:

— Детка, а ты не обманываешь?

Она ответила не сразу. Вернулась к столу-кушетке, расстегнула крепёж болтающихся на груди «Сачирато», сбросила под ноги, а потом я почувствовал, что меня раздевают. Да уж, видит Всемилосердная Когане Но, что мне хотелось бы ощутить это в совсем других обстоятельствах, но…

Как меня выкрутили из любимого пальто и остатков броневой куртки, я даже не сообразил. Через миг моя бесценная зелёная шкура (яри-яри, с какой небрежностью!) полетела в угол, а ведь в карманах остались кастет и нож, и если дело дойдёт до драки в тесной камере медицинского корпуса…

Ч'айя расстегнула ремень. И снова не для утех и ласк, а чтобы сорвать и скинуть в тот же угол «Наковальню»; придержала за плечи, помогла избавиться от кобуры с «Молотом».

В тот миг я окончательно ощутил себя голым, беззащитным и уязвимым.

А ещё меня начинало морозить, и вот это не понравилось совсем…

— Ну так проверь меня, — наконец ответила Ч'айя.

Невесть откуда взявшимися ножницами вспорола рубаху там, где она ещё не окончательно присохла к заплатке и коже вокруг дырки от фанга.

Я задумался, пытаясь оценить серьёзность происходящего. Подсчитал оставшееся время. Слепящий свет и шевелящиеся над головой змеи манипуляторов не помогали, но подходящий контрольный вопрос всё же нашёлся.

— Что нашла во мне Куранпу?

Ч'айя посмотрела мне в глаза. Внимательно, *протяжно*. Помолчала, куснула губу.

— Этого я ещё не поняла, — негромко сказала она. И добавила тоном, заставившим забыть о боли: — Но обязательно разберусь.

Было нелегко, но я улыбнулся окровавленными губами.

— Значит, «писк» и правда подействовал.

Конечно, совсем скоро девчонке, когда-то более известной остальному миру под именем Софии Кеменер-Вишванат, станет вовсе не до разбирательств со своими чувствами к Лансу фер Скичире. Но слаще лжи за всю непростую жизнь я ещё не встречал.

— Хорошо, детка… — Я позволил плечам окончательно расслабиться, утонул в кушетке и зажмурился. — Врубай эти бесовы приборы и иди делать свою настоящую работу.

Вдруг вскинулся и открыл глаза, до икоты напуганный, что успел задремать, что Ч'айя уже отступила к двери, или вовсе давно ушла… Но девушка всё ещё склонялась надо мной, приятно прижимаясь к бедру.

— Знаешь, детка, — добавил я, даже не заметив, как один манипулятор прижался к предплечью и взял кровь на анализ, а второй почти сразу активировал инъектор, — а я даже рад, что главным героем у нас оказалась именно ты… Думал, спасение мира предназначено мне, а получил роль наблюдателя…

Она тоже улыбнулась. Но не очень-то радостно.

— Я никогда не считала тебя простым наблюдателем, Ланс.

— Нет-нет, я не вру, поверь! — Слова давались всё более непросто. На голову будто натягивали полупрозрачный мешок, а веки накачивали водой. — Вся эта суета в центре событий, неизбежные слава, почёт и ответственность… всё это не для терюнаши из «Детей заполночи»…

Моей щеки коснулась узкая ладонь. Нежно, почти невесомо.

— Глупый…

— Ох, детка… да на твоём фоне я и вовсе пустоголовый дурачок… А теперь иди. Я буду рядом. Клянусь.

На этом заканчиваются увлекательные приключения Ланса фер Скичиры, и он от всей души благодарит всех, кто прошёл этот извилистый путь вместе с ним!

Пусть будет светлым небо над твоей норой, пунчи!